

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
И ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ**

**МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

Курган 2005

УДК 800 (08)
ББК Зауралье. Ш+81.2
В 74

Вопросы теории языка и литературы и проблемы методики преподавания: Межкафедральный сборник научных трудов.- Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2005. -139 с.

Ответственный редактор: Казенас О.А.

ISBN 5-86328-677-6

© Курганский
государственный
университет, 2005

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

В.М. Аврасин

Кафедра немецкой филологии КГУ

РЕКЛАМА И РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ, СТРУКТУРА, СТИЛЬ (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕСС- РЕКЛАМОЙ)

В современном обществе реклама как одна из разновидностей информации является необходимым и неизбежным связующим звеном между производством и потреблением. Рекламный текст (РТ) может рассматриваться с самых разных позиций, в разных направлениях и в зависимости от аспекта рассмотрения вызывать различные оценки.

Доминирующая функция рекламы - передача информации и побуждение к совершению некоего поступка (покупки) и именно с этой позиции – обеспечения совершения планируемого действия актуальна постановка вопроса об эффективности рекламы. Однако наряду с таким аспектом рассмотрения рекламы возможна и постановка вопроса о насильственном, как часто утверждают многие авторы, создании новых потребностей у людей, об эволюции и динамике ценностных ориентаций в обществе и далее через ряд промежуточных инстанций – о создании и преобразовании менталитета населения, и все это может оцениваться, исходя не столько из характера рекламы, сколько из концепций оценивающей идеологии социума.

Достаточно вспомнить, как еще в недавнее время реклама в прессе ФРГ и ГДР оценивалась (в советских и ГДР-овских источниках) как почти полярные явления, обусловленные воинственной идеологией в том и другом государствах, а реклама как специфичная разновидность общения с запланированной обратной связью фактически растворялась в этих идеологизированных подходах.

Отвлекаясь от социологических и идеологических подходов к рекламе, попытаемся вспомнить некоторые основополагающие лингвистические (в плане содержания и в плане выражения) принципы теории и практики рекламы.

1. Реклама – это разновидность опосредованного общения между отправителем информации и ее получателем (реципиентом), направ-

ленная, как уже отмечалось, на создание у реципиента интереса к рекламируемым объектам и побуждение его к приобретению их. Общепринято это носит непрямой характер и реализуется в условиях разрыва в пространстве и времени между моментами отправления информации, ее получения и той или иной реакцией реципиента и началом нового цикла.

Необходимо отметить, что при чтении текстов художественной литературы, удаленных во времени, читатель воспринимает заложенную в них информацию и реагирует на нее (мы с интересом и эмоциями читаем «Анну Каренину»), при чтении же РТ, очень удаленного во времени, у читателя не возникает никакого интереса и тем более побуждения к поступку, если этот текст опубликован в позапрошлой газете.

2. Общение модели «реклама – поступок» - процесс сложный и разносторонний.

Реклама использует наряду с естественным языком элементы других семиотических систем: графику, фото, рисунок, цвет, а также (назовем их условно одноразовыми знаковыми системами) различного рода товарные знаки, эмблемы, символику.

Можно утверждать, что типичное для рекламы смешение элементов различных семиотических систем предполагает некоторое перераспределение функций, в результате которого графика, рисунок, фото и т.д. могут выступать и как средства привлечения и усиления внимания к РТ (Blickfang, бликфанг), и как средства создания определенных планируемых ассоциаций, и как носители значимой информации об объекте. Возможно и обратное отношение – средства языка (лексика) в данном тексте не передают никакой значимой информации, а выступают только как бликфанг.

3. Содержание, аргументация, форма, язык и стиль РТ обусловлены такими факторами, как характер рекламируемого объекта, характеристики предполагаемых покупателей, общая конъюнктура рынка.

В качестве одной из главных предпосылок эффективности рекламы выступает конкретность РТ, проявляющаяся в ряде направлений. Представляется возможным из общего понятия конкретности РТ выделить отдельные виды ее.

Прежде всего, это конкретность рекламируемого объекта, т.е. конкретность десигната (КД) – наиболее однозначная и очевидная форма конкретности. Она достигается многими способами - прямым названием рекламируемого изделия, указанием на тип, марку, модель, фирму-изготовителя, изображением товарного знака или самого изделия или сочетанием нескольких способов.

КД в большинстве случаев зависит от самого десигната, диктующего

шего степень этой конкретности и способ ее передачи. Так, реклама машин, технических устройств, кредита требует строгой дифференцированности понятий, детализированности, может быть даже без интонирования высоких качеств объектов, в рекламе же предметов домашнего обихода, мебели, туристических маршрутов, возможностей отдыха превалируют высокие оценки объектов рекламы, удобства, комфорт. Такие РТ допускают некоторую свободу в своих описаниях.

Любому РТ противопоказаны общие слова как в описании десигната, так и в аргументации (уместно вспомнить, как десяток лет тому назад в магазинах Кургана покупателя поражал РТ «Минтай-рыба на все вкусы», который не нес абсолютно никакой информации именно благодаря своей неконкретности; такой РТ не может быть эффективным), которая, безусловно, должна быть конкретной и адресованной конкретной аргументации (КА). КД и КА тесно переплетаются с конкретностью реципиента, т.е. априорным конкретным прогнозированием предполагаемого круга людей, могущих быть заинтересованными в приобретении рекламируемого товара (пол, семейное положение, возраст, род занятий, увлечения, материальное положение и т.д.). Адресованность РТ обязательно предполагает учет психологии потенциальных клиентов или покупателей и реализуется через ориентированность содержания и формы РТ именно на эту психологию и систему ценностных ориентаций. Так, например, авиакомпании ФРГ в своих РТ (рассчитанных на потенциальных пассажиров!) подчеркивают комфорт и сервис в своих самолетах, но избегают технических подробностей, ибо показ множества сложных узлов мог бы отпугнуть массового пассажира; рекламирование же самолетов фирмами-производителями, рассчитанное на авиакомпании, т.е. на специалистов, изобилует техническими деталями.

Прямым следствием КД, КА и КР является конкретность мотивации КМ. В рабочем порядке мотивацию в РТ можно определить как указание на те преимущества, которые влечет за собой совершение того, к чему призывает данный текст.

Для РТ, рассчитанного на более или менее определенный круг адресатов, необходим специфичный набор мотиваций, которые были бы в состоянии воздействовать именно на таких адресатов. Так, например, для рекламы детского питания (основной покупатель – матери) наиболее адекватной мотивацией является указание на экологическую благополучность товара и в значительно меньшей степени – дешевизна, для молодежной одежды – близость к моде, оригинальность, «крутизна», для людей материально стесненных – дешевизна и т.д.

Мотивации могут быть более широкими, то есть рассчитанными на широкий круг реципиентов, и более узкими. Необходимым услови-

ем эффективности РТ является нахождение для него таких мотиваций, которые были бы адекватны установкам у предполагаемого круга реципиентов – установкам, уже существующим или – отметим попутно это важное положение – заново создаваемым всей системой рекламы. Отсутствие такой адекватности превращает рекламу в «антирекламу».

Превращение рекламы в «антирекламу» или хотя бы снижение ее эффективности может быть связано с игнорированием так называемых запретов, затрагивающих как план содержания, так и план выражения в РТ. Так, например, в немецкой рекламе авторы текстов избегают использовать прилагательное *billig* (в прямом смысле дешевый, в переносном – негативная оценочность), даже необходимое в ряде структур отрицание *nicht* (*Hat Ihnen unser Kognak nicht geschmeckt?*) может механически ассоциироваться со смыслом всего текста.

Существуют запреты для внешнеторговой рекламы. Е.Ф. Тарасов и Л.С. Школьник отмечают, что для рекламы на Индонезию нежелательно использование голландского языка (язык бывших колонизаторов), на Индию – изображение коровы (священное животное), для всех мусульманских стран – изображение курящих женщин и вообще людей (традиции Корана).

Очевидно, что в проблеме мотивации проявляются социальная и в какой-то степени идеологическая маркированность рекламы, причем эти внеязыковые факторы оказывают свое влияние через промежуточное звено – создание определенных психологических установок для больших и малых социумов. Такие установки возникают в результате изменений в направленности интересов, в идеологии, в осознании своего социального статуса, в связи с ним – и потребностей и возможностей (В этой связи нельзя не обратить внимание на изменения в менталитете общества бывшего СССР в постперестроечный период – внедрение рыночной экономики с ее широкими возможностями с помощью рекламы создало у значительной части населения стремление выйти за границы своего существующего социального статуса, подняться на более высокую ступень, внешними признаками которой являются, например, приобретение «престижных» автомобилей, дорогой мебели, поездки за границу и т.д. и т.п. С этим явлением связан очень широкий круг социальных, этических и политических проблем, даже поверхностное рассмотрение которых выходит за пределы задач и возможностей данной статьи.).

Роль рекламы в этом процессе очевидна и несомненна.

В принципе любой РТ включает в себя (или может включать)

- а) информацию о наличии какого-либо товара, возможности получения различных услуг,
- б) краткие характеристики предлагаемого объекта,

в) мотивации, эксплицитным или имплицитным выводом из которых является апелляция к реципиенту с побуждением к приобретению товара, использованию услуг или совершению иных поступков. Эти элементы выделены структурно далеко не всегда.

Перечень элементов РТ представляет собой его денотативную основу, на базе которой могут реализоваться многочисленные и разнообразные бликфанги, средства создания ассоциаций, колорита, усиления запоминания, придания нужной стилевой окраски и все это помогает держать РТ на уровне требуемого регистра.

Среди практического бесконечного многообразия РТ можно выделить элементарные тексты с эксплицитными апелляциями и мотивациями (типа «Пейте томатный сок, потому что он полезен»), тексты, содержащие только конкретную информацию о рекламируемом объекте и адрес, множество разновидностей текстов с имплицитной апелляцией, неявно содержащейся в мотивации, подчеркивающей достоинства объекта, тексты с изображением изделий, зданий, интерьера квартиры (с указанием цены или без него).

Невозможно определить характер эталонной модели для РТ вообще и достаточно трудно найти такую эталонную модель для отдельных групп текстов, ибо даже и в таких группах возможно значительное количество вариантов, различия между которыми могут быть и мотивированными и немотивированными.

Можно лишь в рабочем порядке указать на наличие некоторых тенденций в характеристике формы и содержания условно намеченных больших групп текстов, объединенных близостью рекламируемых объектов.

Предваряя изложение этих тенденций, необходимо отметить, что для современной (во всяком случае немецкоязычной) рекламы чужда какая бы то ни было императивность. Психологи рекламы считают, что императивность и навязчивость в сочетании с угрожающей перенасыщенностью СМИ рекламой раздражает и отпугивает рядового получателя информации, создает негативное отношение ко всему феномену рекламы.

Наблюдения над РТ из современных немецких периодических изданий позволяют утверждать, что отсутствие вербальной императивности ни в коей мере не препятствует реализации апеллятивной функции текста – апеллятивность достигается множеством способов, как, например, подчеркиванием положительных характеристик объекта, указанием на выгодность его приобретения, рисунком, зачастую достаточно далеким от изображения объекта и поэтому привлекающим внимание, товарным знаком, напоминающим читателю об известных ему качествах объекта, наконец, самим названием его, создающим впе-

чатление престижности (авторучка Senator, автомашины Opel-Kapitdn, Opel-Admiral, водка Graf Keglewich, коньяк Fьrst Bismark, часы Lady) или экзотичности. Тенденции такой номинации объектов РТ в Германии приводят иногда к прямому кощунству – в 60-х годах была модной Puschkin-Wodka – „etwas fьr die harten Mдnner“. Аналогичные явления имеют место и в российской рекламе.

В качестве одного из стилистических приемов создания имплицированной апеллятивности в РТ выступает непосредственное обращение к реципиенту, часто в форме вопроса (*Wollen Sie Ihr Haar retten?* в сочетании с изображением лысой головы в рекламе средства для сохранения волос).

Достаточно распространена так называемая интимизация текста – такое содержание РТ, которое должно заставить читателя считать, что покупку он совершает только по своему желанию без какого бы то ни было побуждения со стороны. Тон текстов вкрадчив, создает впечатление интимной беседы, причем шепотом.

Естественно, что подобные приемы уместны и возможны только в пространных РТ, лаконичные же тексты ограничиваются только краткой информацией о наличии объекта рекламы.

По-видимому, основную массу РТ составляют лаконичные тексты, рассчитанные не на случайного читателя, которого нужно прежде всего привлечь к тексту и заинтересовать его объектом, а на человека, уже сформулировавшего свои совершенно определенные требования к определенной группе объектов и стремящегося к оптимальной реализации этих требований. Поэтому такой РТ не нуждается в бликфанге и каких-то апеллирующих элементах, такой текст – это только объективная информация, позволяющая установить, соответствует ли рекламируемый объект требованиям читателя. Безусловно, в процессе выбора нужного из всей массы РТ в заранее сложившиеся требования реципиента могут вноситься коррективы.

Примеров подобной рекламы в периодике ФРГ более чем достаточно. Так, размер РТ автомобильного рынка колеблется между 50 и 150 печатными знаками (*Sьddeutsche Zeitung*). Эти тексты дают представление буквально обо всем, что может заинтересовать владельца автомобиля (но не автомеханика). В таких текстах масса аббревиатур, условных сокращений, специальных терминов, доступных и важных для владельца автомобиля, но отсутствует техническая детализация. Техническим обслуживанием автомобилей на Западе, как правило, занимаются мастерские, а не владельцы машин.

Наряду с лаконичными РТ автомобильный рынок, представляя новые модели, использует и пространные тексты с очень оригинальным бликфангом, продуманными элементами апелляции, рафиниро-

ванной аргументацией, выразительными рисунками в цвете.

Аналогичная ситуация наблюдается и в рекламе жилищного рынка (квартиры, дома, виллы), где преобладают лаконичные тексты.

Дифференциация текстов по лаконичности/пространности объясняется коммуникативной ситуацией, детерминирующей характер и структуру данного текста, преобладание же лаконичных текстов можно объяснить не только коммуникативной ситуацией, но и чисто экономическим фактором – стоимостью площади в газете или журнале, где должен публиковаться РТ.

По всей вероятности можно считать ведущей тенденцией эволюции все растущую дифференциацию рекламы применительно, во-первых, к рекламируемым объектам и, во-вторых, к потенциальным реципиентам; непременным следствием этой дифференциации является закрепление тех или иных стилистических приемов и средств языка и других семиотических систем за более или менее определенными группами текстов.

Специализация рекламных текстов преследует цель способствовать повышению их эффективности.

Р.П. Бекетова

Кафедра французской филологии КГУ

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

1. Традиционная грамматика расширила рамки учения о двухкомпонентном субъектно-предикатном составе суждения (предложения), выделив в особую группу слова, находящиеся в подчинительной связи и распространяющие именной и глагольный компоненты предикативной синтагмы. В грамматику входит учение о главных и второстепенных членах предложения. Номенклатура членов предложения расширяется, открывая новые аспекты изучения предложения не только со стороны его структурного, но и семантического минимумов. Не менее интересными для изучения являются и вопросы номинации членов предложения, выявляющие ряд особенностей в членении синтаксической единицы, выделении базового признака для названия составляющих ее членов в том или ином языке.

2. Второстепенные члены предложения. В грамматике русского языка второстепенные члены предложения получили каждый свое на-

звание: дополнение, определение, обстоятельство, тогда как в грамматике французского языка для любого распространителя компонентов предикативной синтагмы существует единое название – *compliment* (дополнение). Назначение дополнения уточняется по его связи с той или иной частью речи, что находит свое отражение в названии различных видов дополнения. Ср.: *compliment du nom*, *compliment du verbe*, *compliment de l'adjectif* etc (дополнение к имени, дополнение к глаголу, дополнение к прилагательному и т.д.). Таким образом, во французском языке в основе выделения и названия второстепенных членов предложения лежат синтаксическая сочетаемость слов и выражение принадлежности распространяющего компонента (*compliment*) к ядерному распространяемому слову (части речи) сочетания.

В грамматике русского языка название частей речи и их синтаксическая сочетаемость не находят своего эксплицитного отражения в терминологии второстепенных членов предложения. В основе их номинации лежат разнородные признаки, но доминирует семантический. Так, названия таких членов предложения, как «определение», «обстоятельство» связаны с содержательной стороной – выражением признака предмета (определение), либо условий протекания действия, состояния (обстоятельство). В основе названия члена предложения «дополнение» лежит синтаксический критерий (дополнение как элемент синтаксического сочетания).

2.1. Парадигмы второстепенных членов предложения

Распространители любой части речи неоднородны как по своему составу, так и по способу соединения с ядерным компонентом, что способствует выделению подвидов второстепенных членов предложения. Дальнейший анализ парадигм каждого вида выявляет ряд семантико-синтаксических особенностей и в их номинации как в русском, так и французском языках.

2.1.1. Распространители имени существительного

русский язык	французский язык
определение:	<i>complément du nom</i>
• определение согласованное	• <i>épithète</i>
• определение несогласованное	• <i>complément déterminatif</i>
• приложение	• <i>apposition</i>

Как показывает таблица, в русском языке в названии подвидов определения лежит эксплицитно выраженный синтаксический способ подчинительной связи: согласование (определение согласованное), управление (определение несогласованное), присоединение имени

существительного, как правило, с помощью пунктуации (приложение).

Во французском языке в названии подвидов определения нет единого критерия. В названии «apposition» (приложение) отражен особый вид синтаксической связи, в названии двух других «épithète», «complément d'attributif» – семантико-синтаксические критерии (присоединяемые компоненты, несущие признак определяемому слову). Таким образом, и критерии названия подвидов определения в каждом языке неоднородны.

2.1.2. Распространители глагола

русский язык	французский язык
Дополнение <ul style="list-style-type: none"> • дополнение прямое • дополнение косвенное 	Complément du verbe <ul style="list-style-type: none"> • complément d'objet direct • complément d'objet second • complément d'objet indirect • complément d'agent

Парадигмы разновидностей дополнений, распространяющих глагол, выявляют различия как в их количественном составе, так и в объеме информации, отраженной в их названии. Различия в количественном составе связаны с выделением во французском языке в самостоятельный подвид агентного дополнения (complément d'agent), а также выделения из состава косвенных дополнений (complément d'objet indirect) особого подвида - «complément d'attribution» ou «complément d'objet second»: Pierre écrit une lettre à sa sœur (Петя пишет письмо своей сестре). Синтаксическая предложная форма имени существительного (à sa sœur) соответствует названию получателя (datif, bénéficiaire) в семантической структуре ситуации. В русском языке оба дополнения (complément d'agent, complément d'objet second - COD) не выделены в номенклатуре членов предложения в особые подвиды и рассматриваются в составе косвенных дополнений.

Что касается номинации подвидов дополнения, то в русском языке в ее состав входит название синтаксической падежной формы управляемого компонента. Ср.: прямое дополнение – форма имени в винительном падеже, косвенное дополнение – форма имени в других падежах. Во французском языке, как и в русском уточняется синтаксическая беспредложная / предложная (direct / indirect) форма имени существительного. Но в отличие от русского языка в названии подвида дополнения отражено соотношение синтаксической и семантической структур предложения. Ср.: complément d'objet, complément d'agent (дополнение – объект, дополнение – агент действия). Следует отметить, что это соотношение имеет место только в названии второстепенных членов предложения.

3. Главные члены предложения

русский язык	французский язык
Подлежащее Сказуемое: <ul style="list-style-type: none"> • сказуемое глагольное • сказуемое именное	Sujet Prédictat: <ul style="list-style-type: none"> • verbe • attribut: • attribut du sujet • attribut du COD (complément d'objet direct)

3.1. Название одного из главных членов предложения-подлежащего (sujet) неизменно, находится вне зависимости не только от семантики глагола, но и его залоговых форм, ведущих к изменению соотношения семантической и синтаксической структур предложения. Ср.: Michel lave le plancher. Le plancher se lave. (Michel – подлежащее, субъект действия ; le plancher – подлежащее, объект действия). Название французского термина «sujet» происходит от латинского «subjectum». Этот же источник происхождения имеет и русская калька «подлежащее», передающая более четко формальную, синтаксическую основу в названии этимона, одно из его этимологических значений. Ср.: subjicio, jectum – ставить, помещать подле; лежащий, находящийся подле [Латинско-русский словарь. – СПб, 1898. – С. 530].

3.2. Сказуемое

В терминах классической логики второй компонент логического суждения называется «предикат» и означает то, что говорится о субъекте – предмете суждения (ср. с значением латинского глагола «prae-dico» - провозглашать, говорить). Грамматика французского языка заимствует термин «предикат», в грамматике русского языка более распространенной является калька «сказуемое». Однако, в отличие от логики, понятие сказуемого (предиката) в грамматике закрепляется только за глагольными и именными компонентами, означающими признак (действие, качество) предмета. Распространители, входящие в состав логического предиката, получают в грамматике название второстепенных членов предложения.

3.2.1. Заполнение позиции сказуемого различными частями речи отражено в грамматиках в выделении и названии его подвидов. В грамматике русского языка просматривается зависимость названия подвида сказуемого от заполняющих эту позицию частей речи. Ср.: глагольное / именное сказуемое. В грамматике французского языка эта связь просматривается только в названии глагольного сказуемого «verbe».

Термин «attribut» (именное сказуемое) связан с понятием опосредованной синтаксической связи, а именно: присоединение именного компонента, выражающего признак предмета, с помощью глагола-связки.

В номенклатуре членов предложения французской грамматики выделяется два подвида «attribut» в зависимости от того, с каким членом предложения он соединяется опосредованной связью: с подлежащим - attribut du sujet или с прямым дополнением - attribut du complément d'objet direct (COD).

Ср.: L'oncle Pierre est un étrange vieux bonhomme. Подчеркнутый член - attribut du sujet «l'oncle Pierre» (Дядя Петя - чудак). On considérait l'oncle Pierre pour un étrange vieux bonhomme. Подчеркнутый член - attribut du COD «l'oncle Pierre». (Дядю Петю считали чудаком).

Иное членение и, соответственно, название компонентов при анализе предложения в русском языке представлены, с учетом понятия о синкретизме членов предложения, в следующем примере: «Дядю Тихона считали по всей округе чудаком (Шамякин). Словоформа чудаком по отношению к дополнению Тихона выполняет функцию определения, а по отношению к сказуемому функцию дополнения» [Бабайцева В.В. Синтаксис членов предложения в современном русском языке. – М., 1988. – С.90]. Во французском языке термин «определение» (compliment de nom) имеет только тот компонент, который находится в непосредственной подчинительной связи с именем существительным.

Таким образом, в грамматике остаются актуальными вопросы о границах (делимитации) членов предложения, в частности сказуемого, с учетом обязательной / факультативной валентности глагола, о синтаксическом и семантическом минимумах предложения, равно как и вопросы грамматической терминологии. Проведенное исследование позволяет представить следующую картину членения предложения, обозначения компонентов в грамматических терминах сопоставляемых языков.

4. Номенклатура членов предложения

В грамматике французского языка в отличие от грамматики русского языка сохраняется единое название для любого распространителя базовой (предикативной) структуры – «complément» (дополнение), будь то распространитель слова (члена предложения) или распространитель всего предложения (phrase). Для последнего в русском языке вводится термин детерминант (60 г., XX в., Шведова), к сожалению без учета того, что данный термин (déterminatif, с 50 г. XX в. - déterminant) имеет более раннюю историю своего появления и иное значение в грамматической терминологии других языков.

русский язык	французский язык
Подлежащее Сказуемое <ul style="list-style-type: none"> • сказуемое глагольное • сказуемое именное 	Sujet Prédicat: <ul style="list-style-type: none"> • verbe • attribut : • attribut du sujet • attribut du COD (complément d'objet direct)
Определение <ul style="list-style-type: none"> • определение согласованное • определение несогласованное • приложение 	Complément du nom <ul style="list-style-type: none"> • épithète • complément déterminatif • apposition
Дополнение <ul style="list-style-type: none"> • дополнение прямое • дополнение косвенное 	Complément du verbe <ul style="list-style-type: none"> • complément d'objet direct • complément d'objet second • complément d'objet indirect • complément d'agent • complément circonstanciel
Обстоятельство Детерминант	Complément de phrase

Таблица наглядно выделяет три типа компонентов предложения:

- 1) главные, находящиеся в предикативной связи;
- 2) второстепенные – распространители главных членов, находящиеся в подчинительной связи с ними;
- 3) компоненты – распространители предложения.

Третий тип компонентов довольно неоднороден по своему составу в русском языке, ср.: Катюше было много дела по дому [...]. Дорога в нетерпении показалась ему чрезвычайно длинной [ЛЭС, С.131].

Во французском языке распространители предложения отбираются из состава обстоятельственных дополнений, имеющих свободную, нефиксированную синтаксическую позицию в предложении, ср.: Le soir, il se met a la lecture. Il se met a la lecture le soir.

Таким образом, членение предложения на составляющие его компоненты, названия составляющих, базовые признаки их номинации имеют свои особенности в сопоставляемых языках и требуют более пристального внимания к грамматической терминологии, соотношению объемов грамматических понятий (атрибу́т - attribut), появлению омонимии (детерминант - déterminant) в терминосистемах «Члены предложения» в русском и французском языках.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАГОЛОВКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «L'EXPRESS»)

Анализ научной литературы показал динамику в области исследования заголовков газетных статей от изучения их структурно – грамматической стороны к прагматическому аспекту. В целом исследование заголовков ведутся в следующих направлениях:

1. Структурно – грамматическое направление. В данном направлении лингвисты выделили следующие особенности заголовков:

- краткость заголовков за счет опущения артиклей, главных и второстепенных членов предложения, употребление наиболее кратких форм слов и их сокращений;

- использование в заголовках односоставных (именных) и эллиптических предложений;

- построение заголовков по определенным моделям.

2. Направление, изучающее характер связи заголовка с текстом. Ранее утверждалось, что заголовок всегда отражает основную идею и тему статьи [3], в настоящее же время отмечается появление «дезориентирующих» заголовков, не отражающих и порой даже искажающих смысл статьи с целью привлечения внимания читателей [2].

3. Направление, изучающее характер экспрессивности заголовков. В данном направлении лингвисты выделяют основные функции заголовков и способы их реализации.

Начиная с 90 г. XX века, лингвисты обращают пристальное внимание на изучение прагматического аспекта заголовков и в настоящее время это направление является приоритетным. В целом лингвисты выделяют следующие функции заголовков: номинативная, апеллятивная, информативная, убеждения и др. В реализации этих функций участвуют два вида средств: экстралингвистические (шрифт, декоративные элементы, фотографии и т.д.) и лингвистические (стилистические приемы и фигуры).

Одной из основных целей данной работы было исследование роли структурно – грамматических, коммуникативных типов предложения и внутренней пунктуации (двоеточия) в реализации прагматических функций заголовков политических статей.

В ходе исследования заголовков политических статей были выявлены следующие:

Структурно – коммуникативные типы заголовков

Коммуникативные типы	(.)	!	?	...	Итого
Структурные типы					
Сложное предложение	1	—	—	2	3
Двусоставное предложение	45	3		2	52
Односоставное: • именное • глагольное	142	2	2	3	149
	3	2	3	—	8
Итого	191	7	7	7	212

Таким образом, мы видим, что среди структурных типов наиболее распространенными являются заголовки, выраженные односоставными (именными) предложениями (149 из 212). Меньшая часть заголовков представлена простыми предложениями (52 из 212) и еще реже встречаются сложные предложения (3 из 212).

По утверждению лингвистов среди коммуникативных типов предложения наибольшее воздействие на читателей оказывают заголовки, выраженные вопросительными, восклицательными и незаконченными предложениями, реализующие воздействующую функцию или иллюкутивный эффект, например:

Le cauchemar Le Pen, jusqu' où?
 Au secours, Le Pen revient !
 En cas de defaite ...

Но так как количество подобных заголовков очень мало (всего 21 из 212), для исследования представляет интерес каким образом прагматические функции реализуются в заголовках, выраженных повествовательными предложениями. Анализ повествовательных предложений с точки зрения семантических типов показал, что иллюкутивный эффект реализуется в заголовках, имеющих значение характеристики (22 примера), так как основным назначением характеристики является оказание воздействия, например:

La droite schizophrène
 Chirac l'activiste indécis

Для реализации прагматических функций большое значение имеет использование таких средств внутренней пунктуации, как двоеточие (70 из 212). В целом в ходе анализа заголовков были выделены следующие случаи использования двоеточия:

1. Двоеточие, разделяющее заголовок на две части, когда первая часть определяет область статьи (политическая партия, топоним, поли-

тический деятель), а вторая – уточняет какая именно проблема из этой области интересует автора (7 из 70), например:

Gauche : Les Verts dans le fruit

CSA : Jospin contre Baudis

2. Двоеточие, заменяющее глагол. Так были выделены случаи опущения глаголов: dire, avoir, être, montrer, se voir (23 из 70), например:

Jospin : l'âge du capitaine (опущение глагола «avoir»).

Raffarin : «Ce que je veux» (опущение глагола «dire»).

3. Двоеточие как средство актуального членения предложения при изменении порядка слов. Обычно в этой функции выступают такие средства, как сегментация и презентативы. Двоеточие является более необычным и поэтому привлекает большее внимание читателей (40 из 70), например :

PC : la chute finale

Voynet : nouveau départ

Благодаря использованию двоеточия в заголовках, автор не только достигает его краткости за счет опущения глаголов, но и придает ему более экспрессивное значение при изменении порядка слов, даже при использовании нейтральной лексики. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что двоеточие в заголовках используется для реализации иллюкутивного эффекта.

Как было сказано ранее, для реализации прагматических функций используются и экстралингвистические средства (размер и цвет шрифта, фотографии и т.д.). Анализ заголовков показал, что размер шрифта в заголовках варьируется в пределах от 0,5 до 4,5 см.

Размер шрифта заголовков

Размер шрифта в см	0,5	0,7	1	1,5	1,7	2	2,5	4,5
Количество заголовков	26	40	48	50	36	3	7	2

Таблица показывает, что наиболее распространенным является шрифт, равный 1,5 см. Заголовки, оформленные более крупным шрифтом, встречаются реже, но именно на таких заголовках прежде всего останавливается внимание читателей.

Особое внимание авторы уделяют изобразительным средствам, таким как фотографии и графики. Как правило, авторы подбирают фотографии, подчеркивающие основную идею статьи. Таким образом, достигается максимальное воздействие на читателя за счет одновременного использования экстралингвистических и лингвистических средств.

Анализ синтаксических средств, реализующих иллокутивный эффект, показал, что:

- наибольшее значение для реализации воздействующей функции или иллокутивного эффекта имеет использование средств внутренней пунктуации, а именно двоеточия при изменении порядка слов, что составляет 33% от общего числа заголовков;

- семантические тип предложения, имеющий значение характеристики, так же является эффективным средством оказания воздействия на читателей, но их общее количество составляет всего 10 %;

- коммуникативные типы предложений: вопросительные, восклицательные и незаконченные предложения, реализующие иллокутивный эффект, составляют 9%.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в заголовках политических статей воздействующая функция реализуется и на синтаксическом уровне.

Список литературы

1. Омельченко С.В. Заголовок журнальной статьи (в прагматическом аспекте) // Лингвистика. Стилистика. Текст. – Курган, 1999. – С. 20 – 22.
2. Подчасов А.С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах // Русская речь. – 2000. - №3. – С.52 – 53.
3. Швец А.В. О некоторых синтаксических конструкциях газетных заголовков // Разговорные конструкции в языке прессы. – Киев: Киевский гос. ун-т, 1971. – 94с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Е.В. Баженова

*Кафедра иностранных языков
технических специальностей КГУ*

О ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ НА ЭТАПЕ ДЕКОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

Любой текст отражает свойства процесса коммуникации, поскольку он всегда создается в *определённом контексте* для *определённой аудитории* исходя из поставленных *определённым источником определённых целей* с учетом особенностей канала передачи и возможности обратной связи.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре «текст» (от латинского *textus* – ткань, сплетение, соединение) определяется как объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [ЛЭС, с. 507].

Анализ газетного текста возможно осуществить на основе модели следующих компонентов процесса массовой коммуникации: контекст – источник – кодирование – декодирование – адресат – обратная реакция.

Начинается процесс коммуникации с источника сообщения, который ставит своей задачей создать и передать некие сообщения аудитории. При этом можно выделить аспекты: кодирование посредством выбранного кода, размещение сообщения на определенном (или нескольких) канале, коммуникация и декодирование.

Кодирование представляет собой операцию превращения информации в сообщение, в структуру кода входят и полиграфические, и логические, и языковые средства оформления газетного материала, и фактическое содержание. Иными словами, это есть разнообразные трансформации исходного текста, то есть представление идеи, которую источник стремится донести до получателя в кодах или символах. Один и тот же текст можно по-разному подать аудитории и, следовательно, добиться разного эффекта (текст можно представить в виде статьи, устного выступления и т.д.). Можно сказать, что кодирование – это способ передачи информации и техника воздействия.

Выбор канала и носителя информации откладывает неизгладимый отпечаток на саму информацию. Очевидно, что любое сообщение претерпевает определенные изменения и адаптируется к специфике канала передачи. Особенность канала информации определяет такое свойство газетного текста, как его относительная краткость. Используются стилистические приемы и средства, не требующие для своей реализации больших объемов, но обеспечивающие максимальную сжатость высказывания. Процесс распространения информации носит социальный характер, что определяет отбор речевых средств, призванных выразить не индивидуальную, а социальную оценку фактов, явлений и событий. Это предполагает использование общеоценочной лексики, социально значимых и социально закрепленных речевых средств и клише, общественно-политической терминологии.

В этой связи необходимо отметить важность контекста ситуации как при создании, так и при восприятии текста. Особую значимость для газетной публицистики сегодня приобретает «вертикальный» контекст. Выход за рамки читательского тезауруса (в том числе культурного и языкового) может оказаться серьезной помехой в восприятии и воздействии предлагаемого текста. Чем лучше «вертикальный» контекст

знаком читателю, тем короче канал коммуникации и тем большее значение имеет упомянутый контекст для возникновения разнообразных ассоциаций. «Вертикальный» контекст должен быть легко распознаваем. И имплицитная оценочная информация может декодироваться только в широком коммуникативно-прагматическом контексте, состоящем из тесно взаимодействующих между собой лингвистических и экстралингвистических компонентов.

Особого внимания заслуживает контекст межкультурный. В газетных текстах отражается национальный язык, используемый для передачи сообщения. Закономерности, выделяемые в разных языках, при совпадении многих характеристик имеют также и различия. Это особенно важно в случае, когда газетно-публицистические тексты используются в качестве аутентичного материала при изучении иностранного языка. Различия подчеркивают необходимость выделения наиболее типичных структур и приемов, позволяющих читателям ориентироваться в «море» авторского текста.

Декодирование информации – процесс перевода сообщения на язык получателя. Оно определяется во многом личностным восприятием, способностью распознавать и интерпретировать коды и в целом носит субъективный характер.

В свою очередь, в процессе понимания текста можно выделить следующие стадии: идентификация содержания текста (выявление сущности содержания, критическое восприятие, разграничивание главного и второстепенного); осмысление содержания текста (ассоциации, интерпретация, обобщение); преобразование содержания (компрессия, реорганизация, отбор нужного содержания).

Опыт преподавания показывает, что когнитивная деятельность субъектов обучения, связанная с интерпретацией изучаемого текста, часто ограничивается формальным пониманием содержания. Уместным здесь нам представляется использование герменевтического подхода в трактовке понимания смысла прочитанного текста. основоположники герменевтики как общей теории понимания – Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер – считали, что пониманию подлежит не только дословный смысл сказанного или написанного, но и личность самого автора высказывания или текста. Должны быть поняты и текст, и контекст, и мировоззрение автора.

Осознание смысла текста (а также и контекста) происходит в результате совместного взаимодействия обучаемых, когда общими усилиями студенты приходят к единому решению (смыслу). Задачей же автора с самого начала является обеспечение всех условий для наиболее полного понимания выраженного содержания, построения сообщения таким образом, чтобы в тончайших оттенках донести его до адре-

сата (не только буквальное понимание, но подразумеваемое, субъективное).

В заключение укажем, что использование на занятиях по иностранному языку аутентичных газетно-публицистических текстов и герменевтическая их интерпретация как один из способов декодирования информации способствуют достижению главной цели обучения – овладению коммуникативной компетенцией иноязычной речи.

Р.А. Бутенко

Кафедра французской филологии КГУ

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА ИНТОНАЦИИ

Дискуссионность ряда вопросов современной интонации объясняется несколькими причинами, среди которых в качестве основных можно выделить следующие:

- сложность интонации как акустического явления в его материальном проявлении и как одной из подсистем частной языковой системы со всеми присущими данной лингвистической структуре особенностями;
- использование терминологии, неадекватной исследуемому уровню: акустическому, перцептивному, функциональному и др.;
- различное понимание роли компонентов интонации для слухового восприятия и распознавания смысла высказывания.

Следствием названных причин является существующее до настоящего времени множество определений интонации как комплексного языкового явления надфонемного уровня, а также неопределенность в вопросе объема и содержания компонентного состава.

Оба фактора тесно взаимосвязаны: решение вопроса объема компонентного состава интонации, на наш взгляд, обуславливает содержание понятия интонации и определяет выполняемые ею функции.

Попытка вычленить компоненты интонации проявилась еще во времена существования ораторских школ в Древней Греции при обучении искусству риторики. Уже тогда были упомянуты компоненты, служащие способами воздействия на слушающего: мелодика, пауза, ритм, темп.

В отечественном языкознании одной из первых работ, где упоминается о роли высоты, силы, длительности и тембра в звучащей речи является «Руководство к риторике» М.В. Ломоносова.

В течение двух последующих веков в работах, связанных с изучением явлений надфонемного уровня, вопросы компонентного состава также затрагиваются прямо или косвенно. Объективной причиной вариативности компонентов интонации явилось отсутствие в XVII-XIX веках возможности инструментального анализа, что позволяло опираться лишь на опыт слуховых наблюдений. И только в XX веке создается специальная аппаратура, позволяющая технически достоверно изучать частоту основного тона голоса, его интенсивность, длительность, т.е. те явления, изучение которых впоследствии отнесут к акустическому направлению, позволившему сформулировать понятие интонации как относительной структуры взаимосвязанных и изменяющихся во времени компонентов. Однако, когда произойдет дифференциация в понимании акустических проявлений и воспринимаемых качеств интонации – высоты тона /мелодики/, долготы /темпа/, силы /громкости/, отсутствие сигнала /паузы/, то проблема компонентного состава станет еще запутаннее: произойдет неадекватный перенос понятий с акустического уровня на перцептивный и наоборот.

Анализ компонентного состава интонации в плане диахронии с первых появлений отечественных и зарубежных печатных источников по 70-е годы XX века достаточно подробно проведен в работе Л.К. Цеплитиса [2], из которой следует, что количественный диапазон у разных исследователей колеблется от двух до восьми компонентов, чаще всего четыре – шесть. Единственным обязательным компонентом представлена мелодика, затем почти у всех исследователей упоминаются интенсивность и темп. Наименее константными являются пауза и ударение.

В задачу автора вышеназванной монографии не входило терминологическое исследование с точки зрения принадлежности понятий к одному из возможных уровней изучения интонации, но проведенный нами обзор показал отсутствие дифференциации в их употреблении.

Но наиболее неоднозначным оказалось отношение разных исследователей к компоненту «ударение». Анализ авторских позиций на предмет включения / невключения ударения в компонентный состав интонации показал следующее (выборка составлена в соответствии с последовательностью опубликования работ):

- включают Боборыкин (1872), Озаровский (1914), Пешковский (1927), Богородицкий (1930), Трубецкой (1939), Галкина-Федорук (1958), Артемов (1961), Николаева (1968) и др.;

- не включают Есперсен (1904), Всеволодский-Гренгросс (1929), Армстронг (1931), Артемов (1940), Гвоздев (1949), Торсуев (1950) и др.

Таким образом, полярность мнений в один временнй период составляет 50:50. Эволюция мнений отдельных ученых прослеживается на примере позиции В.А. Артемова: в его ранних работах ударение

не входит в компонентный состав, в более поздних – входит.

Изучение работ более позднего периода – 80-90 гг. – показало, что двойственность подходов продолжает существовать. Например, Торсуева (1979), Антипова (1990) и др. считают ударение компонентом интонации, Светозарова (1982), Нушикян (1986) и др. – не считают. Кстати, во французской лингвистике большинство исследователей – Метта, Фор, Леон – включают ударение в состав компонентов интонации.

Сторонники исключения ударения из состава компонентов интонации аргументируют свою позицию следующим образом: во-первых, если интонация выражает часть содержания высказывания и, следовательно, обладает семантикой, то и компонент интонации должен ею обладать; во-вторых, изменение одного компонента интонации не должно обязательно влиять на другие, т.е. он должен обладать относительной самостоятельностью. Иначе говоря, изменение параметра одного компонента может менять значение высказывания, не затрагивая все прочие свойства звучания.

По мнению сторонников данной концепции, ударение и ритм не обладают способностью менять смысл высказывания [2].

Как известно, в акцентную систему языка входят ударения разного типа, однако большинство авторов не дифференцируют тип ударения, о котором идет речь, и лишь некоторые исследователи конкретизируют явление как логическое ударение (Озаровская, Ахманова, Цеплитис/ или как фразовое /Трубецкой, Пешковский и др.).

Из публикаций последнего десятилетия своеобразным подходом выделяется концепция Ж.Б. Верениновой, которая для решения проблемы включения / невключения фразового ударения в число компонентов интонации предлагает исходить из ряда принципов, среди которых ведущим считает структурный, позволяющий равноправными компонентами считать лишь те фонетические явления, которые имеют своей основой один из физических параметров речи. По мнению автора, ни ритм, ни фразовое ударение не восходят в своей основе ни к одному из физических параметров, а образуются из целого ряда воспринимаемых элементов [1].

Но так как роль данного явления в передаче смысла высказывания велика, и оно не может оставаться вне общей системы фонетических средств, участвующих в интонационном оформлении фразы, то автор предлагает компоненты интонации считать просодическими средствами, а фразовое ударение и ритм – просодическими признаками. Таким образом, понятие интонации в трактовке Ж.Б. Верениновой получает следующую формулировку: интонация есть сложное единство взаимосвязанных между собой просодических средств и просодических признаков, функционирующих во фразе.

Дискуссия по данной проблеме далека от своего завершения, о чем свидетельствуют интерпретации понятия интонации в словарно-справочной литературе, которая, наряду с определением явления, указывает на его функции и компонентный состав. Так, если Словарь лингвистических терминов (Ахманова, 1969) в компонентный состав интонации включает только логическое ударение, то Словарь-справочник лингвистических терминов (Розенталь, Теленкова, 1985) - и логическое и фразовое, Лингвистический энциклопедический словарь (Ярцева, 1990) ударение не включает, но оставляет ритм, Большой энциклопедический словарь (1991) систему ударений определяет обобщенным понятием акцентуация, выделяя отдельно в качестве компонента ритм.

Итак, анализ различных подходов к определению компонентного состава интонации показал следующее:

1) до настоящего времени нет единого мнения относительно объема и содержания компонентного состава интонации;

2) наиболее дискуссионным остается вопрос по поводу включения / невключения ударения и ритма в число компонентов интонации;

3) подразделение компонентного состава на просодические средства и признаки и отнесение к последним ударения и ритма приводит к пониманию интонации как уровневой структуры с разделением компонентов на основные (средства) и дополнительные (признаки) как результат лингвистической интерпретации средств. Такой подход представляется не совсем оправданным, т.к. ударение и ритм являются неотъемлемыми характеристиками звукового оформления фразы и влияют на восприятие ее смысла.

Список литературы

1. Веренинова Ж.Б. К проблеме компонентов интонации // Филологические науки. – 1997. - № 2. – С. 83-87.
2. Цеплитис Л.К. Анализ речевой интонации. – Рига, 1974.
3. Chigarevskaja N. Traité de phonétique française / Шигаревская Н.А. Теоретическая фонетика французского языка. – М.: Высшая школа, 1973.
4. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois et d'autres. – Paris, 2001.
5. Polet, F. L'évolution de l'accent français // Linguistique historique. – Paris, 1998.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФОНОСТИЛИСТИКЕ (АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ)

В лингвистических исследованиях последних лет большое внимание уделяется вопросам, связанным со стилистической дифференцией языка, с вариативностью языковых средств и с выделением функциональных стилей. В этой связи актуальным направлением, возникшим на стыке фонетики, стилистики, социолингвистики и акустики, является фоностилистическое направление. В фоностилистике, как и в любой молодой науке, проблема унифицированности понятий стоит особенно остро: часто используются разные термины для обозначения одного понятия и, наоборот, одним термином обозначаются несколько понятий. Как показывает анализ литературы, терминологическая неадекватность присуща как отечественной, так и зарубежной фоностилистике.

Данная публикация представляет попытку анализа терминологических вариаций в определениях базовых категорий фоностилистики во французских лингвистических текстах. Речь идет не только о формальных различиях в терминологии, но и о различиях в авторских подходах к определению понятий «фонетический стиль» и «фоностилистика» (где фоностиль является объектом исследования).

Появление термина «фоностилистика» во французской лингвистике связано с переводом на французский язык в 1949 году работы Н. Трубецкого «Основы фонологии», в которой автор предлагает модель для изучения новой лингвистической дисциплины «Lautstylistik» (в переводе Ж. Констана как «phonostylistique» – фоностилистика). Н. Трубецкий предлагает выделить в стилистике звучащей речи два аспекта: фонологическую стилистику и, соответственно, фонетическую. Первая должна заниматься изучением условных знаков, закодированных в языке, например, эмфатическим ударением. Вторая исследует индивидуальные незакодированные знаки, в т. ч. и дефекты речи. Однако фоностилистические исследования звучащей речи во французской лингвистике первой половины XX века не получили широкого распространения. На наш взгляд, это явление можно объяснить доминирующим положением в зарубежной лингвистике структурального направления, что нашло свое отражение в появлении большого количества дескриптивных синхронических исследований, особенно в области фонологии, где фонологическая система языка изучалась изолированно

но и была представлена как некий однородный объект, связь которого с экстралингвистической реальностью, с социальной вариативностью и прагматической обусловленностью не учитывалась.

В 60-70-е годы на первый план выходит функциональное направление с его вниманием к основной функции языка – коммуникативной. Именно в этот период начинается изучение вариативности языка на всех уровнях, в т.ч. фонетическом, вследствие чего в научных публикациях появляется термин «фоностилистика». Но унифицированной трактовки данного термина в тот период не существует, т. к. еще не выработано адекватное понимание объекта и предмета исследования фоностилистики как науки. Например, существуют разные обозначения объекта исследования «style sonore, phonostyle» - (П. Леон), «diction, débit» - (П. Фуше), «prononciation» - (П. Пасси, Ж. Страка) и т. п.

П. Леон в своей работе «Aspects phonostylistiques des niveaux de langue» (1969) объявляет основной задачей фоностилистики изучение многочисленных фонетических эффектов, которые делают речь более выразительной. Однако уже в следующей публикации «Essais de phonostylistique» (1971) он выдвигает иную функциональную модель, разделяя фонетические средства языка на произвольные показатели (indices involontaires) и произвольные знаки (signaux volontaires). Первые выполняют функцию идентификации: раскрывают эмоции и характер говорящего, а также передают информацию о его принадлежности к социодialeкту. Вторые выполняют функцию импрессивного воздействия на слушающего, выражая отношения, зависящие от ряда факторов: статуса собеседника, социального контакта и др. В работе «Précis de phonostylistique: parole et expressivité» (1993) П. Леон затрагивает вопросы, связанные с фонетической вариативностью, диалектологией, социологией, звуковыми символами, которые связывает с задачами фоностилистических исследований.

Анализ работ И. Фонажи, П. Геро, П. Фуше и др. показывает, что их авторы также считают объектом фоностилистических исследований фонетическую вариативность, но в более широком диапазоне - в проявлениях на сегментном и суперсегментном уровнях диалектальных, профессиональных и индивидуальных речевых черт.

Своеобразный подход к решению проблемы объекта исследования фоностилистики выдвигает в 90-е годы И. Фонажи. Он предлагает изучать фоностилистическую вариативность с точки зрения психоанализа, т. к. стилистические черты звуковых и просодических средств языка основаны, по его мнению, на импульсивности говорящего. Таким образом, по мнению Фонажи, объектом изучения фоностилистики являются те фонетические средства, которые осознанно используются в речи для эмоционального воздействия на слушающего. Французские стилисты

Ж. Мазале́йра и Ж. Молине также высказывают точку зрения, что фоностистика является составной частью социолингвистики, так как дикция, манера произношения во многом зависят от условий общения.

Анализ справочных комментариев оригинальных французских словарей показал, что трактовки определений фоностистики отражены только в *Dictionnaire de linguistique* (Dubois, 1973, 2001) и в *Vocabulaire de stylistique* (Mazaleyrat, 1989), в основе интерпретаций которых использованы концепции Н. Трубецкого и П. Леона.

В целом анализ лингвистических и словарных текстов вышеназванных работ позволяет обобщить некоторые характерные черты, присущие исследованиям во французской фоностилистике:

- определение ее как социолингвистической дисциплины;
- объектом исследования фоностилистики признаются комплексные явления, состоящие из лингвистических и экстралингвистических компонентов: фонетической вариативности на сегментном и надсегментном уровнях в различных сферах и ситуациях общения;
- появление психоаналитического подхода к определению объекта и сферы фоностилистических исследований;
- наиболее дискуссионным остается вопрос адекватности употребления базовой терминологии.

Список литературы

1. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем.- М.: Ин. лит-ра, 1960.-372 с.
2. *Dictionnaire de linguistique* / Dubois, M. Giacomo ect. - Paris: Librairie Larousse, 1973. - 516 p.
3. Fonagy, J. *La vive voix* / J. Fonagy. – Paris : Payot, 1983. – 75 p.
4. Léon, P *Précis de phonostylistique, parole et expressivité* / P. Leon. - Paris: Nathan, 1993. – 335 p.
5. *Vocabulaire de stylistique* / J.Mazaleyrat, G. Molinée.- Paris: Press Universitaire de France, 1989. - 380 p .

Т.В. Гаврина

*Кафедра иностранных языков
технических специальностей КГУ*

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В последнее время среди ученых-филологов, переводчиков, учителей школ и преподавателей вузов все чаще можно услышать слово-

сочетание «межкультурная коммуникация». Так что же это такое? Это понятие толкуется по-разному. Так, профессор университета Антверпена в Бельгии Джеф Вершуерен различает межкультурную и международную коммуникацию. К международной коммуникации он относит взаимодействие в публичной сфере на уровне групп, а под межкультурной коммуникацией Вершуерен понимает «взаимодействие между людьми или небольшими группами людей, принадлежащих к различно идентифицируемым группам, которое происходит в частных или институционализированных контекстах, но не в публичной сфере». Однако у отечественных филологов (А.М. Медведева, Г.В. Терехова и другие) не наблюдается такого четкого разграничения, скорее наоборот, эти понятия являются синонимами.

При данном обстоятельстве можно определить объекты исследования, когда рассматривают международную коммуникацию с лингвистической точки зрения. Итак, это могут быть:

- международные новости и комментарии в различных средствах массовой информации (таких как печать, радио, телевидение и во все большей степени Интернет);

- некоторые из источников, на которых основываются новости (такие как пресс-релизы и заявления для прессы, многие из которых доступны через Интернет);

- непосредственные формы международного взаимодействия в той мере, в какой они открыты для непосредственного наблюдения (например, дебаты);

- реклама в средствах массовой информации.

Процесс межкультурной коммуникации, т.е. передачи информации на иностранном языке, обеспечивается переводчиками. Поэтому уже несколько последних лет теория перевода является разделом межкультурной коммуникации. Однако отдельные люди могут самостоятельно общаться с носителями другого языка (и культуры соответственно) при наличии определенных коммуникативных знаний, умений и навыков. С этой точки зрения можно сказать, что гражданское образование также является разделом межкультурной коммуникации.

Почему же заимствования являются элементом межкультурной коммуникации? Заимствования из одного языка в другой происходят в результате политических, экономических и культурных контактов между народами. При этом заимствуются не только понятия, слова, но и реалии языка. Процесс заимствования считается совершившимся, если заимствованное слово прочно входит в систему языка-рецептора, т.е. ассимилируется фонетически, графически, грамматически и лексически, действует и подчиняется законам языковой системы.

Принимающий язык заимствует слова из тех лексических полей

другого языка, которые являются наиболее актуальными для данной эпохи, контакты в которых идут интенсивнее. Например, во время Отечественной войны 1812 года французский язык заимствовал из русского слова *шапка* - шапка, *oukase (ukase)* - указ, *tsar* – царь и другие. В последние 50 лет наблюдается интенсивное проникновение английского языка, английской и американской культуры во многие сферы не только русского языка, но и французского и немецкого языка и культуры. Поэтому многие ученые, политологи и социологи говорят о глобализации английского и американского языка и культуры, что опять же связано с увеличением международных контактов в различных областях социальной жизни.

Графемно-фонетическая ассимиляция англо-американских заимствований во французском языке подразумевает смещение ударения на последний слог, изменение в написании и произношении звуков. Грамматическая ассимиляция приносит англо-американизмам во французском языке категорию рода и числа (образование множественного числа), а также заимствованное слово приобретает артикль. Например, *un steward – des stewards, une star – des stars*. Лексическая ассимиляция предполагает изменение лексического значения заимствованного слова, способность вхождения в состав фразеологизмов и приобретение стилистической окраски (от нейтральных «*la loi des jungles – закон джунглей*» до экспрессивных «*drole de ticket – странный тип, au gadar – как в тумане, плохо соображая*»), а также способность к словообразованию.

Таким образом, роль языка в межкультурной коммуникации как средства передачи информации несомненна. А также неоспорим факт, что особое место в межкультурной коммуникации занимает английский язык как язык коммуникации для большинства международных субъектов. Характерными чертами языка и его словарного запаса является изменчивость, подвижность и обогащение за счет различных средств, в том числе и заимствований. Заимствуя слова и реалии из другого языка, принимающий язык заимствует часть культуры, что впоследствии, обеспечит межкультурную коммуникацию.

Список литературы

1. Дж. Вершуерен. Прагматика и мониторинг международной коммуникации // Критика и семиотика. -2000. - Вып.1-2. - С81-100.
2. Бергельсон М.Б. Введение в межкультурную коммуникацию //www.ffl.msu.ru
3. Лейчик В.М. Отношения между культурой и языком: общие функции // Вестник МГУ.ё Серия 19.– 2003. - №2. - С. 17-30.
5. Кузьменкова Ю.Б., Кузьменков А.П. Адекватный перевод рекламы

как одна из проблем межкультурной коммуникации //Вестник МГУ,
Серия 19. – 2003. - №1.- С. 49-54.

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация.- М., 2000.

О.Н. Горева, О.В. Сидорова

Кафедра французской филологии КГУ

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Заимствования представляют собой одно из основных явлений жизни любого языка. Контакт одного народа с другим, независимо от характера такого контакта, является в то же время и контактом двух языков. В современном мире происходит процесс интенсификации языковых и культурных контактов, что делает проблему заимствований одной из наиболее актуальных лингвистических проблем. Она непосредственно связана с таким вопросом, как “чистота языка”. В истории французского языка можно выделить периоды, когда речь шла об “угрозе” французскому языку со стороны итальянского и испанского языков (16 в.), а позднее – английского языка (19-20 вв.), что объяснялось определенной ориентацией общественных интересов в каждую из эпох. Так как в настоящее время во Франции все больше проявляется интерес к жизни в России, вновь укрепляются культурные, политические и экономические связи, нас заинтересовал вопрос о проникновении русских слов во французский язык и их ассимиляции. Не угрожают ли русские слова, проникающие во французский язык, его чистоте ?

Исследование проводилось на материале словарей Larousse (1999), Dictionnaire étymologique du français (1981, 1996) и Dictionnaire historique de la langue française (2000), а также на материале статей современной французской прессы.

Нужно отметить, что заимствования из русского словаря начинаются в 15 веке, однако наибольшее количество заимствований приходится на 20 век (45% от общего числа заимствований). Большая часть русских заимствований перешли во французский язык непосредственно через записи путешественников, официальные документы, перевод литературных произведений и т.п. [Анохина, 2002. – С.10]. Но можно выделить слова, имеющие иностранные этимологические корни. Так, например, через русский язык во французский перешли слова латинского происхождения: *nomenclatura* (f), *intelligentsia* (f); слова тюркского происхождения: *kourgan* (m), греческого происхождения: *icône* (f), *liman* (m) и т.п.

Все выявленные заимствования можно разделить на 3 основные группы:

- заимствованные слова, обозначающие собственно предметы, понятия, действия (troika, mazouter, koulak, kache);
- заимствованные слова, образованные от имен собственных (Kalachnikov, léninisme, stalinien, stakhanoviste);
- заимствованные – аббревиатуры и сокращения (samizdat, spetsnaz, sambo).

Что касается тематического распределения заимствованных слов, то можно выделить следующие основные группы:

- общественный уклад жизни и верховная власть (douma, soviet, bolchévik, pérestroika),
- предметы быта (isba, kakochnik, matriochka),
- географические и зоологические понятия (steppe, taiga, beluga),
- военные понятия (spetsnaz, zatchistka),
- единицы измерения и денежные единицы (kopeck),
- названия блюд (blini, pirojki, kwass).

Слова, заимствованные в 20 веке, отражают такие периоды нашей истории, как революция, утверждение власти Советов, перестройка, экономический кризис, война в Чечне.

Ассимиляция русских слов во французском языке происходит на трех уровнях: фонетическом, грамматическом и семантическом.

Фонетическая адаптация касается прежде всего ударения: происходит его перенос на последний слог слова.

В процессе грамматической ассимиляции наблюдаются следующие тенденции:

- большинство заимствованных слов сохраняют род при переходе во французский язык;
- образование множественного числа происходит через оформление соответствующей формы артикля или детерминатива и через прибавление окончания “-s”;
- образование новых слов происходит при помощи французских аффиксов.

В плане семантики большинство слов заимствуются со своим первоначальным значением, и лишь в небольшом количестве случаев можно говорить о сужении/расширении значения слова.

Таким образом, мы можем говорить о наличии процесса ассимиляции русских слов во французском языке, но степень ее не достаточно велика.

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА)

Эмоции человека и механизмы их лингвистического обеспечения всегда были предметом научных изысканий. Целый ряд наук изучают этот психологический феномен: психология, физиология, социология, этика, медицина, биохимия, лингвистика, литературоведение.

У человека главная функция эмоций состоит в том, что благодаря эмоциям мы лучше понимаем друг друга, можем, не пользуясь речью, судить о состояниях друг друга и лучше настраиваться на совместную деятельность. Эмоции выполняют функцию общения, то есть сообщения человеку информации о состоянии говорящего и его отношении к тому, что в данный момент происходит, а также функцию воздействия- оказания определенного влияния на того, кто является субъектом восприятия. Интерпретация воспринимающим человеком происходящего на основании соотнесения с контекстом, в котором идет общение.

На языковом уровне эмоции раскрываются посредством эмоциональной лексики, фразеологических оборотов, экспрессивного синтаксиса, являющихся составляющими категории эмотивности.

Так как многими лингвистами, в частности В.С.Виноградовым, перевод рассматривается как информационный процесс, причем под информацией в данном случае понимаются сведения не только смыслового, но и стилистического, эмоционально-экспрессивного, функционального, оценочного, эстетического и жанрового характера, соответственно, категория эмотивности также является информативной категорией, требующей отражения в переводном тексте. С ее помощью между автором произведения и читателем происходит диалог на тонко дифференцированном языке эмоций. Таким образом, автор общается читателю информацию о состояниях своих героев, а также пытается таким образом воздействовать на читателя. Переводчик же, являясь промежуточным звеном между автором и читателем, должен по возможности сохранить эмотивное своеобразие оригинала для создания адекватного перевода.

Очень часто для этой цели используется эмфатический перевод. Например, в произведении Сэлинджера “The Catcher in the Rye” ярким примером такого приема является перевод прилагательного funny, ко-

торое в зависимости от контекста получает целый ряд новых, эмоционально окрашенных значений:

A funny guy - странный парень;

she started getting funny - она начала вести себя неприлично;

she was getting funny - она начала сердиться.

Иногда эмотивная информация передается при помощи фразеологических единиц, которые автор может преобразовать для получения наибольшего эмоционального эффекта. Например:

that gives me a royal pain in the ass - у меня от этого кишки выворачивает (исходной фразеологической единицей является выражение *to give a pain in the neck* - надоедать, действовать на нервы).

При передаче эмотивной информации возникает проблема эмотивной лакунарности (термин В.И. Шаховского). Под эмотивной лакуной В.И. Шаховский понимает любое несовпадение, выявленное в процессе сопоставления исходного текста и его перевода в сфере выражения эмоций, чувств, эмоциональных состояний и отношений, влияющее на эстетитико-коммуникативную целостность переведенного художественного произведения.

Для примера возьмем следующий отрывок:

"Nobody's tryina chisel nobody", he said. "Let's have it, chief."

"No"

When I said that he got up from his chair and started walking towards me and all. He looked like he was very, very tired or very, very bored. God, was I scared. I sort of had my arms folded, I remember. It wouldn't have been so bad, I don't think, if I hadn't had just my goddam pajamas on.

В данном отрывке преобладают эмоции страха и агрессии, выраженные различными способами. Так, на лексическом уровне они выражены глаголом *to be scared*, называющим чувство Холдена, вульгаризмом *goddam* и восклицанием *God*, которые по религиозным соображениям являются запрещенными, а потому имеют наибольшую эмоциональную окрашенность.

На уровне синтаксиса в глаза бросается наличие инверсии в восклицательном предложении *God, was I scared*, акцентирующем внимание на чувстве страха, охватившем Холдена. Об эмоциональном состоянии главного героя свидетельствует и кинетическое речение *I sort of had my arms folded*. Психологи утверждают, что скрещенные на груди руки свидетельствуют о желании человека отгородиться от окружающего мира. Именно этого и хотел в тот момент Холден.

Переводчик попытался сохранить эмоциональную напряженность данного отрезка в русском варианте:

-Никто никого не собирается обжуливать, - говорит он.

-Деньги давайте, шеф!

-Не дам!

Только я это сказал, как он встал и пошел на меня. Вид у него был такой, будто он ужасно, ужасно устал или ему все надоело. Господи, как я испугался. Помню, я скрестил руки на груди. Господи, как я испугался. Хуже всего то, что я был в одной пижаме.

Эмоция страха выражена здесь при помощи глагола «испугаться», как и в английском варианте, а также восклицания «*Господи, как я испугался*», которое повторяется 2 раза, усиливая тем самым эмоциональную окраску повествования. Однако некоторые моменты мешают адекватному восприятию эмоциональной информации, выраженной в тексте. В частности, употребление глагола «*давайте*» во 2 лице множественного числа в предложении «*Деньги давайте, шеф!*» не передает значения угрозы, как в оригинальном произведении. Наоборот, такая форма глагола употребляется при уважительном обращении к кому-либо. Лишь на рациональном уровне читатель может воспринять заложенную в этой фразе эмоциональную информацию.

Выявление эмотивных лакун и их анализ способствует более полному представлению о межъязыковых и информационных процессах при переводе.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. - М: Изд-во ИОСО РАО, 2001.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. - СПб.: Изд-во «Союз», 2004.
3. Шаховский В.И. Что такое эмотивная лакуна? К проблеме определения эмотивной лакунарности // Перевод и интерпретация текста. - М., 1998. - С.82-94
4. Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи. - Харьков, 1998.
5. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. - Progress Publishers, 1968.

О.Г. Груздева

Кафедра иностранных языков, Курганский филиал Уральского государственного университета путей сообщения

ГИПЕРТЕКСТ

(на материале железнодорожных текстов)

Цель данной работы выявить составляющие гипертекста и применить технологию гипертекста в работе с железнодорожными текстами.

Текст (от латинского *textus* - ткань, сплетение, соединение) - объе-

диненная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность.

В семиотике под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации. В языкознании текст - это последовательность вербальных знаков. Правильность построения текста связана с соответствием требованию «текстуальности» - внешней связности, внутренней осмысленности, возможности своевременного восприятия, осуществления необходимых условий коммуникации.

Структурирование текста - это совокупность устойчивых связей текста, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.

Принципы построения информационных моделей и методы систематизации сведений для разных областей знаний будут различаться из-за специфических особенностей информации каждого конкретного вида. Для систематизации обширного класса сведений может использоваться новый тип информационных моделей - гипертекст, или нелинейный текст, совмещающий положительные свойства энциклопедии, монографии и тезауруса.

Термин гипертекст введен В. Бушем и конкретизирован Т. Нельсоном. Обычному (одномерному) тексту, который можно интерпретировать как длинную строку символов, читаемую в одном направлении, противопоставлен многомерный текст. В отдельных точках такого ветвящегося многомерного текста чтение можно продолжать в нескольких различных направлениях в зависимости от информационной потребности. Гипертекст может отличаться от обычного текста порядком следования материала, элементы гипертекста могут размещаться в виде иерархического дерева или сетевой организации, он может иметь несколько уровней краткого изложения и детализации материала, способов его представления и т.д.

Разделы исходящего материала предоставляются в распоряжение специалиста, который пожелает более детально познакомиться с интересующей его информацией. Кроме того, в случае необходимости могут использоваться ссылки на первоисточники, на основании которых создаются разделы вторичного массива информации, то есть составные элементы гипертекста. Таким образом, абонент, желая разобраться в каком-либо вопросе, может непрерывно запрашивать различные разделы гипертекста, повышая свои познания часто в ходе самого процесса ознакомления, перестраивая направление своего мышления.

В то время как традиционные тексты предназначены для последовательного чтения строка за строкой, страница за страницей, гипер-

текст полон развилочек. Практически в любом месте текста можно превратить чтение и перейти к другой статье, уместной в данной ситуации.

ГИПЕРТЕКСТ - это многоцелевой информационный фонд, характеризующийся полнотой изложения сведений по тематике, наличием ссылок между статьями, а также определенным ограничением состава разделов.

Информационная система типа «гипертекст» предназначена для систематизации текстовой информации и по глубине формализации информации занимает промежуточное положение между документальными и фактографическими информационно-поисковыми системами [4, с. 102].

Основным компонентом гипертекста является справочная (информационная) статья, состоящая из заголовка, текста и списка ссылок на родственные статьи. Для удобства пользования гипертекст может быть снабжен алфавитным указателем (оглавлением) и списком главных тем.

В заголовке справочной статьи дается наименование объекта, описываемого в статье. Статьи должны быть легко обозримыми.

Суждения, включаемые в текст информационной статьи, могут сопровождаться пояснениями в форме уточнения значений терминов, примерами, доказательствами, сравнениями, оценками.

Сведения в справочной статье могут быть упорядочены и снабжены заголовками, облегчающий беглый просмотр и выборочное чтение. Оформление должно быть таким, чтобы, посмотрев на страницу, можно было без труда охватить взглядом все подзаголовки.

Список ссылок на родственные темы представляет собой локальный справочный аппарат. В список ссылок могут вноситься, в частности, заголовки статей на родовые и видовые темы, а также статей, излагающих сведения об участниках и этапах процессов, о фрагментах предметов рассматриваемого класса.

Обязательным компонентом гипертекста является список главных тем. В него включаются заголовки всех справочных статей, для которых нет ни ссылок с отношениями «вид-род», ни ссылок с отношениями «часть-целое». Необходимо стремиться к тому, чтобы размер списка главных тем не превышал одной страницы. В идеальном случае он должен составлять 5-7 легко запоминаемых пунктов.

В гипертексте желательно иметь оглавление, которое несет традиционную нагрузку. Оглавление представляет собой алфавитно-упорядоченный перечень названий всех имеющихся в гипертексте статей.

В последнее время наметилось создание интегрированных технологий, лежащих в основе так называемых систем комплексной информации. Примером подобной технологии может служить мультимедиа технология, позволяющая одновременно работать с числовой, тексто-

вой, графической и аудио-, видеоинформацией в реальном масштабе времени. И все это под управлением одного компьютера.

«Мультимедиа» (multimedia) - это интерактивные системы, обеспечивающие работу с неподвижным изображением и движущимся видео, анимированной компьютерной графикой и текстом, речью и высококачественным звуком. Термин «мультимедиа» даже в английских журналах характеризуется как «ill-defined» - неудачно определенный, в русском же языке это слово несклоняемое, неопределенного рода. Поэтому, как правило, пользуются оригинальным английским термином.

Наиболее часто обозначают термином «гипермедиа» класс систем, образованный пересечением области мультимедиа с областью информационных гипертехнологий, то есть такие системы мультимедиа, для которых существенно структурирование информации с помощью гиперсвязей[6, с.56].

Такие технологии строятся на основе технологических участков генерации, коммуникации, восприятия, распознавания, представления данных, хранения, поиска информации, обучения.

Гипертекст - технология работы с текстовыми данными, позволяющая устанавливать ассоциативные связи-гиперсвязи между отдельными терминами, фрагментами, статьями в текстовых массивах и благодаря этому допускающая не только последовательную, линейную работу с текстом, как при обычном чтении, но и произвольный доступ, ассоциативный просмотр в соответствии с установленной структурой связей. Текст как бы получает дополнительные измерения, будучи одновременно организованным и от начала к концу, и по тематическим линиям, по индексам, библиографическим указателям, - как задал разработчик или пользователь системы.

Информационные технологии - технологии обработки информации, обеспечивающие структурирование информации и произвольный доступ к ее элементам с помощью установления гиперсвязей.

Появление систем мультимедиа произвело революционные изменения в таких областях, как образование, компьютерный тренинг, во многих сферах профессиональной деятельности, науки, искусства, в компьютерных играх, однако оно явилось логическим эволюционным продолжением развития ряда направлений в компьютерной семантике и практике.

Разработка технологии гипертекста и применение ее к созданию электронных руководств, энциклопедий естественно поставили вопрос об иллюстрировании статей, включении географических карт и фотографий. Аппарат внешних ссылок или команд, предусмотренный в идеологии гипертекста, оказался весьма удобным средством для обработ-

ки и представления нетекстовых видов информации.

Развитие компьютерных тренажеров и компьютерных игр, требующих анимации сложных изображений в реальном времени и звукового сопровождения для имитации или моделирования поведения объектов и окружающей среды, также привело к системам мультимедиа.

В рамках гипертехнологий пользователь сам формирует логическую структуру связей с помощью удобного и наглядного интерфейса. Гипертекстовые системы - частный случай «гипермедиа». Гипертекст - особая организация текстового материала, при которой он делится на отдельные фрагменты, между которыми устанавливаются смысловые или ассоциативные связи [5, с. 93]. Ассоциативная организация данных содержит идею преобразования традиционного линейного текста в семантическую сеть или иерархическую структуру, называемую гипертекстом. Гипертекстовая технология подкрепляется широкими концептуальными, функциональными и техническими возможностями, которые позволяют расширить типы обрабатываемых текстов, способы их организации и работы с данными, использовать различные схемы поиска.

Например, железнодорожный текст *From the History of Railways* является базовым текстом с наличием ссылок, изложением сведений по железнодорожной тематике.

Гипертекст - это разветвленная многоуровневая сеть. Отдельные фрагменты текста имеют поясняющие тексты в форме:

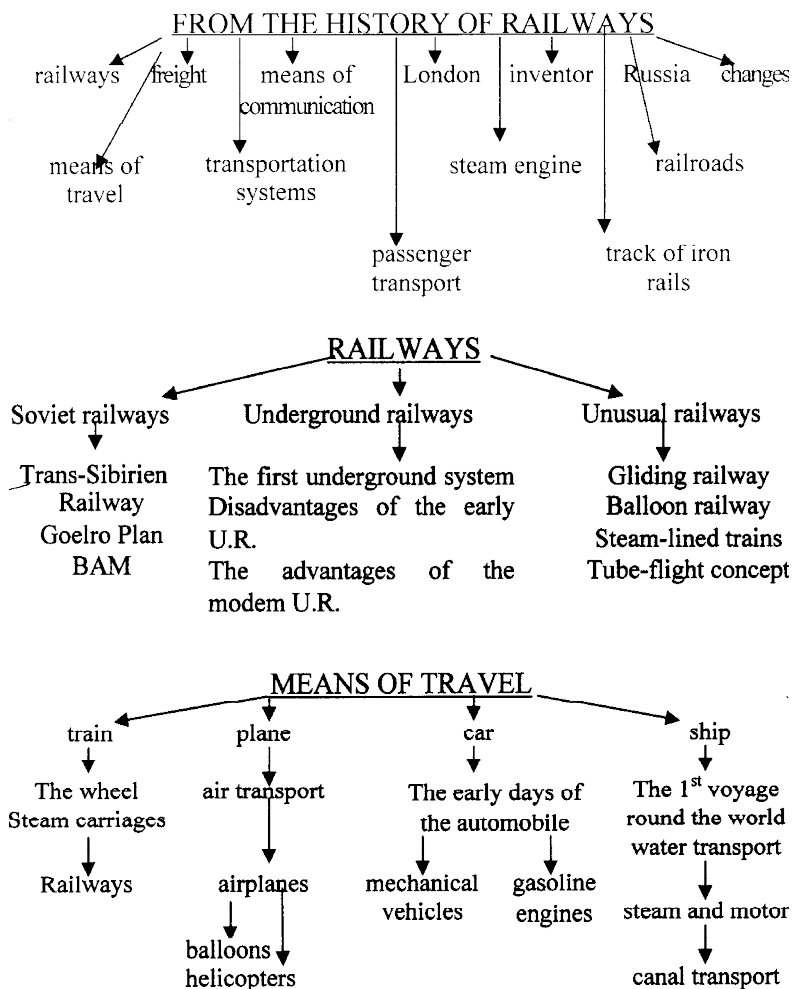
- уточнения значения ж/д терминов;
- ссылок в прошлое, историю того или иного явления;
- углубления информации по той или иной проблеме.

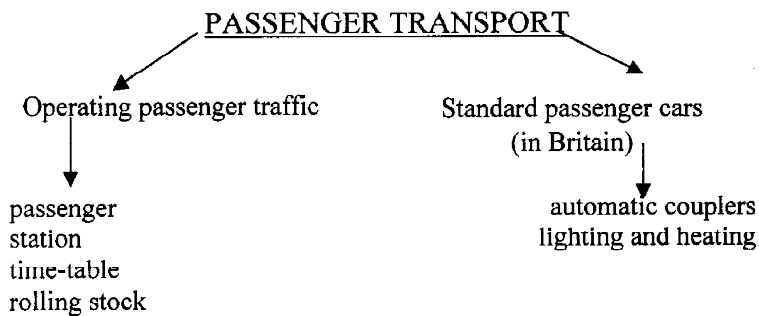
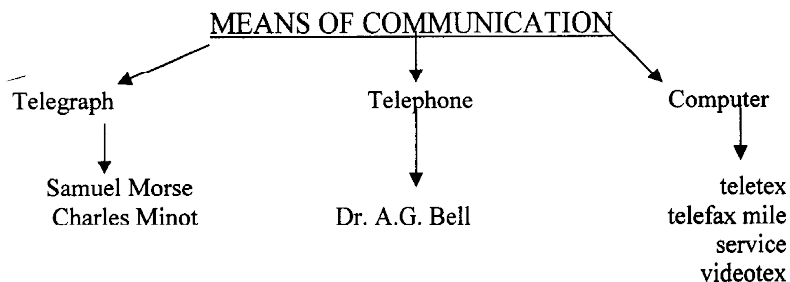
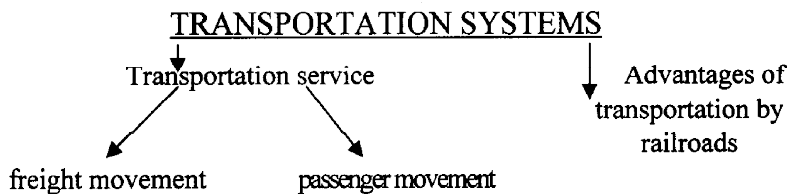
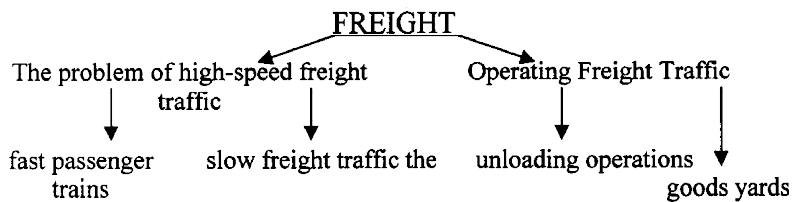
Между отдельными фрагментами текста устанавливаются смысловые или ассоциативные связи. Ю.И. Шемакин и А.А. Романов разработали схему модели гипертекста на материале компьютерных технологий. Мы использовали схему модели гипертекста применительно к железнодорожной тематике.

Итак, схема представляет собой многоуровневую структуру текстов, с помощью которой пользователь находит необходимую информацию за минимальное время и повышает свой уровень знаний и квалификацию.

По мере развития технических средств растет интерес к возможности расширения гипертекста до более широкого понятия гипермедиа - информационной суперсферы, в которой взаимосвязаны не только текстовые формы, но и речевые, графические, вкусовые, обонятельные и осязательные ощущения в статике и динамике.

**СХЕМА МОДЕЛИ ГИПЕРТЕКСТА
(на материале железнодорожных текстов)**

STEAM ENGINE

↓
The beginning of the steam railroad

↓
steam
wagons
the early
railway
the Rocket

LONDON

↙ Automatic trains in London

↘ Minibus service proposed
for London

↓
The Victoria Line

↓
The problem of hard-pressed public
service

TRACK OF IRON AND RAILS

↓
The railroad track

↓
Track construction

↓
track ties
gauge
rail joint
ties

↓
how to build
a railways

INVENTOR

↙ Diesel trackton

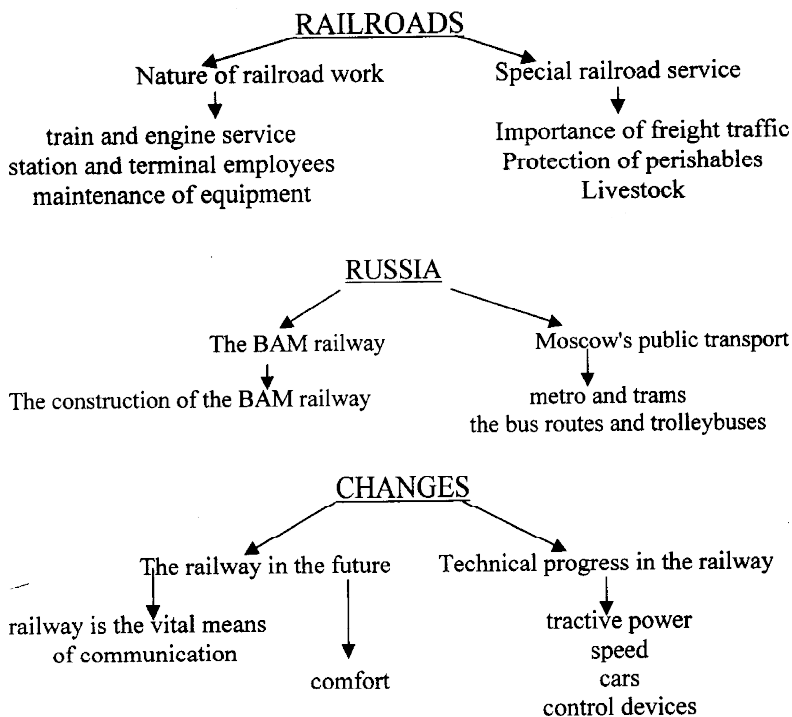
↘ Railroading begins

↙ R. Diesel

↓
ties and electric locos

↘ The Tom Thumb

↓
W. Murdock and his
creation of the Devil

Итак, схема представляет собой многоуровневую структуру текстов, с помощью которой пользователь находит необходимую информацию за минимальное время и повышает свой уровень знаний и квалификацию.

По мере развития технических средств растет интерес к возможности расширения гипертекста до более широкого понятия гипермедиа -информационной суперсферы, в которой взаимосвязаны не только текстовые формы, но и речевые, графические, вкусовые, обонятельные и осязательные ощущения в статике и динамике.

Система гипермедиа интегрирует процессы человеческих знаний с информационной технологией, полным набором носителей и техническими средствами. Гипертекстовые и гипермедиа системы существенно уменьшают семантический разрыв между человеком и машиной.

Можно сказать, что гипермедиа технологии являются предтечей будущих кибернетических систем, обладающих сенсорными возмож-

ностями сравнимыми с человеческими. Они способны активно и автономно воздействовать на окружающую среду и дают возможность изучать иностранный язык с применением технологии гипертекста.

Список литературы

1. Антонова Н.В. Сборник технических текстов по английскому языку. – Екатеринбург: УрГУПС, 1998. – 46 с.
2. Игнатова И.Н., Геррес Н.М. Сборник статей по железнодорожному транспорту. – М., 1960. – 48 с.
3. Курбасова И.А. Английский язык для технических вузов. – М.: Высшая школа, 1998. – 304 с.
4. Морозов В.П. Гипертекст в экономике. Информационные технологии моделирования. – М.: Высшая школа, 1997. – 254 с.
5. Шемакин Ю.И., Романов А.А. Компьютерная семантика. – М.: ИНФРА – М, 1995. – 173 с.
6. Шемакин Ю.И. Начало компьютерной лингвистики. – М.: ИНФРА – М, 1992. – 192 с.

Е.Е. Иванова

Кафедра общего языкознания КГУ

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Минигруппа социального состояния человека включает в себя фразеологизмы, обозначающие состояние человека, обусловленное фактом его включения в социальные группы и различными социальными факторами. В минигруппе нет фразеологизма-идентификатора. Она состоит из четырех микрогрупп, связанных между собой эквивалентными отношениями. Часть микрогрупп имеет иерархическую структуру с отношениями субординации во главе с базовым фразеологизмом, вступающим в привативные оппозиции со всеми остальными единицами микрогруппы. Часть микрогрупп организована только эквивалентными оппозициями. Особенностью минигруппы социального состояния является антонимия не семантических парадигм в целом, а антонимия синонимических рядов, входящих в разные семантические парадигмы.

Микрогруппа фразеологизмов, обозначающих состояние человека, связанное с его социальным статусом, положением в обществе, имеет комплементарную структуру. В ней нет фразеологизма с наиболее обобщенным значением. На равном удалении от ядра находятся

две семантические парадигмы, связанные эквиополентными отношениями. Семантические парадигмы построены по принципу строгой иерархии. В них выделяются фразеологизмы-идентификаторы, составляющие привативные оппозиции с остальными единицами: *занимать положение, иметь вес, достичь успеха и потерпеть неудачу*. Большинство фразеологизмов противоположных семантических парадигм антонимичны друг другу.

Идентификаторы *занимать положение, иметь вес, достичь успеха* образуют семантическую парадигму, состоящую из четырех синонимических рядов. Синонимический ряд с общей семой «иметь социальную значимость» объединяет фразеологизмы *войти в историю, войти в вечность, войти в легенду, взойти на пьедестал, жить в веках*. Ему антонимичен синонимический ряд *кануть в Лету, кануть в неизвестность, уйти в небытие, уйти в тьму забвения, как в воду кануть, не остаться и следа, уйти из памяти, не остаться и пыли, не остаться ни синь порока, не остаться и помину, не остаться и звания*. Синонимический ряд с общим значением «иметь социальный престиж» включает в себя фразеологизмы *выйти в люди, войти в чины, войти в почет, иметь успех, идти вверх, идти в гору, далеко пойти, идти на повышение, идти на подъем, пробить себе дорогу, оказаться на высоте, выйти на новые высоты, выйти на новые рубежи, выходить на уровень, быть в почете, быть в фаворе, быть на коне, вернуться со щитом, быть на хорошем счету, оказаться на уровне, высоко залететь, уйти далеко вперед, выйти на передовые позиции, выходить на новый этап*. Этому синонимическому ряду антонимичен синонимический ряд с идентификатором *потерпеть неудачу*: *потерпеть катастрофу, потерпеть крах, потерпеть крушение, потерпеть поражение, потерпеть фиаско, потерпеть провал, быть на щите, быть на плохом счету, быть не в чести, быть под конем, свернуть голову, обломать себе зубы, обломать себе рога, свернуть себе шею, остаться в проигрыше, уйти недалеко, расшибить себе лоб, идти ко дну, гореть синим пламенем, гореть без дыму, оказаться в дураках, остаться на бобах, остаться ни с чем, остаться с носом, остаться у разбитого корыта, оказаться не на высоте, оказаться за бортом*.

Данному синонимическому ряду антонимичен синонимический ряд с идентификатором *преодолеть неприятности*: *воскреснуть из мертвых, выйти из небытия, остаться на плаву, гнуться да не ломаться, выйти из прорыва, выйти сухим из воды, выйти из замкнутого круга, выйти из тупика, выйти из кризиса, выйти из положения, выйти из затруднений, преодолеть трудности*. Ему, в свою очередь, антонимичен синонимический ряд с идентификатором *испытыв-*

вать трудности: испытывать затруднения, оказаться в тупике, оказаться между двух огней, не видеть выхода, оказаться в тупиковой ситуации, зайти в тупик, оказаться между молотом и наковальней, оказаться между Сциллой и Харибдой, оказаться между двумя жерновами.

Фразеологизмы, обозначающие материальное состояние человека, уровень его жизни, имеют идентификаторы с общим для всей группы значением: *жить в достатке, жить в бедности*. Они составляют синонимические ряды, антонимичные друг другу. Фразеологизмы *грести деньги лопатой, купаться в золоте, ворочать миллионами, быть при деньгах, купаться в деньгах* противопоставляются синонимическому ряду *впасть в бедность, впасть в нищету, впасть в нужду, идти по миру с сумой, перебиваться с хлеба на квас, жить в нищете, терпеть нужду, ходить с протянутой рукой, еле сводить концы с концами, просить Христа ради*. Синонимичному ряду *потерпеть убытки, понести урон, остаться в накладе, вылететь в трубу, влезать в долги, быть в долгах как в шелках, остаться в одной рубашке, остаться на мели, сесть на мель, быть в убытке* антонимичен фразеологизм *не остаться в накладе*.

В микрогруппе фразеологизмов, обозначающих качество жизни человека, также отсутствует фразеологизм-идентификатор. Она представляет собой объединение двух семантических парадигм, противоположных друг другу по значению. Фразеологизмы, обозначающие тяжелую, полную трудностей, лишений, забот, горя жизнь, входят в два синонимических ряда. Синонимический ряд с общим значением «переносить много невзгод, бед, лишений, гонений» образуют единицы: *пить горькую чашу до дна, терпеть лишения, терпеть муки, пройти все круги ада, терпеть испытания, натерпеться горя, хлебнуть горя, хлебнуть лиха, хватить беды, мыкать горе, мыкать век, век вековать, принять страдания, терпеть гонения, испытывать лишения, пасть жертвой*. Синонимический ряд с общим значением «тщетно прилагать усилия, чтобы выйти из тяжелого положения, бедствовать» составляют фразеологизмы *биться как рыба об лед, не видеть света белого, не видеть просвета, сбиться с ног, куска не доедать ночей не досыпать, вертеться как белка в колесе*.

Этим двум синонимическим рядам антонимичны фразеологизмы, обозначающие легкую, не причиняющую затруднений, мучений, неудобств жизни: *не знать горя, как сыр в масле кататься, жить как за каменной стеной, жить на широкую ногу, жить на барскую ногу, жить как в раю, жить как в кино, жить как у Христа за пазухой, жить не тужить, жить в свое удовольствие, жить как в сказке*.

Микрогруппа фразеологизмов, называющих состояния человека,

обусловленные его социальной позицией, имеет комплементарную структуру. На равном расстоянии от ядра располагаются четыре парадигмы, связанные между собой эквиполентными отношениями. В отличие от предыдущих семантических парадигм, они не все вступают в антонимические связи. Не имеет соотносительного антонимического ряда семантическая парадигма с общим значением «становление личности». В ней выделяется три синонимических ряда. В синонимический ряд с семой «становиться самостоятельным человеком» входят фразеологизмы *встать на ноги, вылететь из гнезда, выйти из стен, становиться на ноги*. Синонимический ряд с семой «быть самостоятельным, не нуждаться в поддержке, помощи» составляют фразеологизмы *крепко стоять на ногах, стоять на своих ногах, устоять на ногах, держать удар, стоять на своих ногах, встать на твердую почву*. У данных фразеологизмов есть один антоним *сидеть на шее*. Общая сема «иметь жизненный опыт» объединяет единицы *пройти огонь и воду и медные трубы, выдывать всякие виды, испытать на себе*.

Не имеет соотносительных фразеологизмов с противоположным значением семантическая парадигма фразеологизмов, обозначающих изменение структуры личности: *терять свое лицо, стать другим человеком, зарости мхом, покрыться плесенью, опуститься до уровня, пережить самого себя, влачить жалкое существование, упасть в глаза*. Единицы в этой парадигме связаны эквиполентными оппозициями. Синонимичными являются только некоторые из них: *зарости мхом - покрыться плесенью - влачить жалкое существование - упасть в глаза; терять свое лицо - пережить самого себя - упасть в глаза; пережить самого себя - влачить жалкое существование - упасть в глаза; опуститься до какого-либо уровня - упасть в глаза - влачить жалкое существование*.

Нет антонимичной парадигмы у фразеологизмов с общим значением «изменение социальных установок». Они тоже не образуют единого синонимического ряда: *перейти в какой-либо лагерь, повернуться на сто восемьдесят градусов, сходить с какого-либо пути, перейти в чью-либо руки, перейти на чью-либо сторону, давать задний ход, перейти на какие-либо позиции, сворачивать со своего пути*. Синонимами являются фразеологизмы *повернуть на сто восемьдесят градусов - свернуть со своего пути*. Остальные семантически недостаточные единицы в зависимости от конкретного наполнения в синтагме могут образовать различные синонимические пары и ряды.

Семантическая парадигма фразеологизмов, обозначающих состояние социальной активности личности, состоит из двух антонимичных парадигм. Фразеологизмы с общей семой «активная жизненная позиция» *видеть перед собой цель, испытывать жажду чего-либо, ис-*

пытывать какой-либо голод, иметь какое-либо желание, испытывать какую-либо необходимость, иметь какое-либо побуждение, иметь какое-либо стремление, иметь какую-либо потребность, иметь какое-либо намерение противопоставлены фразеологизмам с общей семой «пассивная жизненная позиция». В силу своей семантической недостаточности они, в зависимости от контекста, могут вступать или не вступать в синонимические отношения друг с другом. Антонимичная парадигма состоит из трех синонимических рядов. Синонимический ряд с общим значением «пассивное восприятие действительности» объединяет фразеологизмы *топтаться на месте, стоять на одном месте, плыть по течению, идти по линии наименьшего сопротивления, плыть с попутным ветром, не продвигаться ни на шаг, закрывать глаза, прятать голову в песок, ходить по кругу, не мычать не телиться, не шить не пороть, не тянуть не везти, плестись в обозе, спать на ходу, плестись в хвосте*. Синонимический ряд с семой «крайняя степень пассивности, отвержение любой деятельности» составляют фразеологизмы *сидеть мешком, сидеть сложа руки, лежать как камень, лежать на печи, лодыря гонять, лежать на боку, не пошевелить пальцем, не делать ни шагу, бить баклуши, пень колотить да день проводить*. Синонимический ряд с общим значением «изменение активной позиции на пассивную» образуют единицы *уйти в тень, уйти на дно, лечь на дно, выйти из поля зрения, уйти с линии огня, уйти на покой, отойти на второй план, как ветром сдуть, как сквозь землю провалиться, искать ветра в поле, уйти от жизни, отойти от деятельности, сойти со сцены, оказаться не у дел*.

В микрогруппе фразеологизмов, обозначающих образ жизни человека или изменение образа жизни, нет фразеологизма с обобщенным значением. Эквиполентными отношениями связаны соположенные семантические парадигмы. Поскольку понятие «образ жизни» определяется как «формы человеческой (индивидуальной и групповой) жизнедеятельности, типичные для исторически конкретных социальных отношений» [Гвишиани, 1988, с. 193], постольку эта семантика выходит за пределы понятийной категории состояния и в рассматриваемых единицах представлена слабо.

В семантической парадигме с общей семой «прочно обосноваться» фразеологизмы образуют синонимический ряд *свить себе гнездо, бросить якорь, пустить корни, вращать корнями, прирастать корнями*. Ему антонимичен синонимический ряд с общим значением «неопределенность, неустойчивость положения»: *скакать с места на место, метаться из стороны в сторону, болтаться как г... в проруби, разрываться на части, сидеть между двух стульев, служить двум господам*.

Значение «начать новую жизнь» объединяет фразеологизмы *сжечь за собой мосты, сжечь за собой корабли, перейти Рубикон, подходить к порогу чего-либо*.

В семантической парадигме фразеологизмов, обозначающих изменение образа жизни, выделяются две антонимичные парадигмы. Синонимический ряд с общей семой «опуститься, вести предосудительный образ жизни» образуют фразеологизмы *катиться по наклонной плоскости, катиться вниз, пуститься во все тяжкие, утратить образ и подобие человеческого, подходить к краю пропасти, оказаться на дне, быть на краю гибели, стоять на краю пропасти, дойти до черты, ходить по краю пропасти, подходить к черте, катиться в бездну, дойти до крайней степени, дойти до предела*. Еще в одном синонимическом ряду объединены фразеологизмы с семой «нарушение привычного образа жизни»: *выйти из колеи, сходиться с рельсов, сбиться с пути, сбиться с дороги, сбиться с панталыку, сбиться с толку*. Антонимичным им является фразеологизм *войти в колею*. Фразеологизмы *идти по плохой дорожке, впасть в порок, впасть в грех, идти по рукам, перейти на какое-либо положение, отбиться от дома*, не входя в эти синонимические ряды, могут составлять синонимичные пары с любыми членами синонимических рядов.

Антонимичная парадигма с общим значением «образумиться, вести нормальный образ жизни» включает в себя синонимический ряд *браться за ум, выбросить дурь из головы, хватиться за ум, набраться ума, набраться рассудка, набраться ума-разума, стать человеком*. Синонимичную пару образуют фразеологизмы *иметь ум - иметь голову на плечах*.

Синонимичные пары образуют единицы *замкнуться в своем кругу - вариться в собственном соку* и *остаться в стороне - оказаться в стороне - остаться в одиночестве*, объединенные в одну семантическую парадигму с общим значением «образ жизни с ограниченным общением».

Состояние готовности к каким-либо активным действиям обозначают фразеологизмы *держат порох сухим, находится в готовности, быть начеку, быть настороже, держать уши на макушке*.

Итак, для структуры минигруппы социального состояния человека характерна эквиолентная организация микрогрупп и семантических парадигм любого уровня членения. Только одна микрогруппа отличается от остальных строгой иерархичностью своей структуры на уровне отдельных семантических парадигм [таблица]. Если продолжить анализ глагольных фразеологизмов с семантикой состояния с точки зрения того, как воспринимается человеком реальная действительность, то единицы, обозначающие социальное состояние человека, отража-

ют следующее. Условно разделим социальное состояние на две группы - успех в жизни и неуспех в жизни. Успех в жизни обозначают 30% фразеологизмов, неуспех - 57%. Различные социальные состояния (изменение социальных установок, социальная активность или пассивность и т.д.), не связанные с понятием успеха, называют 13% фразеологизмов.

Семантическая подгруппа состояния человека представляет собой самый большой пласт в глагольных фразеологизмах с семантикой состояния. Ее структура соответствует комплементарному типу иерархической связи с отношениями соподчинения. Однако это не строго комплементарная организация единиц, несмотря на то, что по этому принципу построено большинство мини групп, микро групп и еще более мелких структурных объединений различного вида: семантических парадигм, синонимических рядов и т.д. Одна из самых крупных по объему микро групп – микро группа фразеологизмов, обозначающих проявление чувств, имеет многоуровневую иерархическую организацию. Привативную связь с идентификатором имеют две семантические парадигмы в мини группе социального состояния и многие синонимические ряды в разных микро группах. То есть строение семантической подгруппы состояния человека можно определить как структуру смешанного типа с ведущим принципом комплементарной организации парадигм.

Список литературы

1. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; Сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. – Политиздат, 1988. – 479 с.

Н.С. Казарина
Кафедра французской филологии КГУ

ДОПОЛНЕНИЕ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

С развитием научно-технического прогресса лингвистическая терминология все больше привлекает внимание ученых. Работы, посвященные проблемным вопросам изучения различных аспектов языка того или иного этноса, естественно пополняют лингвистическую терминологию. Менее освященными остаются вопросы сопоставительного исследования лингвистических терминов.

Рассмотрим такой грамматический термин, как дополнение в русском и во французском языках.

В русском языке дополнение выделяется как один из второстепенных членов предложения. Кроме дополнения сюда входят также определение и обстоятельство (всего 3).

Во французском же языке все второстепенные члены предложения (всего 5) имеют в своем названии слово «compliment» (дополнение). Это объясняется тем, что значение термина «compliment» во французском языке не совпадает со значением термина «дополнение» в русском языке. Во французском языке значение этого термина гораздо шире.

Толковый словарь Larousse дает следующее определение этого термина: “compliment (du latin complementum) désigne en général tout mot joint à un autre mot pour en compléter le sens et qui en dépend sans s’accorder avec lui”. [5, с. 100]. Таким образом, compliment – это общий родовой термин для обозначения любого распространителя слова (члена предложения).

В русском языке дополнение занимает конкретную синтаксическую позицию – член предложения, отвечающий на вопросы косвенных падежей существительных. Отсюда, количественный состав дополнения во французском языке превышает количественный состав в русском языке.

Сравним аутентичные терминосистемы второстепенных членов предложения в русском и во французском языках. За основу для сравнения были взяты терминосистемы Традиционной грамматики русского языка и грамматики Larousse.

Сравнительная таблица терминосистем второстепенных членов предложения русского и французского языков.

Терминосистемы второстепенных членов предложения во французском и русском языках

Русский язык

- Дополнение
- -
- *прямое*
- *косвенное*
- -
- Обстоятельство
- Определение
- *согласованное*
- *несогласованное*
- *приложение*

Французский язык

- Complément
- Complément du verbe
- *d’objet direct*
- *d’objet indirect*
- *d’agent*
- *ñcomplément circonstanciel*
- Complément du nom
- *épihète*
- *complément déterminatif*
- *apposition*

Итак, в русской терминосистеме отсутствует такой член предложения, как *complément d'agent*. Что касается дополнения, то в русском языке выделяется 2 его вида, во французском – 7.

Во французском языке выделяется система дополнений к глаголу и к имени. Заметим, если в русском языке понятие “дополнение” носит чисто синтаксический характер, то в названии членов предложения во французском языке вкладывается еще и семантический характер.

Термины «прямое дополнение» и «косвенное дополнение» в русском языке указывают лишь на форму, во французском языке термины «*complément d'objet direct*», «*d'objet indirect*» идентифицируются не только с формой (предложная или беспредложная конструкция), но и с функцией: *objet* – объект, то, на что направлено действие.

В термине *complément d'agent* также имеет место семантическая мотивировка наряду с синтаксической: *agent* – агент, тот, кто претерпевает действие (агентное дополнение при глаголе в пассивной форме). В русском языке не выделяется агентное дополнение. Такое дополнение называется косвенным. Сравним:

во французском языке: *La lettre est écrite par Pierre, par Pierre-complément d'agent*

в русском языке: Письмо написано Петей, Петей – косвенное дополнение

Термину «*complément circonstanciel*» во французском языке соответствует «обстоятельство» в русском. Данные члены предложения отличаются друг от друга тем, что обстоятельство в русском языке – отдельный член предложения, а *complément circonstanciel* (обстоятельное дополнение) во французском языке – одно из дополнений глагола (*complément du verbe*).

В группу дополнение к имени (*complément du nom*) во французском языке входят *épiphète*, *complément déterminatif*, *apposition* (всего 3). В русском языке определение как самостоятельный член предложения также имеет свои подвиды: согласованное определение, несогласованное определение и приложение (всего 3).

Таким образом, французский термин «*complément*» применим к разным второстепенным членам предложения и подчеркивает общность этих компонентов как распространителей господствующего слова. Во французском языке дополнение несет в себе как семантическую, так и синтаксическую функцию.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Грамматика русского языка. - М.: Изд-во Акад.наук СССР, 1960.
2. Марузо М. Словарь лингвистических терминов / Пер. с фр. – М.: Изд-

во иностр. лит., 1960. – 564 с.

3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - 7-е изд. - М.: Учпедгиз, 1956.

4. Grammaire Larousse du français contemporain. - Paris: Librairie Larousse, 1964. – 494 p.

5. Le Petit Larousse .- Bordas: Le Petit Larousse. - 1997.

О.А. Казенас

Кафедра французской филологии КГУ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ

Как известно, в сравнительном плане могут исследоваться языки независимо от степени их родства (ареальное языкознание), неродственные, отдаленнородственные, близкородственные языки, один язык на разных исторических этапах его развития.

Анализ научных публикаций показывает, что достаточно часто сравнительно-сопоставительному исследованию подвергаются варианты одного и того же языка: английского (В.В. Жаров, Е.М. Ряховская и др.), немецкого (А.И. Гольдберг и др.), французского (В.Г. Гак, Е.Я. Гаршина, Е.Я. Реферовская и др.).

Что касается французского языка, то исследователи обращаются к исследованию особенностей использования французского языка в Канаде (Е.Я. Реферовская), Бельгии (Л. Миличкова), Люксембурге (Л.Г. Веденина). Л.Г. Веденина в своей работе «Особенности французского языка» приводит достаточно широкий спектр особенностей функционирования французского языка в различных франкоязычных странах. При этом автор отражает как фонетические, так и лексические и грамматические особенности.

Проведенный анализ научных публикаций показал, что особенности использования французского языка в Швейцарии исследованы и представлены в меньшей степени по сравнению с другими франкоязычными странами.

Цель проводимого исследования состоит в том, чтобы выявить лексические особенности функционирования французского языка в Швейцарии и попытаться определить причины лексической асимметрии в сравнении с нормативным французским языком.

Исследование проводилось на базе анализа словарных статей Le Petit Larousse illustré (1998 г.) и электронной версии словаря Le Petit Robert (1998 г.).

При проведении сопоставительных исследований различных языков используются различные способы систематизации лексических расхождений в зависимости от степени совпадения их семантики. Различия проявляются как в количественном, так и в терминологическом планах. Например, Верещагин и Костомаров оперируют такими понятиями, как эквивалентная, неполноэквивалентная и безэквивалентная лексика. Конецкая выделяет реалии, квазиреалии и Г.Д. Томахин пишет о реалиях, коннотативной, фоновой и безэквивалентной лексике. Что касается Л.Г. Ведениной, то в последних своих работах она вводит понятие лингвокультуры, т.е. слова, имеющего культурологическое содержание, и выделяет несколько групп таких слов в зависимости от вида семантических расхождений.

Работы названных авторов оказываются достаточно полезными при выявлении реалий, свойственных различным культурам, однако они не позволяют вскрыть причины лексической асимметрии в рамках вариантов одного и того же языка.

Иной подход изложен в работе В.Е. Пазгальной, А.И. Гольдберг и Г.И. Сапожниковой относительно вариантов немецкого языка. Авторы выделяют несколько типов соотношений семантико-стилистических характеристик слов в национальных вариантах современного немецкого языка.

Описывая особенности французского языка в Швейцарии, Л.Г. Веденина указывает на наличие слов, изменивших свое значение или вышедших из употребления во Франции.

Таким образом, анализ фактического материала проводился на основе теоретических положений работ, указанных выше.

Естественным является факт наличия слов, совпадающих по своим семантическим и стилистическим характеристикам, что обеспечивает единство лексико-семантической системы современного французского языка.

Полная выборка лексических единиц с пометой *région. Suisse* из словарей *Le Petit Larousse illustré* и электронной версии словаря *Le Petit Robert* позволила выявить 430 слов и выражений.

Анализ лексических особенностей позволил выделить и описать следующие группы:

1. Слова, обозначающие национальные реалии Швейцарии. В эту группу входят слова, используемые для названия:

- политических институтов и их чиновников (*le sautier* – секретарь парламента Женевы, *un syndic* - синдик, глава муниципалитета в кантонах Во и Фрибура);

- нравов и обычаев (*une bénichon* – народный праздник в кантоне Фрибура, означающий конец лета и возвращение с альпийских лугов,

une jéjéne - религиозный праздник, посвященный любви к родине, отмечаемый в третье воскресенье сентября);

- вин (*l'atigne, le humagne* – белые вина кантона Валэ, *le perlant* – белое вино района Женевы, *le salvagnin* – красное вино кантона Во и др.);

- сыров (*le tilsit* – твердый сыр кантона Сен-Галл, *le vacherin* - грюерский сыр, производимый в Швейцарии);

- блюд национальной кухни (*un bricelet* – тонкая хрустящая вафля; *un biscôte* - пряник, коврижка, *viandes des grisons* – вяленое мясо, нарезанное тонкими ломтиками);

- строений, архитектурных особенностей (*un raccard* – рига, крытое гумно в кантоне Валэ);

- географических и метеорологических особенностей (*le joran* – прохладный северо-западный ветер на южных склонах горного массива Жюра и озера Леман);

- особенностей мира природы (*le saanen* - швейцарская порода коз, *une damassine* - сорт сливы, из которого получают ликер в кантоне Жюра) и др.

2. В связи с тем, что Швейцария имеет несколько государственных языков и большая часть населения является немецкоязычной, очевидно, что французскому языку Швейцарии будет свойственно заимствование слов из немецкого языка как способ обозначения реалий немецкоговорящей части страны (*le landammann* – глава исполнительной власти в немецкоговорящих кантонах Швейцарии), а также слов германского происхождения (*poutser* all. putzen *nettoyer* «чистить»; *tiper* (*tipper*) all. tippen – *taper sur le clavier* «стучать по клавиатуре»). Французскому языку Швейцарии свойственно также и влияние со стороны итальянского языка (*la ristrette* ital. ristretto – крепкий кофе, подаваемый в небольших чашечках).

3. Французскому языку Швейцарии характерно наличие слов, вышедших из употребления на территории современной Франции. Например, итальянское слово *basta* лежит в основе французского междометия *basta* (*baste*), а также глагола *baster*, который существовал во французском языке до 17 века, а в значении «отказываться» продолжает существовать в современном французском языке Швейцарии. Наличие данного явления свидетельствует, видимо, о более консервативном характере развития французского языка в данной стране.

4. Интересным является факт наличия омонимов. Причинами лексической омонимии являются различные этимологические корни слов. В качестве примера привести слово *une arcade*, которое восходит к итальянскому *arcata* и обозначает в современном французском языке *свод, арку, аркаду*. Что касается швейцарского варианта фран-

цузского языка, то это же слово происходит от английского *arcade* и имеет значение «*пассаж (с магазинами), торговое место*».

5. Изменение семантики некоторых слов швейцарского варианта французского языка связано с грамматическими категориями. Чаще всего речь идет о категории переходности / непереходности. Так, глагол *bringuer* «*кутить*» используется только как непереходный глагол. В швейцарском варианте французского языка этот глагол может использоваться и как переходный. При этом глагол приобретает значение «*настаивать, приставать с целью получения чего-либо*».

6. В некоторых случаях используются собственные словообразовательные модели. Если во Франции для обозначения *грузового автомобиля, предназначенного для перевозки мебели*, используется словосочетание *camion de déménagement*, то в Швейцарии образовалось слово *une déménageuse*; для слова «*прищепка*» во Франции так же используется словосочетание *un pince à linge*, в Швейцарии – *une pincette*. Другим примером может служить образование и употребление числительных *septante (70)*, *nonante (90)* вместо *soixante-dix*, *quatre-vingt-dix*. В некоторых случаях речь идет об использовании различных словообразовательных элементов: французское слово *une pelle* лежит в основе глаголов *pelleter* (Франция) и *peller* (Швейцария) «*перемешивать лопатой, перелопачивать*», для образования которых использованы разные суффиксы.

7. Выявлены случаи расхождения денотативного значения слов. При этом их стилистическая окраска может сохраняться или изменяться в зависимости от прямого или переносного употребления. Стилистическая окраска (нейтральная) сохраняется в таких словах, как *le déjeuner* (во Франции используется в значении «*обед*», в Швейцарии – «*завтрак*»), *le doner* (соответственно «*ужин*» и «*обед*»). Иногда подобные расхождения связаны с использованием лексических вариантов: если в большинстве французских словарей отмечается, что слово *une chambre* обозначает *часть дома, где спят (une chambre à coucher)*, а в остальных случаях употребляется слово *une salle (une salle de bains «ванная комната», une salle à manger «столовая»)*, то французский язык Швейцарии допускает употребление выражений *une chambre de bains, une chambre à manger*. Изменение денотативного значения может сопровождаться изменением стилистической окраски как при прямом (глагол *se rouaüter* употребляется в значении *se prelasser «отдыхать, наслаждаться»*), так и при переносном употреблении (*caluger* в прямом значении «*скатываться, заносить (об автомобиле)*», в переносном значении соответствует *ïchouer «потерпеть неудачу, провалиться»*). Иногда встречаются случаи расширения денотативного значения: слово *un bulletin* имеет множество значений и достаточно большую лексическую сочета-

емость, но сочетание *un bulletin de versement* «бланк почтового перевода» используется во франкоговорящей части Швейцарии.

Наряду с многочисленными расхождениями как лингвистического, так и культурно-исторического характера, необходимо отметить обратное влияние швейцарского варианта на нормативный французский язык. Речь идет об образовании ряда слов французского языка, в основе которых лежат слова, употребляемые на территории Швейцарии и отражающие реалии этой страны. Их количество сравнительно мало. К ним относятся такие слова, как *une avalanche* (*mot de la suisse romande avaler* "descendre") «лави́на, обвал», *une féra* – «форель» и некоторые другие.

В целом, при исследовании лексических особенностей французского языка в Швейцарии можно говорить не только о своеобразии культурно-исторического развития, но и о некоторых закономерностях лингвистического характера, а также и о процессе влияния варианта на нормативный французский язык.

О.А. Казенас, Р.П. Бекетова, Л.В. Попова
Кафедра французской филологии КГУ

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В состав французских и русских пословиц и поговорок с компонентом *femme/женщина, жена* входит большой пласт паремиологических единиц, построенных на сравнении. Объекты сравнений при этом могут быть самыми разнообразными.

При анализе таблицы можно увидеть, что в паремиологии французского и русского языков выделяются общие группы – животный и растительный мир, явления природы, явления и объекты религиозного характера, быта и пр., однако в большинстве пословиц и поговорок находит свое отражение национальная специфика.

В области повседневной жизни наиболее яркая картина традиционного уклада выражена в пословицах и поговорках русского языка через название предметов домашнего обихода (*Хорошая жена – метла, и дурная – метла: та в дом, эта из дому метет*), элементов одежды (*Без жены как без шапки*). Соответствующие им понятия во французской паремиологии ограничены единичными случаями, что позволяет говорить о большей привязанности русской женщины к дому, быту.

Объекты сравнения

Французский язык	%	%	Русский язык
<i>Животный мир</i>			
Лошадь, мул, корова, собака, голубь	30,0	14,6	Кошка, коза, змея, собака, жаба, лебедь
<i>Явления природы</i>			
Огонь, ветер, море, небо, дым, дождь	16,7	7,3	Пожар, потоп
<i>Элементы быта, предметы домашнего обихода, элементы одежды</i>			
Дом, деньги	6,6	22,0	Метла, котел, горшок, сума, юрта, шапка, ранец, хомут, узда, седло
<i>Растительный мир</i>			
Дерево, груша, дыня, яблоки	13,3	4,9	Полынь, пустоцвет
<i>Явления и объекты религиозного характера</i>			
Священник, монах, месса, приход	13,3	9,7	Ангел, сатана, бог, черт, бес
<i>Персоналии</i>			
Ребенок	3,3	19,5	Человек, батрак, сирота, вдова, подруга, охотник
<i>Еда, пища</i>			
Яичница, яйцо, вино	10,0	4,9	Щи, зелье
<i>Абстрактные понятия</i>			
Суббота, похвала	6,7	9,7	Ум, веселье, петый кус, вечная мука
<i>Единичные понятия</i>			
Перышко	3,3	4,8 2,5	Клад Книга

Большой пласт пословиц и поговорок в обоих языках основан на сравнении с животным и растительным миром. Здесь мы также наблюдаем ряд социокультурных расхождений:

- если в психологии носителя русского языка лошадь символизирует трудолюбие и работоспособность, то во французской паремии она является общим средоточием отрицательных характеристик: *La femme et les chevaux il n'y a point sans défaut* / Женщины и лошади: нет ни одной без недостатка;

- мул (самка мула) – животное, не свойственное русской паремии, олицетворяет упрямство (параллель с русским «осел»): *Belle femme, mauvaise tête, bonne mule, mauvaise bête*;

- корова в русском языке ассоциируется скорее с нерасторопностью, ленью, медлительностью, во французском языке говорит о расточительности, источнике больших расходов: *Ne prend jamais femme chez*

un cafétier, ni une vache chez un meunier: elles seront l'une et l'autre dépensières.

Сравнение с собакой в обоих языках говорит о злости, несносности, бестолковости: *A toute heure chien pisse et femme pleure / Жена без потачки – хуже собачки.*

Для русских пословиц и поговорок характерными наименованиями животных, отсутствующих во французской паремиологии, являются:

- кошка как символ домашнего существа: *Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки / Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе;*

- коза как символ неугомонности и строптивости: *Жена без грозы – хуже козы;*

- змея как обобщенный отрицательный образ: *Лучше жить со змеєю, чем со злою женою.*

В устойчивых сочетаниях отражается специфика сельского хозяйства Франции. Женщина сравнивается с вином (*Femme et vin ont leur vénin*), грушей (*Poire et femme sans rumeur sont en prix et grand honneur*), дыней (*Femme et melon à peine les connaît - on*), что отсутствует в русской паремиологии.

В русских пословицах примечательно употребление в качестве объекта сравнения такой степной травы, как полынь – олицетворение горькой жизни: *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая.*

Что касается явлений и объектов религиозного характера, то во французской паремиологии это, прежде всего, явления объективной действительности, реально существующие (священник, монах, месса, приход: *Femme, feu, messe, vent et mer font cinq maux de grand amer*), тогда как в русской паремиологии доминируют абстрактные понятия, существующие в сознании человека и являющиеся плодом человеческого воображения (ангел, сатана, бог, черт): *В людях – ангел, не жена, дома с мужем – сатана.*

Явления природы как объекты сравнения имеют более широкий спектр наименований во французской паремиологии, однако в обоих языках их трактовка практически однозначна: ярко выраженная отрицательная коннотация проявляется в параллели между женским образом и стихийными бедствиями: *Fumée, pluie et femme sans raison chassent l'homme de sa maison / Сварливая жена – в доме пожар.*

Выделение женского образа в структуре сравнений интересно и с точки зрения анализа типов семантических отношений, возникающих в такого рода синтаксических конструкциях.

Выделяя в сравнении две и более субстанции, более или менее равнозначные, попытаемся определить характер их взаимодействия друг

с другом. Обозначим исходный компонент *femme* /женщина, жена как F, объект(ы) сравнения с ним – А (В, С, ...). Классические типы сравнений при этом выглядят следующим образом: F > А или А > F, т.е. один компонент находится в непосредственной взаимосвязи (сравнивается) с другим, через который он определяется и детерминируется.

Сравнение по типу F > А предполагает, что сравниваемый с женщиной объект находится в постпозиции к нему: *Les femmes sont comme les omelettes, elles ne sont jamais assez battues*. Особенность этого типа сравнений в том, что именно через сравниваемый объект (А), имеющий определенную культурно-семантическую специфику, возможно определение исходной оценки первого компонента (F). Примечательно, что во французской паремиологии названная выше пословица является единственным примером данного типа сравнений. А вот для русской паремиологии этот тип сравнений является доминирующим: 84,3 % отобранных для анализа пословиц и поговорок (*Баба – что жаба*).

Во втором типе сравнений (А > F) объект, с которым сравнивают, непосредственно предшествует компоненту F (*femme*). Сравнение по этому типу предполагает некую детерминированность (однородность) объекта, с которым сравнивают: *Нет лучшего друга как верная супруга / Рогожка рядная – словно матушка родная*. В выборке пословиц и поговорок французского языка примеров данного типа сравнений обнаружено не было.

Французской паремиологии свойственна иная структура сравнений. В подавляющем большинстве сравнений оба объекта находятся не в отношении «объект, с которым сравнивают – сравниваемый объект», а в более равноправном отношении, предполагающем и более равнозначное отношение к ним обоим: F – А, А – F, А – F – В. При этом один компонент определяет другой и в свою очередь определяется им самим. В целом они взаимосвязаны, и основная информация заключена не в компонентах F, А, В, а в дополнительной информации, представляющей собой некое приложение или толкование: *A la chandelle, la chèvre semble demoiselle / La femme et les chevaux il n'y a point sans défaut*.

Таким образом, национальная специфика находит свое отражение не только в выборе объектов сравнения, но и в синтаксической структуре сравнений, передающих образ женщины во французской и русской паремиологии.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Англоязычная поэзия Иосифа Бродского как объект исследования представляет для филолога совершенно особый интерес по целому ряду причин. Во-первых, это (наряду с другими, известнейшими именами – Джозеф Конрад, Владимир Набоков и др.) ещё один интереснейший пример так называемый «индивидуального билингвизма», что само по себе открывает целый спектр возможных подходов с позиций ряда смежных наук. Во-вторых, филолога не может не привлекать отношение Бродского к языку, наблюдения над которым были предметом его особого интереса. В статье «Искусство поэзии» он писал: «Язык – начало начал. Если Бог для меня и существует, то это именно язык» [1, с. 96]. Моменты, когда можно отрешиться от самого процесса творчества и взглянуть на него со стороны он называл лучшими: «...но позже, когда доделываю, углубляю... это самые лучшие часы. Ты часто и не подозревал, что там внутри таится, а язык это выявил и подарил тебе» [1, с. 96]. Последнюю мысль он формулировал в другом месте ещё более радикально: «Писатель – орудие языка» [1, с. 43]. К этой мысли он возвращается постоянно, утверждая, что язык не средство поэзии; напротив, поэт – средство или инструмент языка. Язык он уподоблял природе, некоему самостоятельному явлению, феномену, который живёт, развивается и достигает определённой зрелости. А поэзию определял как высшую форму лингвистической деятельности [2, с. 143]. Теснейшее сближение понятий творчества и языка – мысль, черта, особенность – неотъемлемо присущие Бродскому. И, наконец, причина, которая трудно поддаётся научному определению: Иосиф Бродский – это Иосиф Бродский, поэт во многом таинственный, загадки которого одновременно скрыты в языке, и открываются языком.

К теме литературных связей в поэзии Иосифа Бродского обращались многие авторы в своих исследованиях. Отмечалась пушкинская традиция, особая связь с петербургским акмеизмом А.Ахматовой и О.Мандельштама, влияние М.Цветаевой; среди прочих, связи с польской поэзией; влияние Державина, Хлебникова, Блейка, Байрона, в ранних стихах – Фроста, Элиота; аллюзии на стихотворения Маяковского, Тютчева, Блока, Данте, Шекспира. Обращались к связи с трудами Платона, философией экзистенциализма, конечно, с оговорками об относительности любого влияния. Особенность этих исследований в том, что они основаны на материале стихотворений, написанных на

русском языке. Цель данного исследования – проследить литературные связи в англоязычной поэзии Бродского.

Прежде всего, обратимся к моменту выбора языка, а именно, к причинам выбора английского. Сам Бродский, определяя возможные причины обращения в творчестве к другому языку, писал в 1983 году: «когда писатель прибегает к языку иному, нежели его родной, он делает это либо по необходимости, как Конрад, либо из жгучего честолюбия, как Набоков, либо ради большего отчуждения, как Беккет»[4, с.258]. Этими словами открывается его эссе, посвящённое Одену, в котором он пишет, что его (Бродского) «единственным стремлением» было очутиться в большей близости к человеку, которого он считал величайшим умом двадцатого века: к Уистану Хью Одену. Иными словами – «поклониться тени». Таково название самого эссе, о котором идёт речь, и которое одновременно является объяснением главного мотива: «Моё желание писать по-английски не имело ничего общего с самоуверенностью, самодовольством или удобством; это было просто желание тени»– У.Х.Одену, поэту и человеку, обвинения в подражательстве которому он счёл бы, по его собственным словам, за комплимент [2, с. 256-267].

Прислушаемся далее к отголоскам, перекличкам, созвучиям некоторыми из вышеупомянутых авторов, прежде всего с Оденем и английскими поэтами метафизической школы 17 века, поскольку именно метафизическая традиция – связь с поэзией Джона Донна, Джорджа Герберта, Эндрю Марвела – упоминается критиками достаточно часто среди других англоязычных влияний. Более того, по мнению Бродского, Оден был «новым метафизическим поэтом», что, несомненно, объясняет, с одной стороны, внимание Бродского к поэтам-метафизикам, а с другой – «метафизическую традицию» в его собственном творчестве.

Большинство исследователей едины во мнении, что элегия «На смерть Т.С. Элиота» написана по образцу оденовского «In Memory of W.B. Yeats». Это один из самых ярких примеров его влияния на поэзию Бродского, правда, русскоязычную, поэтому не будем рассматривать все параллели, отметив только главные сходные признаки: оба стихотворения состоят из трех частей, в первой части того и другого - частичное совпадение размера, третья часть в обоих случаях написана одним размером с использованием парной рифмы. Сам Бродский вспоминал по этому поводу: «Я... часто думал, что наиболее интересной особенностью этого жанра является бессознательная попытка автопортрета, которыми почти все стихотворения «in memoriam» пестрят – или запятнаны. Хотя эта тенденция понятна, она часто превращает такое стихотворение в размышления о смерти, из которых мы узнаем больше об авторе, чем об умершем. В стихотворении Одена ничего подоб-

ного не было; более того, вскоре я понял, что даже его структура была задумана, чтобы отдать дань умершему поэту» [2, с. 259].

Этот же уход автора на второй план, отстранение, вызванное желанием говорить не о себе, а об ушедшем видим, например, в элегии Бродского «Elegy: for Robert Lowell». Поэт пробует смотреть на смерть с точки зрения умершего: You knew far more / of death than he ever will / learn about you... / It might feel like an old / dark place with no match / to strike, where each word / is trying a latch.

Традиционная для поэта тема смерти здесь в аспекте сопереживания: как это? How might it feel?

У Одена (“In Memory of W.B. Yeats”): “He became his admirers” – он продолжается только в помнящих его, помнящих о потере. В «Elegy: for Robert Lowell»: “Our Father’s gain/ which is but our loss”. Если потеря, то не просто личная, - потеря всего человечества. В последних строках «Elegy...» - цитата из Джона Донна, теперь напоминающая еще и о Хемингуэе: your bell tolls: / a ceaseless alarm-clock.

У Донна: “Any man’s death diminishes me, because I am involved in mankind; therefore never send to know for whom the bell tolls: it tolls for thee” (“Meditations” John Donne). Похожая мысль в “In Memory of Sigmund Freud” Одена: “every day they die/ among us, those who were doing us some good”. Эта потеря, это таинство смерти показано на фоне безразличия или показного сочувствия толпы (вспомним лермонтовское «Вы, жадною толпой стоящие у трона...», с той разницей, что толпа 20 века – это “nations”, “republics” – не палачи, а публика, быстро забывающая своих кумиров. Мысль, выраженная Бродским по поводу элегии Марины Цветаевой «Новогоднее»: «...трагедия состоит не в немыслимости существования без ..., но именно в мыслимости такого существования») [8, с. 148]:

- “when grief has been made so public...” (“In M. of Sigmund Freud” W.H.Auden)

- “the living nations wait/ Each sequestered in its hate./ Intellectual disgrace/ stares from every human face/ And the seas of pity lie/ Locked and frozen in each eye” (“In M. of W.B. Yeats.” W.H.Auden)

- вся третья часть “Elegy: for Robert Lowell” с главенствующей строфой: In the republic of ends / and means that counts each deed / poetry represents / the minority of the dead.

Противопоставление поэзии всему окружающему миру передано переосмысленной идиомой “to join the majority”. Здесь автор следует своеобразному принципу противоречия, который по-разному проявляется в его поэзии: часто в разрушении устойчивых словосочетаний, контрастных сравнениях, сопоставлении несопоставимых элементов, афористичных высказываниях, появлении неожиданного образа.

Подобные примеры нередки у Донна:

- “As souls unbodied, bodies unclothed must be/ To taste whole joys”,

- “though/ All spirits walk in white, we easily know/ By this these angels from an evil sprite:/ Those set our hairs, but these our flesh upright”.

Хотя перед нами – элегия (“Elegy 20. To his Mistress Going to Bed”), наблюдаем стилистическое снижение, нехарактерные для элегии элементы.

У Одена: “If equal affection cannot be,/ Let the more loving one be me”, - строки, так, по собственному признанию Бродского, его поразившие. (“The More Loving One” W.H.Auden) Или: “He wasn’t clever at all” - о Фрейде в “In Memory of Sigmund Freud”, противоречащее традиционной интонации воспевания. “Galatea Encore” Бродского: ссылка на мифологию в заголовке подразумевает возвышенную интонацию. Действительно, размеренный ритм, начало строки: “As though”, и последующее стилистическое снижение даже не сразу воспринимается читателем, поэтому за ним сразу же следует второе, тоже выраженное в сравнении: As though the mercury’s under its tongue, it won’t / talk. As though with the mercury in its sphincter, / immobile... / a statue stands...

Дальше развивается тема неподвижности, неизменности, которая равна смерти – или бессмертию? – переосмысление устойчивого словосочетания: “a goddess, nee/ alabaster”, и в конце – в сильной позиции – неожиданное заключение: “That’s what it looks like inside a virgin”.

Стихотворение “Elegy: for Robert Lowell” отличается более сложным построением. В первой части обозначены место и время: “in the autumnal blue/ of your church-hooded New/ England”, даны основные мотивы. Сияние, белый цвет в контексте всех стихов Бродского воспринимаются как символ смерти, здесь: “white foam”, “blinding shine”, “people’s eyes glitter”; нд.: “The afterlife has to start somewhere./ Correspondingly, the angelic curls/ grow more blond, the skin gains its distant lordly/ white” (“Dutch Mistress”), “the statue stands white like a blight of winter” (“Galatea Encore”), “something scarlet drops/ on the Christmas snow” (“A Martial Law Carol”), “yet another rented abode in a snowbound village somewhere up north” (“Elegy”). Образ океана, у Бродского – времени: время разбивается о смерть: “white foam kneels and breaks/ on the altar”, алтарь также – жертвоприношение, см. далее: “our Father’s gain/ which is but our loss”. “Future perfect tense” – характерное для поэта образное переосмысление понятий грамматики (ср. “Infinitive”), здесь употреблено для описания жизни после смерти. Последняя строфа этой части служит переходным звеном к следующей: “When man dies/ the wardrobe gapes instead”. Здесь «wardrobe» – в прямом смысле, как связь человека с миром вещей, но и как символ

нажитого человеком (ср. у Одена: “to approach the Future as a friend/ without a wardrobe of excuses” (“In M. of Sigmund Freud”). Во второй части с гардеробом сравниваются буквы: “dresses and pants/ of vowels and consonants/ that don’t make a word”: осиротевшие, оставшиеся без хозяина, как гардероб, буквы не складываются в стихи. Становится понятной игра значений из предыдущей части: “There will be a lot/ a lot of Almighty Lord/ but not so much as a shred/ of your flesh”. “A lot” – 1)»жребий», 2)»много» (т.к. за ним следует «but not so much»). Душа не больше тела, т.к. сама по себе – без тела – стихов не пишет. Вторая часть заканчивается противопоставлением тишины смерти и шума жизни: “the black/ Cadillac sails/ like a new Odysseus keeping silence” (здесь, кроме самого первого Одиссея, также вспоминается «Одиссей возвратился, пространством и временем полный» Мандельштама). Возможно также, что образ улицы, уличного шума вызван обстоятельствами смерти Роберта Лоуэлла (он умер от сердечного приступа в такси).

Быстрый ритм, движение, образ толпы в третьей части контрастируют с окончанием второй (“silence”) и вообще торжественностью первой половины элегии. Появляется противопоставление «этого света» и поэзии, которая умирает со смертью поэта. “Terra” – это и “terra incognita”, уход в неизвестность (небытие) и просто уход в землю. Это переход к последней части элегии, где на первый план выходит собственно смерть (как оговорено выше, с точки зрения умершего). Таким образом, все части последовательно развивают мотивы, появившиеся в первой, все логические связи выдержаны.

Иногда логический переход или обобщение выражены в виде сентенции. Сентенция по Крепсу – «сгусток поэтической мысли, суть, годная для всех вне рамок личного и национального», это и афоризмы, и иронические суждения, умозаключения, парадоксы. «Ни у одного из русских поэтов, за исключением разве Грибоедова, сентенция как принцип мышления не была столь ярким признаком поэзии и истины одновременно»[7]. Напротив, для английской поэзии и литературы вообще характерна сентентичность мышления. Составляются целые словари цитат, ставших общеизвестными афоризмами, или просто отличающихся глубиной поэтической мысли, взятых из сочинений Шекспира, Джонсона, Камбелла, Крэбба и мн. др. Примеры сентенций находим и у Донна, и у Одена:

“Honours oppress weak spirits, and our sense/ strong objects dull” (“The Dream” J.D.), “True joys at best are dream enough” (там же). “The words of a dead man/ are modified in the guts of living”, “each in the cell of himself is almost convinced of his freedom” (“In M. of W.B. Yeats” W.H.A.), “on earth indifference is the least we have to dread from man or beast” (“The more loving one” W.H.A.), “To be free/ is often to be lonely” (“In M.

of Sigmund Freud” W.H.A.);

“Money’s nature’s fifth element” (“Song of welcome” J.B.), “Powerless is speech” (“Martial Law Carol” J.B.), “the eternal rest/ cancels analysis” (“Transatlantic” J.B.). Обилие сентенций в стихотворении “At a lecture” объясняется его стилем – оно построено как образец ораторского искусства. Первая из сентенций приходится на середину стихотворения и отмечает его смысловой центр: “The most interesting thing about emptiness/ is that it is preceded by fullness”. Вторая сентенция - “We all act out of vanity” – напоминает, во-первых, о древнегреческом театре (т.к. употреблена в одном контексте с “the Greek gods”), во-вторых, это отсылка к шекспировскому тексту: “All the world’s a stage,/ and all the men and women merely players”. Далее: “Once you know the future you can make it come/ earlier”, “self-effacement is not a virtue/ but a necessity”.

Во внешнем оформлении стихотворения тоже находим общие черты у всех трех поэтов: это почти обязательный заголовок и частое (у Бродского и Донна) обращение.

Несомненно, сходные черты поэзии Бродского и метафизиков не ограничиваются вышеотмеченными: можно проследить параллели на уровне наиболее часто повторяющихся образов, а также поискать возможные совпадения ритмического построения стиха. С учетом новейших исследований в области метрики (см. напр. Гаспаров М.Л. «Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти») кажется вероятным выявление и других литературных связей в поэзии Бродского.

Список литературы

1. Бродский И. Искусство поэзии // Иосиф Бродский. Большая книга интервью. – М.: Захаров, 2000. - С.74-108.
2. Бродский И. Писатель – орудие языка // Иосиф Бродский. Большая книга интервью. – М.: Захаров, 2000. - С.40-43.
3. Бродский И. Европейский воздух над Россией // Иосиф Бродский. Большая книга интервью. – М.: Захаров, 2000. - С.130-153.
4. Бродский И. Поклониться тени// Сочинения Иосифа Бродского.– СПб.: Пушкинский фонд, 2001. - Том V. – С.256-274
5. Бродский И. Poems written in English and Autotranslations // Сочинения Иосифа Бродского.– СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001.- Том IV. - С.319-374.
6. Бродский И. Об одном стихотворении// Сочинения Иосифа Бродского.– СПб.: Пушкинский фонд, 2001. - Том V. - С.142-187.
7. Михаил Крепс. О поэзии Иосифа Бродского // <http://lib.ru/brodskij/kreps.txt>
8. John Donne. Selected poems // <http://cs1.mcm.edu/~raub/donne.htm>
9. W.H.Auden. Selected poems // <http://www.poets.org/index.cfm>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Неподготовленность разговорной речи особенно явно отражается на синтаксисе. На сложность классификации синтаксических средств экспрессивности указывает В.Н.Гридин: «Различие функционального использования экспрессивных языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики затрудняет их строгую классификацию по единому признаку, что особенно заметно при переходе от экспрессивной лексики к экспрессивному синтаксису» [5, с.591]. Обратимся к тому решению проблемы, которое предлагается французскими исследователями.

Шарль Балли приводит следующее свидетельство в пользу аффективного синтаксиса: «... un fait de syntaxe étant un procédé purement formel, il n'y a pas de raison pour qu'il ne puisse exprimer une forme de sentiment aussi bien qu'une forme d'idée » [11, с. 261]. Исходя из контекста употребления, автор анализирует речевую единицу в двояком ракурсе: логическую природу синтаксической конструкции, воздействие которой в терминологии Шарля Балли соответствует понятию «effet naturel», и аффективную, соотносимую с понятием «effet par évocation». Шарлем Балли выдвинута следующая классификация синтаксических средств создания эмоциональности [11, с. 293]:

1. Присоединение «восклицательных слов» к логической фразе: «Mais bien sûr! Tu ne reconnais pas?», «Pah! Le vent dans les roseaux.» (S.Beckett).

2. Разнообразные фигуры аффективного синтаксиса:

1) конструкции, начинающиеся с que: «Que c'est faible, une reine, et que c'est peu de chose!» (V.Hugo).

2) конструкции, строящиеся по модели et ... que, et ... qui: «Et le pourpoint qu'il porte... » (V.Hugo).

3) приложение, вводимое определённым артиклем. Здесь уместно будет привести свидетельство самого Шарля Балли: «On peut donc dire que l'apposition précédée de l'article est un moyen syntaxique présentant sous un aspect affectif un rapport logique» [11, п. 262]: «Oh! Le damné Salluste!» (V.Hugo).

4) вопросительные конструкции, не содержащие вопроса: «Qu'est-ce que tu veux.», «Comment osez-vous? C'est honteux!», «Mais qu'ai-je donc fait de ma bruyère!» (S.Beckett).

3. Эллипсис. Шарль Балли отмечает: «... les ellipses dues à la

poussée émotive sont des manifestations directes et constantes des éléments de pensée qui sont la raison d'être de notre étude tout entière» [11, ñ. 283]: «Fortement raisonné!», «Là-dedans!», «Mais dans une seule nuit!» (S.Beckett).

4. Дислокация: «Je vais le lui donner, moi» (S.Beckett).

Однако представление французских исследователей о средствах создания эмоционального значения на уровне синтаксиса несколько эволюционировало за последние десятилетия. М.Вильме, например, для рассмотрения экспрессивных факторов в речи вводит понятие фокализации или фокусности: «Elle confronte le sujet logique au sujet psychologique par 1) soulignement (orale ou écrit), 2) insertion dans les «gallicismes» c'est ... qui/que, il y a ... qui, 3) dislocation gauche et droite» [12, с.463]. И, соответственно, предлагает свою классификацию экспрессивных факторов [12, с. 547-548]:

1. Фокусность. Например, препозиция именной части сказуемого с эллипсисом глагола-связки: «Je me présente: Pozzo.» (S.Beckett).

2. Хиазм. «Quand la vérité n'est pas libre, la liberté n'est pas vraie (Priver)» [1, с. 198].

3. Инверсия главных членов предложения, вызванная препозицией глагольного дополнения: «Ça et là passaient de furtives silhouettes» [12, с.548].

Таким образом, ни одна из приведённых выше классификаций не может быть признана исчерпывающей, хотя нельзя исключать потенциальную возможность, что группировка их частей может дать достаточно полную картину для исследования.

Рассмотрим основные положения, разработанные нашими исследователями в области изучения экспрессивных синтаксических фигур. Можно сказать, что теоретическая база исследования и здесь существенно образом видоизменилась.

Так, например, О.Е.Миклашова предлагает изучать различные оттенки эмоционального значения, опираясь на следующие синтаксические средства:

1. Риторический (ложный) вопрос: «Comment se fait-il que des quatre évangélistes un seul présente les faits de cette façon?» (S.Beckett). Автор также отмечает тенденцию к прямому порядку слов в вопросе: «Est-ce que tu m'as répondu?», «Tu connais l'histoire de l'Anglais au bordel?» (S.Beckett).

2. Сегментация и дислокация. «Говорящий перестраивает синтаксическую конструкцию фразы на ходу, смещает синтаксическую перспективу, в результате чего логическая связанность членов предложения нарушается. Тем самым создаются благоприятные условия для проявления чувств и волевых импульсов» [7, с. 5]: «Voyez-vous, la route

est longue quand on chemine tout seul pendant ... pendant ... six heures, oui, c'est bien ça, six heures à la file, sans rencontrer âme qui vive», «C'est moi qui l'orienterai» (S.Beckett).

3. Эллипсис как одно из косвенных выразительных средств, причём эллипсис становится экспрессивным средством только тогда, когда языковое сознание коммуникантов не стремится восстановить исчезнувшие элементы из-за наплыва чувств: «C'est ce qu'on se disait», «Pas forcément» (S.Beckett).

4. Парцелляция как особый приём экспрессивного синтаксиса, состоящий в структурно-смысловом выделении членов простого или частей сложного предложения посредством его нестандартной разбивки на актуальные для адресата составляющие [7, с. 6]: «Je me rappelle les cartes de la Terre-Sainte. En couleur. Trois jolies», «Il y a une chance sur deux. Ou presque» (S.Beckett).

5. Подхват. Большинство подхватов с невопросительной интонацией передаёт эмоционально-окрашенную реакцию со значением неодобрения, часто иронического:

- Mais la nuit ne tombe pas.

- Elle tombera tout d'un coup, comme hier (S.Beckett).

6. Повтор. Согласно О.Е. Миклашовой, подхват и повтор имеют существенные различия, проявляющиеся в том, что подхват представляет собой синтаксическую связь реплик, в то время как повтор – явление лексико-синтаксического уровня: «Continuez, continuez, c'est passionnant» (S.Beckett).

С позиции трансформационного моделирования синтаксических конструкций даётся анализ в работе В.Г.Гака и Е.Б.Ройзенбит.

Более разветвленную классификацию предлагает В.Г.Гак, группируя эмотивные предложения по семантико-грамматическим характеристикам [2, с.: 137]:

1. Предложения со специфической структурой и интонацией:

1) с частицами que и comme: Que c'est beau! Comme il est laid!

2) выделительные обороты с ce que, quand, faut-il, et moi qui..., dire que...

A ce que je vois (S.Beckett).

3) эллиптические конструкции: а) с неопределённым артиклем: Il fait un froid! Elle d'une beauté! б) с придаточным предложением косвенной речи без главного: Si je me rappelle!

2. Предложения, по структуре совпадающие с нейтральными, но отличающиеся особой интонацией: Que voulez-vous. Сюда же можно отнести эмотивные предложения, образованные по типу quel + существительное: Quelle journée!

В более поздней работе В.Г.Гак выделяет новые параметры эксп-

рессивности: «Желая заинтересовать или убедить слушающего, говорящий мобилизует свои и его эмоции, в связи с чем эмоционально-оценочный компонент в высказывании предшествует диктальному» [3, с. 88]. Среди специальных приёмов, реализующих этот принцип, автором выделяется интерверсия или двусторонняя транспозиция: *Il travaille obstinément > Il s'obstine à travailler*. Здесь же В.Г.Гак развивает в несколько ином аспекте тезис О.Е.Миклашовой о роли повтора в создании экспрессивности: «Если прямой повтор эмотивов, вне специальной стилистической задачи, создаёт эффект монотонности и ослабляет эмотивную силу высказывания, то варьирование обеспечивает поддержание внимания и большой психологический импакт» [3, с. 90].

Данному явлению экспрессивного синтаксиса посвящает свою работу Э.М.Береговская. Она определяет место градации среди других синтаксических фигур. В результате всё многообразие синтаксических конструкций подразделяется ей на три больших класса, исходя из проявления симметрии / асимметрии в языке:

1. Класс синтаксического равновесия или эквilibра. Данные фигуры усиливают экспрессивность текста, подчёркивая симметричность, изначально присущую той или иной структуре. Например, редупликация, дистантный повтор, анафора, эпифора, анэпифора (рамка), эпанафора (стык), цепной повтор, симплока, антитеза, синтаксический параллелизм, хиазм, асиндетон, полисиндетон.

2. Класс фигур, провоцирующих напряжение в тексте, усиливающих его эмоциональность, действуя в противоположном направлении, «...нарушая состояние синтаксического покоя во фразе путём намеренной, акцентированной ломки языковой симметрии» [1, с. 90]. Например, инверсия, эллипсис, фигура умолчания, риторический вопрос, сегментация с репризой и антиципацией, парцелляция.

3. Промежуточный класс, зона смещения, где симметрия и асимметрия действуют одновременно. Сюда относятся градация, деривационный повтор, полиптон, антанаклаза, гомеотелевт, зевгма.

С позиции симметрии/асимметрии строит своё исследование и Л.М.Минкин, указывая на необходимость разграничения синтаксиса языка и синтаксиса речи. В качестве критерия осуществления упомянутого разграничения автор приводит следующий: «При воссоздании языковой системы, скрытой за многочисленными речевыми реализациями, исходят из допущения полной симметрии сторон знака» [8, с. 9].

Гораздо лучше структурирована классификация И.В.Арнольд, где фигуры речи и выразительные средства представлены в соответствии с типами их отклонения от нормы:

1. Необычное размещение элементов, т.е., прежде всего, разные виды инверсии: «*Ce qui est terrible, c'est d'avoir pensé*» (S.Beckett).

2. Переосмысление, или транспозиция, синтаксических конструкций: «Qu'est-ce que tu vas chercher là!» (S.Beckett).

3. Введение элементов, которые новой предметной информации не дают (например, разные виды повторов): «Mal! Il me demande si j'ai mal!» (S.Beckett).

4. Пропуск логически необходимых элементов: асиндетон, эллипсис, умолчание, апозиопезис и т.д.: «Pas de laisser-aller dans les petites choses».

5. Нарушение замкнутости предложения: анаколуп, вставные конструкции: «Que puis-je faire, voilà ce que je me dis, pour que le temps leur semble moins long?» (S.Beckett).

Всеми исследователями подчёркивается роль эллипсиса как особого средства создания эмоциональности.

Исчерпывающую классификацию даёт также К.А. Долинин [6, с. 235]. К приведённому выше можно добавить, что, согласно Долинину, эллипсис может рассматриваться как явление эмоционального синтаксиса, только если не представленный во фразе элемент не содержится в ближайшем контексте, то есть не является избыточным.

Принцип отклонения от нормы модифицируется и в работах исследователей последних лет. Так, например, А.А. Леонтьев при анализе спонтанной мимической речи глухонемых приходит к мысли о существовании определённой фиксированной стратегии, отражающейся в порождении высказывания. Эту стратегию А.А. Леонтьев именуёт своеобразным «универсальным синтаксисом». С позиции выявления универсалий и анализа случаев их несоблюдения в речи ведётся изучение экспрессивных структур Т.Н. Синеоковой. Она предлагает опираться на признаки «ядерного предложения» для раскрытия неких вариантов (модификаций) с новыми признаками, представляющими собой синтаксическую парадигму эмоциональной речи [9, с. 70]:

1. Ограничение состава позиционным минимумом, отражающим лишь обязательные синтаксические позиции:

1) модификация «повтор»;

2) модификация «материально избыточные элементы» (употребление эмоциональных элементов, эксплетивов и вводных сегментов).

2. Ориентированность на валентные подклассы глагола, поскольку личный глагол является организующим центром предложения: эллипсис (отсутствие подлежащего, сказуемого, подлежащего и части сказуемого, обоих главных членов и строевых элементов – артиклей, союзов, предлогов, частиц).

При этом Синеокова утверждает, что элиминирование коммуникативно незначимых элементов приводит к рематизации реализуемых компонентов предложения, являющихся для говорящего эмоциональной доминантой.

3. Строго фиксированный порядок знаменательных позиций от подлежащего через личный глагол к предикативу, дополнению, обстоятельству:

1) инверсия (нарушение строго фиксированного порядка знаменательных позиций в пределах данного коммуникативного типа);

2) транспозиция (порядок следования компонентов не соответствует присущему данному коммуникативному типу словорасположению – безинверсионный вопрос, вопросительно-восклицательные и вопросительно-повествовательные предложения).

4. Максимальная коммуникативная независимость структуры:

1) модификация «разрыва потенциального синтаксического целого» - разрыв предложения в потоке речи на синсемантические отрезки, получающие одновременно самостоятельный коммуникативный статус;

2) модификация «расшифровка» - реализация в эмоциональной речи таких синсемантических высказываний, в которых последующая часть уточняет, «расшифровывает» значение первой.

3) модификация «изолированные элементы» - изолированно употребляемые придаточные предложения, потенциально сочинённые предложения, вводные элементы, союзы или союзные слова.

5. Стилистически нейтральный характер структуры, соответствующий чистому типу «интеллектиной», «рассудочной речи».

Таким образом, проанализировав все приведённые выше классификации, мы решили предложить свою классификацию, позволяющую осуществить полноценный комплексный анализ экспрессивных синтаксических структур и использовать её на практике для анализа речи персонажей в любом литературном произведении:

1. Необычное размещение элементов:

1) инверсия : а) препозиция прямого дополнения: L'arbre, je te dis, regarde-le; б) препозиция определяющего определяемому: Un si vieux, un si fidèle serviteur? в) препозиция определения: Des fois je me dis que ça vient quand même.

2) сегментация (конструкции, построенные на основе разного рода галлицизмов): C'est le dйpart qui est difficile.

2. Характер прагматической функции:

1) эмотивные предложения с восклицательными словами: Quel cholyга quand mkme!;

2) переосмысление (транспозиция) синтаксических конструкций: Veux-tu te taire, toi, à la fin!; La nuit ne viendra-t-elle donc jamais?

3. Введение элементов, которые новой предметной информации не дают:

1) повторы: Mettons que partiez maintenant, pendant qu'il fait encore jour, car malgré tout il fait encore jour.

2) материально избыточные элементы: *Pourtant nous avons été ensemble dans le Vaucluse, j'en mettrais ma main au feu.*

4. Пропуск логически необходимых элементов:

1) эллипсис: *La preuve, ils ne nous ont pas reconnus;*

2) умолчание: *Tu vois, tout ça c'est des ...*

5. Нарушение замкнутости предложения:

1) разрыв потенциального синтаксического целого: а) парцелляция: *Bagages! Pourquoi? Toujours tenir. Jamais déposer. Pourquoi?;* б) дислокация: *Et pourquoi il ne te bat pas, toi?;*

2) вставные конструкции (анаколуф): *Mais restez tranquille, je vous en supplie, vous me rendez nerveux;*

3) изолированные элементы: *Si vous me demandez peut-être.*

Список литературы

1. Береговская Э.М. Система синтаксических фигур: к проблеме градации // *Вопр. языкознания.* – 2003. – № 3. – С. 79-91.

2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис: Учеб. для ин-тов и фак. иностр.яз.- 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Высш.шк., 1986. – 220с.

3. Гак В.Г. Эмоции и оценка в структуре высказывания и текста // *Вестник Московского Университета. Филология.* – 1997. - № 3. – С.87-94.

4. Гак В.Г. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков.- М.: Высш. шк., 1965.-379с.

5. Гридин В.Н. Экспрессивность// *Большой энциклопедический словарь. Языкознание.* - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.-С.591.

6. Долинин К.А. Стилистика французского языка: Учеб. пособие для студентов фак. и пед. ин-тов иностр.яз.- Л.: Просвещение, 1978.-344с.

7. Миклашова О.Е. Практикум для работы над эмоционально-оценочным аспектом французской устной речи (3 курс языкового вуза): Учеб. пособие.- Вологда: ВГПИ,1987.-61с.

8. Минкин Л.М. Синтаксическая симметрия/асимметрия и знаковая природа предложения (на материале французского языка) // *Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц.* - Краснодар,1987.-С.6-12.

9. Синеокова Т.Н. Парадигматический подход к изучению синтаксических особенностей речи в состоянии эмоционального напряжения // *Филологические науки.*-2003.-№5.-С.68-75.

10. Соссюр Фердинанд де. Заметки по общей лингвистике / Пер. с фр.-2-е изд.-М.: Прогресс, 2000.-280с.

11. Bally, Ch. *Traité de stylistique française* / Ch. Bally. – Paris: Librairie C. Klincksieck, 1951.-331p.

12. Wilmet, M. *Grammaire critique du français.* - 2e édition.- Paris: De Boeck & Larcier s. a., 1998.-704p.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ж. ВЕРНА «2000 ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ»)

Исследование языковой специфики жанра осложняется по крайней мере тремя факторами: 1) отсутствием четких границ в определении жанра, 2) значительной временной протяженностью ряда жанров, влекущей за собой значительные изменения в языковом плане и 3) авторской индивидуальностью. Как невозможно провести резкие границы между речевыми стилями [5, с. 223; 6, с. 77-78], так и трудно найти «ограничители», отличающие один жанр от другого. Это наблюдается не только в стиле художественной литературы, существование которого одними исследователями признается (Р.А. Будагов), другими отрицается (Е.Г. Эткинд, Р.Г. Пиотровский), но и в так называемых «стандартных» стилях речи, к которым В.В. Виноградов относит научный, официальный и публицистический стили со всем многообразием представляющих их жанров. Чем отличается плутовской роман от рыцарского, а шпионский роман от детектива, где граница между очерком и эссе, эссе и памфлетом, что общего между газетной хроникой, описывающей то или иное происшествие, и описанием подобного происшествия в полицейском романе? Ответить на эти и подобные вопросы не всегда легко, однако попытки описания различных жанров можно найти в многочисленных публикациях как литературоведческих (напр. Boileau – Narcejac, *Le roman policier*. Paris, 1978 ; G. Veraldi, *Le roman d'espionnage*, Paris, 1983 ; M. Lits, *L'essai*. Bruxelles, 1994 ; A. Dubied et M. Lits, *Le fait divers*. Paris, 1999 и др.), так и в лингвоструктурологических (M. Propp, *Morphologie du conte*. Paris, 1970, Cl. Bremont, *La logique du récit*. Paris, 1973, T. Todorov, *Grammaire du décameron*. Paris, 1969 и т.д.).

Публикуемая работа представляет собой краткий лингвистический анализ авторской речи одного из самых популярных романов Ж. Верна «2000 лье под водой» (1869). Целью работы является выявление регулярно повторяющихся языковых особенностей, несущих определенные стилистические функции и сопоставление удельного веса этих особенностей с произведениями других жанров и видов речи на предмет определения аналогий и различий. Другими словами, вслед за представителями французской школы Ж. Марузо, Ш. Брюно, Ж. Антуаном и П. Гиро мы попытаемся ответить на вопросы: Как произошло данное

художественное произведение? Из чего и как оно сделано?

Книга Ж.Верна «2000 лье под водой» критиками и исследователями рассматривается как роман или «большая новелла» жанра научной фантастики или научного предвосхищения (*science-fiction, anticipation scientifique*). Последнее название вполне оправдано, поскольку выдуманные и описанные Ж. Верном изобретения почти на 90% реализованы на сегодняшний день. Таким образом, роман Ж. Верна как антиципация стоит в одном ряду с произведениями Г. Уэллса и А. Беляева, а как фантастика – с описанием острова Утопия Т. Мора (1516), «Путешествиями Гулливера» Дж. Свифта (1726), «Микромегасом» Вольтера (1752), «Годом 2440» Л.-С. Мерсье (1771) и др.

Присутствие элементов стиля научного изложения в романах Ж. Верна признается всеми исследователями его творчества. Споры касаются лишь достоверности проводимых в его книгах научных положений. Так, например, физик и астроном Ж. Жансен и математик Ж. Бертран пытались даже проверить расчеты парабол и гипербол, определяющих траекторию полета ядра-вагона в романе Ж. Верна «От земли до луны».

Наша задача заключается в попытке определения удельного веса элементов стиля научного изложения наряду с элементами языка других стилистических систем, характерных для литературного языка того времени.

Язык научного изложения достаточно хорошо описан за последние десятилетия как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Основные особенности этого вида речи выявлены и определены достаточно точно, несмотря на разнообразие жанров, составляющих этот функциональный стиль (монография, диссертация, статья, аннотация и т.п.). Еще в 60-70-х гг. отечественные германисты, разрабатывая теорию стилевых черт (Э.Г. Ризель, В.М. Аврасин, М.П. Кульгав, а также Е.С. Троянская), определили основные признаки, присущие стилю научного изложения: логичность, объективность, ясность, оригинальность, книжность и др. и отметили отсутствие в этом виде речи противоположных стилевых черт: эмоциональности, субъективности, неясности (ораситй по определению Ж. Дюбуа) или двусмысленности, не-принужденности, разговорности и т.д. Оставляя в стороне дискуссию о правомерности априорного приписывания тексту тех или иных признаков и о некоторых других противоречиях теории стилевой черты, отметим только, что стилевая черта (дифференциальный признак, признает стили, особенность речи - А.П. Подкорытов) реализуется в конкретном произведении через всю совокупность языково-стилистических средств, являющихся реализаторами этой черты в языке. Таким образом, особенности авторской речи Ж. Верна следует искать на раз-

личных языковых уровнях. При этом исходной точкой нашего анализа будет являться сам текст и регулярно повторяющиеся в нем лексические и грамматические особенности, реализующие проявления тех или иных стилистических качеств или черт в сравнении с особенностями текстов других жанров и видов речи, в т.ч. и стиля научного изложения. Сопоставление проводится по параметрам, поддающимся количественному учету.

Особенностью авторского текста исследуемого романа Ж. Верна является наличие в нем повествователя – профессора Аронакса, специалиста парижского музея естественной истории, минералога, ботаника и зоолога, от лица которого идет изложение. Образ рассказчика-ученого не нов во французской литературе. Достаточно вспомнить повествователя–историка в произведениях П. Мериме (новеллы «Кармен», «Венера Ильская», «Локис», некоторые главы исторического романа «Хроника времен Карла IX»). Присутствие в произведении рассказчика-ученого определяет книжный характер повествования и наличие в нем терминологии, т.е. признаков, свойственных стилю научного изложения [6, с. 275, 280]. Однако подобные признаки присущи также некоторым жанрам официально-делового и газетно-публицистического стиля [6, с. 280], не говоря уже о художественной литературе с ее многочисленными жанрами, многие из которых носят «книжный» характер (в противовес «разговорности») и содержат терминологию, присутствие которой определяется микротемами произведения, а иногда и его целеустановкой («производственные» романы, военные мемуары и т.п.). Очевидно для определения степени «книжности» и удельного веса терминологии как в жанре, так и в отдельном произведении немаловажным является учет количественных показателей – числа слов и конструкций, реализующих эти особенности речи, а также их комбинаторики с языковыми средствами, выражающими другие стилистические особенности.

При анализе авторского текста Ж. Верна обращает на себя внимание частотность многосложных слов. Известно, что исконно французские слова большей частью насчитывают один или два слога. По результатам исследования некоторых текстов первые составляют 61%, вторые – 25% всех слов [3, с.40]. Среди многосложных слов наиболее употребительными являются трехсложные слова [4, с.66], более длинные слова (четырёхсложные и т.д.) в разговорной речи составляют менее 2% частотного списка [4, с.66]. При этом исследователи З.Н. Левит, В.Г. Гак, Н. Mitterand, P. Guiraud и др. отмечают, что многосложные слова чаще используются в различных разновидностях письменной речи, публицистике, научном стиле и т.д. Это относительно новые лексические единицы, заимствованные из других языков, в первую очередь латинского и греческого.

Нами были взяты 5 выборок по 100 словоформ (под словоформой подразумевается набор знаков от пробела до пробела), следующих подряд, из авторской речи романа «2000 лье под водой». Число многосложных слов (с четырьмя и более слогами) в них колеблется в пределах 80-110, т.е. составляет 8-11% от числа всех словоупотреблений. Для сравнения отметим, что в авторском тексте романа «Кола Брюньон» Р. Роллана, стилизованного под разговорную речь французского крестьянина, число четырехсложных слов составило 9 употреблений на 1000 словоформ, т.е. менее 1%. В текстах авторской речи других произведений, «книжный характер» которых не вызывает сомнений, указанные показатели составят: «Принцесса Клевская» М. де Лафайет – около 2%, «Эссе о нравах» Вольтера – 7%, «Рене» Шатобриана – около 3%, «Королева Марго» А. Дюма – 5%, «93-й год» В. Гюго – 6%, «Кармен» П. Мериме – 6%, «Хроника времен Карла IX» – 6,5%, «Утраченные иллюзии» О. де Бальзака – 10%, физиологический очерк «Бакалейщик» О. де Бальзака – 9%. В текстах научного изложения по проблемам лингвистики (Ф. де Соссюр «Общая лингвистика», тексты из «Хрестоматии по лексикологии» Е.Л. Чеснович, книга А. Фосьона и Ж.-П. Лорана по текстуальным исследованиям) эти цифры колеблются в пределах 11-18%.

Полученные результаты позволяют, если не утверждать, то предполагать следующее:

1) «книжность» не всегда проявляется в частотности многосложных слов: в классицистическом романе М. де Лафайет и в романе Шатобриана, написанного «под влиянием классиков» [2, с.388] удельный вес многосложных слов минимален, тексты же романов являются «книжными»;

2) по мере развития французской прозы процентное содержание многосложных слов в произведениях возрастает, что очевидно связано с увеличивающимся влиянием стиля научного изложения, присутствие которого в некоторых жанрах вполне объяснимо: эссе по истории Вольтера, исторические романы П. Мериме, А. Дюма и В. Гюго, физиологический очерк О. де Бальзака. Для бальзаковской прозы вообще, по мнению исследователей, характерно «пристрастие к лексико-синтаксическим формам научного стиля» [7, с. 127].

В соответствии с изложенным возникает вопрос: в какой степени присутствие в тексте многосложных слов может влиять на его «книжность-разговорность»? Многосложные слова, в частности слова греко-латинского происхождения, проникли во французский язык достаточно поздно – в XVI – XVII вв. В романе Ж.Верна они представлены, как правило, существительными и прилагательными (*phénomène, géométrie, zoophytes, stratégie, cataclisme, ichtiologie, ptéropodes; oxyrhinique, microscopique, mammifère, circumpolaire, phosphorescent, fusiforme, interpolaire* и многие другие).

П. Гиро, описывая «ученые слова» французского языка, дает перечень суффиксов и префиксов латинского и греческого происхождения, служащих для образования этих «ученых слов»: *anti - , cata - , dia - , hyper - , meta - , syn - ; a - , abs - , com - , con - , col - , cor - , ex - , inter - , sub - , super - ; - ie , - ique , - ite , - iste , - isme , - ose , - al , - el , - aire , - atoire , - é , - ien , - if , - ité , - itude , - ment , - ature , - ation , - itien* и др. [9, с 44-51; 61-63]. В романе Ж. Верна представлены слова, образованные при помощи всех этих аффиксов. Это свидетельствует о наличии большого числа слов, тяготеющих к терминологии. Одни из них относятся к общенаучным терминам, другие - к узкоспециальным. Частотность этих «ученых слов» приближается к удельному весу терминологии в стиле научного изложения.

Наличие других особенностей научного стиля, например, синтаксических моделей логического плана (прямой порядок слов, гипотаксис, частотность придаточных предложений причины и условия, презентативных конструкций для выделения членов предложения) и ряд грамматических и других показателей (обилие числительных, имен собственных и географических названий, а также наречий на *- ment*) усиливают это впечатление.

Однако обращает на себя внимание гетерогенность терминологии: более или менее равномерно встречаются «нейтральные» общенаучные термины, что касается «специальной терминологии», то она фигурирует в речи повествователя компактно и определяется микротемами предложения. Например, когда профессор Аронакс описывает интерьер «Наутилуса», он частотно употребляет лексику, относящуюся к механике или навигации (*hygromètre, chronomètre, manomètre, boussole, sextant, sondes thermométrique*), при описании пейзажа одного из островов частотными становятся термины из ботаники (*artocarpus, sagoutiers, casuarinas, hibicus*). По мере развития сюжета термины зоологи сменяются терминами ихтиологии, орнитологии, геологии, химии и т.д.

Присутствие в тексте всей этой терминологии еще не позволяет отнести его к стилю научного изложения даже в его научно-популярном варианте. Разумеется, благодаря этой терминологии массовый читатель – дилетант получает какую-то прагматическую информацию, позволяющую ему открыть для себя что-то новое в области океанологии, механики, астрономии и т.д. Для специалистов в этих областях информативность данного текста проблематична в силу своей недостаточности. И дело даже не в том, что достоверность некоторых описаний можно ставить под сомнение (например, нападение гигантских осьминогов на экипаж субмарины или обнаружение остатков Атлантиды в районе Канарских островов), а в том, что это не научное изложение, а лишь стилизация под него. Так, целый ряд признаков научной речи в тексте отсутствует: помимо гетерогенности терминологии можно

отметить отсутствие «устойчивых словосочетаний серийного образования», а также «стандартных блоков и комплексов», низкий процент пассивных конструкций, небольшой удельный вес предложений с *Présent absolu* и др. [6, с.275 -279].

Стиль научного изложения содержит преимущественно «неэмоциональную, безоценочную лексику нейтрального внестиливого лексического фонда» [5, с.275]. Текст же романа широко включает как оценочную, так и эмоционально-образную лексику, характерную для стиля романтического изложения. Кроме того, слова семантического поля «тайна» (*mystérieux, énigmatique, fantaisiste, surnaturel, inexplicable, indéterminable, indescriptible* и т.д.), «ужас» (*horrible, terrible, abominable, redoutable, effrayant* и пр.), а также интенсификаторы как грамматического типа *si, tant, tel, tellement*, так и лексического плана (напр., наречия *démésurément, extrêmement, entièrement, parfaitement, infiniment, profondément, vivement* и др.), стабильно частотные в романтических произведениях, широко представлены в романе Ж.Верна. Вместе с моделями эмоционального синтаксиса (восклицательными и вопросительными предложениями, инверсиями прилагательных, трехчленными градациями без союза перед последним членом и др.) эти особенности стиля сближают авторский текст с прозой романтиков.

Таким образом, в авторском тексте рассматриваемого романа Ж.Верна достаточно четко (в силу частотной повторяемости) прослеживаются элементы по крайней мере двух стилистических систем, проявляющихся в стилиевых чертах (Э.Г. Ризель, В.М. Аврасин, М.П. Кульгав), приметах стиля (Е.С. Троянская), дифференциальных признаках (К.А. Долинин), речевых жанрах (М.М. Бахтин). Эти стилистические особенности реализуются в свою очередь в частотном употреблении специфических слов, словосочетаний и синтаксических конструкций, из которых одни свойственны стилю научного изложения, другие – стилю романтической прозы. Разумеется, в тексте романа присутствуют элементы и других стилистических систем : например, признаки разговорной речи в диалогах персонажей, особенности эпистолярного стиля в их переписке и т.д., т.е. элементы так называемой «чужой» речи. В речи автора, помимо указанных выше особенностей, наблюдаются высказывания, характерные для стиля реалистов XIX в., в частности, для авторов «физиологического» очерка. Это отрезки текста, представляющие портреты некоторых персонажей (капитана Немо, гарпунщика Ленда, слуги Консея, туземцев и т.п.). Эти высказывания имеют свои лингвостилистические особенности: лексика семантических полей «портрет», «характеристика», наречия, выражающие длительность, глаголы во временном настоящем и др.

Все эти признаки различных стилистических систем создают по-

лифонию текста [1], реализуют его специфическую комбинаторику, определяя тем самым его жанровую принадлежность. При этом одни из указанных признаков являются главными, ведущими, доминантными, другие – второстепенными, факультативными. Таким образом, отвечая на вопрос «из чего и как сделано» данное произведение, мы можем утверждать, что оно включает в себя ряд конституирующих элементов, «первичных жанров» [1], из которых ведущими являются стиль научного изложения и стиль романтической прозы. Вместе с другими «первичными жанрами», представленными не так широко и не являющимися доминантными, эти стили составляют жанр научной фантастики, который наряду с другими видами литературы, представляет собой вторичный (сложный) жанр [1, с. 330-340]. Разумеется, для подтверждения выдвигаемого тезиса об особенностях стиля научно-фантастического жанра необходимо исследование не только одного романа одного автора, а большей совокупности произведений, составляющих жанр.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
2. Доза А. История французского языка. - М., 1956.
3. Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.И. Лексикология современного французского языка. - М., 1982.
4. Левит З.Н. Лексикология французского языка.-М., 1979.
5. Степанов Ю.С. Французская стилистика. - М., 1965
6. Троянская Е.С. Лингвостилистические исследования немецкой научной литературы. - М., 1982.
7. Эткинд Е.Г. Семинарий по французской стилистике. Проза.- Ч.1.-Л., 1960.
8. Guiraud P. L'argot. - P., 1985.
9. Guiraud P. Les mots savants. - P., 1968.

Е.Р. Ратушная

Кафедра русского языка КГУ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке имеется значительный по составу фразеологический разряд, который включает фразеологизмы, обозначающие человека. Среди них выделяется группа фразеологизмов, называющих лицо по различным отношениям к кому-либо. Данные фра-

зеологизмы объединяются в четыре множества:

1. Фразеологизмы, обозначающие человека по межличностным связям и взаимоотношениям.

2. Фразеологизмы, обозначающие человека по религиозным взаимоотношениям.

3. Фразеологизмы, обозначающие человека по сходству с другими людьми.

4. Фразеологизмы, обозначающие человека по родственным отношениям.

Первое множество объединяет фразеологизмы, называющие лицо по межличностным связям и взаимоотношениям, которые условно можно обозначить с помощью формулы “человек + человек”. Межличностные отношения могут проявляться в симпатии или антипатии, в сотрудничестве людей и т.д. В зависимости от выражаемых взаимоотношений фразеологизмы первого множества подразделяются на пять подмножеств, основанных на семантической общности составляющих их фразеологизмов.

Первое подмножество содержит фразеологизмы, обозначающие человека, который находится в дружественных отношениях с другим лицом. Эти единицы называют преданного, верного друга или людей, связанных крепкой, неразрывной дружбой: *закадычный друг, неразлучные друзья, друзья-приятели, сиамские близнецы, два Аякса, Орест и Пилад, Давид и Ионафан*. В их семантической структуре содержатся позитивные коннотативные семы: “положительная оценочность”, “одобрение”. Например:

- Да знаешь ли, мы с твоим барином были *друзья закадычные*. Жили вместе. (М. Лермонтов «Герой нашего времени»). Люди свои, земляки, старые *друзи-приятели*. Вам можно сказать. (М.-Печерский «В лесах»). Уже третий год жили они неразлучно вместе, дружно разделяя хроническое безденежье. Товарищи называли их *двумя Аяксами*, так как они никуда не появлялись друг без друга. (А. Куприн «Друзья»).

Второе подмножество составляют фразеологизмы, называющие человека, находящегося в крайне враждебных, неприятельских отношениях с другим лицом: *заклятый враг, злейший враг, лютый враг*; сюда также относится фразеологизм *Монтекки и Капулетти* - “две враждующие группировки, партии и т.п.”. Они семантически противопоставлены фразеологизмам первого подмножества и вступают с ними в антонимические отношения.

Третье подмножество объединяет фразеологизмы, обозначающие людей, находящихся в любовных взаимоотношениях: *Ромео и Джульетта* - “влюбленные, горячо любящие друг друга”; *подруга сердца, дама сердца, героиня романа* - “возлюбленная; предмет любви, увле-

чения (о женщине)”; *друг сердца, герой романа* - “возлюбленный; предмет любви, увлечения (о мужчине)”; *покоритель сердец* - “мужчина, пользующийся успехом у женщин, нравящийся женщинам”; *герой не моего романа, героиня не моего романа* - “мужчина (женщина) не в моем вкусе, не для меня”. Например:

Вернулся Виктор, скромно уселся на своем месте. - Ну что, любовник? - поинтересовался Смирнов. - Нашел *даму сердца*? - Найти оказалось не проблема. Вот уговорить... (А. Степанов «Вечный шах»). Появление Привалова ничего нового не внесло в дом Половодовых. - В нем есть непосредственность, - сказала Агриппина Филипьевна. - Он глуповат и простоват, но он может быть *героем романа*. (М.-Сибиряк «Приваловские миллионы»).

Четвертое подмножество составляют фразеологизмы, называющие лицо, которое оказывает другому лицу покровительство, опекает кого-либо, заботится о ком-либо: *ангел-хранитель* - “человек, который охраняет, опекает кого-либо, заботится о ком-либо”, *добрый гений* - “человек, оказывающий помощь, делящий добро кому-либо”. В индивидуальном значении фразеологизмов *сильная рука* и *мохнатая лапа* наблюдается контаминация сем “отношение опеки, заботы, покровительства” и “влиятельный”, “занимающий высокое положение в обществе”. Например:

Крымов поймал на себе беспокойный, предупреждающий взгляд Стишова... “Голубоглазый мой *ангел-хранитель*, что ты смотришь на меня с такой грустной тревогой?” - хотел иронически сказать Крымов... (Ю.Бондарев «Игра»). Мухоедов был совсем бесхарактерный человек в некоторых отношениях, особенно если вблизи не было около него какой-нибудь *сильной руки*, которая время от времени поддерживала его. (М.-Сибиряк «Сестры»).

Данным фразеологизмам семантически противопоставлены единицы, называющие недоброжелательно, враждебно настроенных людей, оказывающих неблагоприятное влияние на кого-либо: *пиковая дама, злой гений*.

Пятое подмножество объединяет фразеологизмы, обозначающие людей, находящихся в отношениях господства или подчинения. Интегральная сема - “отношение господства/подчинения”.

Человек по отношению к окружающим может выступать как активное действующее лицо, оказывающее влияние на других людей, господствующее в каком-либо отношении.

Фразеологизмы - наименования человека, господствующего над другими людьми, образуют конечную группировку, конституируемую единицами, в семантической структуре которых выделяются доминирующие семы “господствующий над другими людьми”, “превосходя-

щий окружающих в каком-либо отношении”. Последние часто контактируются с семами, обозначающими свойства характера человека, ситуативные свойства и т.п.: *длинные руки (I)* – “человек, обладающий властью, силой, большим влиянием”; дополнительные семы: “использующий свои возможности в собственных интересах”, “преследующий кого-либо”, “угнетающий”; *калиф на час* (дополнительная сема темпоральности); *царь и бог* – “деспотичный человек, пользующийся неограниченной властью” (наблюдается сочетание сем, отражающих положение господства, и сем, отражающих свойство характера); *хозяин положения* – “человек, который имеет преимущество в чем-либо, господствующий в каком-либо отношении” (дополнительная сема – “ситуативный признак”). Например:

Столяр был один на весь город ... и он ломался над заказчиками, чувствуя себя *хозяином положения*. (В. Короленко «Ненасущий город»).

К данному подмножеству относятся также фразеологизмы, в индивидуальном значении которых выявляются доминирующие семы “независимый”, “самостоятельный”: *сам себе хозяин, сама себе хозяйка, сам себе господин, сама себе госпожа*. Семантическая близость этих единиц определяется сходством их компонентного состава. Например:

- Что ему теперь? Ни от кого не зависит, *сам себе хозяин*, делает, что хочет. (В. Вересаев «На повороте»).

Названной группировке семантически противопоставлены единицы, обозначающие отношения различного рода зависимости, подчиненности одного человека другому или группе лиц: *игрушка в руках (кого)* – “человек, полностью зависящий от кого-либо” (отношение морально-психологической зависимости); *стадо баранов* – “люди, слепо и покорно подчиняющиеся чьей-либо воле”; *живой товар* – “люди, которые могут быть предметом купли-продажи” (рабы, крепостные, дворовые и т.п.) (отношение социальной зависимости). Например:

- Что же, сударыня, продадите, что ли, девку-то? – спрашивал сосед-помещик помещицу-кулака, чересчур дорожившую *живым товаром*. (С.- Щедрин «Мелочи жизни»).

Второе множество составляют фразеологизмы, называющие человека по религиозным взаимоотношениям с другими людьми. Интегральная сема – “религиозные взаимоотношения”.

К этому объединению принадлежат фразеологизмы, обозначающие человека по отношению к другим лицам, с которыми он связан различными религиозными взаимосвязями. В их составе содержатся компоненты – термины родства, передающие идею тесной духовно-религиозной взаимосвязи между людьми: *духовный отец* – “священ-

ник, принимающий исповедь (по отношению к исповедуемому лицу); духовник”; *духовная дочь*, *духовный сын* - “лицо женского или мужского пола по отношению к своему постоянному духовнику”; *духовные чада* - “паства, прихожане (по отношению к их духовнику)”; *сестра во Христе* - “христианка (по отношению к другим людям, исповедующим христианство)”; *брат во Христе* - “христианин (по отношению к другим людям, исповедующим христианство)”. Например:

Сперва все допытывался он у Гриши об Евпраксии Михайловне, да не про то, как душу спасает, ... из каких старцев у нее *отец духовный*, а в каком капитале... (М.- Печерский «Гриша»).

Третье множество. Фразеологизмы, обозначающие людей по отношению сходства, подобия между ними. Интегральная сема - “сравнение, сопоставление”. В составе третьего подмножества различаются три подмножества.

Первое подмножество включает фразеологизмы *два сапога пара*, *пятак пара*, *два лантя (пара)*, которые содержат компоненты с количественной семантикой, указывающие на количество сопоставляемых лиц.

Второе подмножество содержит единицы, выражающие идею отождествления человека с группой лиц, коллективом людей, полностью подобных ему в каком-либо отношении: по социальному положению, по мировоззрению, по убеждениям и т.п. Такие фразеологизмы называют человека, обладающего тесной связью с определенной группой лиц, и содержат в своей семантике семы “сходство”, “подобие”: *родственная душа*, *свой парень*, *свой брат*, *свой человек*, *наш человек*. Близкое сходство людей подчеркивается благодаря компонентам - терминам родства и местоименным компонентам *свой*, *наш*. Например:

Я ежедневно бывал у Завилковских и скоро сделался у них *своим человеком*. Она со мной совсем не стеснялась: ... посылала по разным поручениям, таскала меня за собой по лавкам... (А.Куприн «Марианна»).

В третье подмножество входят фразеологизмы, обозначающие группу людей одних взглядов, одинакового поведения (обычно недостойного, предосудительного); в их составе содержатся компоненты, которые в свободном употреблении обозначают группу людей (шайка, компания и т.п.): *теплая компания*, *одна (своя) шайка*, *шайка-лейка*, *голь-шмоль и компания*, *честная компания*, *гоп-компания*, *шатия-братия* и др. Отличительным признаком данных единиц является обязательное наличие негативного коннотативного компонента, в котором выявляются семы “отрицательная оценочность”, “неодобрение”, “осуждение”, “пренебрежение”, например:

Егоров с достоинством отступил. - Все вы одна *шайка-лейка!* - крикнул он еще в дверях. - Только дай вам - горло новому человеку перегрызут (Боршаговский «Седая чайка»).

Четвертое множество. Фразеологизмы, называющие человека по родственным связям, отношениям с другими людьми. Интегральная сема - “родственные связи”. Степень родственной близости между людьми может быть различной, что находит отражение во фразеологии. На следующем уровне семантической классификации выделяются семантические подмножества, обозначающие далекое или близкое родство, кровное родство или родство по породнению.

Первое подмножество объединяет фразеологизмы, обозначающие лицо по близкому, прямому, кровному родству: *своя кровь, кость от кости, плоть и кровь, плоть от плоти*.

Второе подмножество включает единицы, образующие синонимический ряд с общим значением “очень дальний родственник; крайне отдаленное, сомнительное родство”: *седьмая (десятая) вода на киселе, десятая вода на квасине, нашему слесарю через дорогу двоюродный кузнец, нашему огороду двоюродный плетень* и др.

В третье подмножество входят фразеологизмы - наименования лиц по прямому родству: “дети - родители”, “внуки - деды”: *отчичи и дедичи, деды и прадеды, внуки-правнуки, отцы и дети, отецкая дочь, отецкий сын* (нар.-поэт.: “дочь (сын) почтенного, богатого человека”).

Четвертое подмножество включает фразеологизмы, обозначающие лиц, изначально не связанных родственными отношениями; последние возникают в результате совершения определенных обрядовых, религиозных и других действий. Например: *крестный отец, крестная мать, крестный сын; названный отец, названная мать, названная дочь; молочный брат, молочная сестра*. Сюда относятся также фразеологизмы, называющие лиц по официальным брачным отношениям: *спутник жизни, друг жизни, законная половина, спутница жизни* и др.

Таким образом, в современном русском языке выделяется достаточно многочисленная и семантически разнообразная группа фразеологизмов, обозначающих человека по различным отношениям с другими людьми. Фразеологизмы могут называть лицо по родственным, межличностным, религиозным отношениям, а также обозначают людей, обнаруживающих сходство в каком-либо отношении.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФЕ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

В настоящее время фразеология принадлежит к наиболее развивающимся лингвистическим дисциплинам. Характерной чертой современных работ по теории фразеологии и описанию ФЕ конкретных национальных языков является рассмотрение фразеологии в аспекте взаимодействия языка и культуры. Несмотря на то, что эта взаимосвязь очевидна, соотношение языка и культуры – достаточно сложный и многоаспектный вопрос по признанию многих лингвистов.

В условиях новой парадигмы современных лингвистических исследований, где один из основных принципов – принцип антропоцентризма, рассмотрение национально-культурного своеобразия фразеологической системы языка представляется весьма актуальной проблемой. Человеческий фактор во фразеологии занимает ведущее место, причем, антропоцентризм характерен для ФЕ в двойном плане: плане происхождения и плане функционирования. На человека ориентированы как лексемы – компоненты ФЕ, так и фразеологизмы в целостности своего значения. По яркому выражению Л.И. Ройзензона, «фразеология из всех творений языкового гения человека – наиболее самобытное, сложное и компликативное явление» [3, с.17]. Нельзя не согласиться с данным определением, как и с тем, что идиоматика языка – это тот слой, который национально специфичен. Фразеологизмы наглядно иллюстрируют образ жизни, историю и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой. В идиоматике языка хранится система ценностей, отражается общественная мораль, отношение к миру и к другим народам. Непосредственная связь между языковой единицей (в данном случае имеется в виду ФЕ) и культурой народа, его национальным характером очевидна и многократно исследована [5, с. 80]. Отмечая разворот проблематики фразеологии в русло антропологической парадигмы, В.Н. Телия справедливо полагает, что «более сокровенный смысл присутствия фразеологизмов в языке» выявляется в рамках изучения фразеологической системы языка в контексте культуры [4, с. 75]. Именно во фразеологии проявляются наиболее тесные связи языка и культуры.

На материале немецкого языка национальное своеобразие фразеологии отмечается в работах А.И. Домашнева, А.Д. Райхштейна, Д.О. Добровольского, Г. Бургера, Г.В. Колшанского. Аналогичной проблематикой на материале других языков занимались и занимаются многие

лингвисты, среди них Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Н. Кириллова, А.М. Мелерович, Б.А. Ларин, А.В. Кунин, А. Вежицкая. Проблема национально-культурной специфики фразеологии рассматривается в работах отечественных и зарубежных лингвистов с различных точек зрения, среди которых лингвострановедческий, лингвокультурологический, контрастивный и когнитивный подходы. Следует заметить, что свою теоретическую разработку проблема национальной специфики фразеологии получила в рамках теории лингвострановедения – так сформировался лингвострановедческий подход.

Когнитивный подход к исследованию национально-культурной специфики ФЕ несомненно открыл новые горизонты перед учеными, предоставив возможность рассмотреть проблему с новых позиций. Когнитивная лингвистика, в центре внимания которой находится познавательная функция языка, оказалась в последние десятилетия в центре внимания исследователей и продолжает завоевывать все большее признание. Совершенно справедливо, на наш взгляд, утверждение Г. Хельбига [7, с. 207] о когнитивном повороте в лингвистике, последовавшем за коммуникативно-прагматическим. Когнитивный подход к языку включает в себя ориентацию на творческое познание мира, на интерпретацию языковых явлений. Когнитивная лингвистика обращается к номинативному подходу в изучении фразеологизмов. Акцент на данный (ономасиологический) аспект дает возможность увидеть «язык в действии», описать определенные закономерности лингвистического мышления носителя языка. Возможность применения такого подхода к фразеологии с когнитивной точки зрения объясняют слова С.Л. Рубинштейна о том, что очень мощным средством изучения мышления могло бы быть изучение понимания переносного значения и его различных форм.

Известно, что большинство ФЕ созданы путем метафоризации, в основе каждого фразеологизма лежит определенный образ. Для каждой культуры в языке закрепляются определенные стандартные метафоры. Мир метафоры – мир образного мышления. По словам Е.Е. Чикиной, образно-ассоциативный комплекс ФЕ рассматривается в современных работах по национальному своеобразию фразеологии как «экспонент эталонов, символов и стереотипов культуры» [6, с.23].

Как было отмечено выше, когнитивный подход ориентирован на интерпретацию того или иного языкового явления. Это прежде всего актуально по отношению к фразеологизмам. Уточняя различие между фразеологическим значением и фразеологическим смыслом, А.А. Леонтьев [1, с.105] рассматривает фразеологическое значение, как интерпретированное отражение действительности независимо от индивидуального отношения к ней отдельного человека. Фразеологическое

значение существует как факт индивидуального сознания, представляя собой форму, в которой отдельный человек овладевает обобщенным и отраженным человеческим опытом. При этом каждый носитель языка считает, что непосредственно воспринимает фразеологизм в его объективном значении, однако восприятие ФЕ происходит через призму «личного» интереса, через сложную сеть ассоциативно-образных связей. Данная психолингвистическая концепция А.А. Леонтьева дает ключ к пониманию того, как одни и те же ФЕ по-разному понимаются носителями языка. У каждого человека свои представления, ассоциации и оценки, так что смысл одного и того же фразеологизма подвижен и изменчив, он варьируется от человека к человеку и от текста к тексту.

Выбор образа-мотива связан несомненно с миропониманием субъекта. Ассоциативно-образное представление является внутренней формой ФЕ. Для когнитивной лингвистики непосредственно важно исследование внутренней формы, т.к. когнитивная лингвистика изучает лингвокреативные процессы мышления. Внутренняя форма, по мнению Д.О. Добровольского [2, с. 58], выступает в роли связующего звена между дословно понятыми фразеологизмами и актуальной языковой картиной мира. Внутренняя форма играет мотивирующую роль в формировании коннотации, в которой выделяются, как правило, ассоциативно-образный, эмотивно-оценочный и стилистический комплексы. Причем, как отмечает В.Н.Телия в ряде своих работ, коннотативные элементы ФЕ не распределяются между словами-компонентами фразеологизмов, коннотативные компоненты осуществляют связь между ФЕ и духовной культурой народа.

В когнитивной парадигме выделяются типы когнитивных процедур, которые совпадают с макрокомпонентами значения ФЕ: денотативным, оценочным, мотивационным, эмотивно-оценочным и стилистическим. Каковы же эти процедуры? Вслед за Е.Е. Чикиной [5, с. 27] мы рассматриваем следующие типы когнитивных процедур:

- денотативная обработка, оперирующая знаниями о свойствах обозначаемого;
- оценочная: интерпретация с точки зрения ценностной картины мира;
- мотивационная: операции с воображимыми образными структурами;
- эмотивно-оценочная: языковая реакция на образную структуру;
- стилистическая: операции социального маркирования условий речи.

При исследовании номинативного аспекта фразеологии в рамках когнитивного подхода возникает необходимость обращаться к идеог-

рафическому описанию фразеологии, т.к. только в этом случае становится очевидной связь образного основания ФЕ с культурно-национальным миропониманием народа – носителя языка.

Таким образом, национально-культурная специфика фразеологизмов рассматривается на уровне антропологической парадигмы, включающей в себя прежде всего когнитивный подход. Следует отметить, что проблема национально-культурного своеобразия фразеологии выходит за рамки лингвистики. По справедливому мнению большинства исследователей, эта проблема требует своей разработки в русле таких направлений, как «язык и культура» и «язык и мышление», которые становятся все более актуальными для современной лингвистики.

Список литературы

1. Алифиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц). - Астрахань, 2000
2. Добровольский Д.О. Типология идиом// Фразеография в машинном фонде русского языка.-М.: Наука, 1990. - С.48-67
3. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии.-М., 1980.
4. Телия В.Н. Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
6. Чикина Е.Е. Английские и немецкие фразеологизмы в аспекте христианской культуры. - Владимир, 2001.
7. Helbig G. Kognitive Lingustik-Bemerkungen zu Anliegen und Ansetzen, zu Auswirkungen und Problemen. DaF 2002/Heft 4 (207-211).

Е.Г. Таранникова

Кафедра английской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

ЯВЛЕНИЕ ЭКФРАСИСА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В последние десятилетия возрос авторитет междисциплинарных теорий изучения текста, открыв широкие возможности для интерпретации взаимодействия разных семиотических систем в пределах прозаического или стихотворного текста. Особый интерес в этой связи представляют литературные произведения, которые тематически обращены к другим видам творчества (так называемые экфрастические произведения, или экфрасис). Присутствие в тексте иных искусств сигнализирует метаэстетическую направленность данного текста и позволя-

ет «проникнуть к семиотическим законам данной поэтики, причем поэтики не сформулированной, а имманентной» [3, с. 89].

В период античности слово экфрасис или экфраза (от греческого ек- («из», «вне») и phrazein («говорить»)), буквально «говорить вне, за пределами чего-либо», т.е. отступление от основного повествования) обозначало любые описания, оформленные как отступления от основной сюжетной канвы текста, независимо от того, содержались ли такие описания в художественном или в нехудожественном произведениях. Впоследствии значение термина сузилось, и в современных филологических исследованиях он определяется лишь как словесное воссоздание произведений изобразительного искусства. В то время как большинство научных работ сходятся в изначальной оценке экфрасиса как связующего звена между словесным и изобразительным рядом, дальнейшие трактовки этого феномена существенно отличаются друг от друга. Основные расхождения касаются разграничения/неразграничения изобразительной иконичности и явлений экфрасиса, признания/непризнания экфрасиса как топоса, отдельного жанра или типа текста. Но, несмотря на отсутствие консенсуса по вопросу о природе экфрасиса, его наличие в тексте очевидно: о нем свидетельствует даже краткое вербальное описание реального или воображаемого произведения изобразительного искусства. Предполагаемая цель любого описания такого рода – создать у читателя ментальный визуальный образ какого-либо двух- или трехмерного художественного предмета. Кроме того, экфрасис может затрагивать другие темы, например, содержать информацию о художнике, его художественном объекте, реакции зрителя на его произведение, стиле, и даже комментировать, насколько успешно поэту удалось воссоздать произведение искусства литературными средствами. Тематическая направленность, следовательно, является определяющей чертой экфразы. Дж. А.В. Хеффернан главной особенностью экфрасиса называет его задачу репрезентировать то, что само по себе уже является репрезентацией: «То, что экфрасис передает словами... должно быть репрезентативным.» [4, с. 3]. Экфрасис, таким образом, является как бы переводом с языка одной семиотической системы на язык другой, в результате чего происходит замена изобразительных знаков на словесные. Возможен, впрочем, и прямо противоположный процесс межсемиотического перевода, как указывает Р. Якобсон: «Межсемиотический перевод или трансмутация – это интерпретация словесных знаков средствами какого-либо другого языка» [5, с. 145].

Согласно современной модели коммуникации, язык человека не представляет собой двуединой сущности (единства материального и идеального), а состоит из нескольких знаковых систем, структурирова-

ние и специфика которых определяется, с одной стороны, каналами восприятия, приема и обработки информации, а с другой – практикой социальной коммуникации. В комплекс естественных языков человека включают, прежде всего, словесные системы знаков, но также и жестовые, оптические, графические и другие системы знаков, определяемые общим термином «невербальные» знаковые системы.

С античности язык традиционно считается своего рода системой знаков «по преимуществу», определяющей все характерные черты знаковой деятельности во всем ее многообразии. Именно язык является основным средством коммуникации. Такая иерархия коммуникативных средств необходимо отражается на всех остальных, вторичных типах сообщений, передаваемых человеком, и вызывает того или иного рода зависимость этих сообщений от языка, и, в частности, от владения языком и его использования для сопровождения или объяснения любых других сообщений. Соответственно, визуальные искусства, где превалируют иконические знаки, действие которых основано на фактическом подобии означаемого и означающего, неизбежно будут соотноситься с вербальным рядом и с его преобладанием символических знаков, основанных на условной соотнесенности означающего и означаемого, и «так будет до тех пор, пока язык является главным средством человеческой коммуникации»[6, с. 165].

Литература и живопись противопоставляются также как системы, основанные на знаках, соответственно, дискретного и континуального типов. В свою очередь, внутреннее знаковое устройство каждой из этих систем также является существенно неоднородным. Однако семиотическая неоднородность культуры и выступает, как неоднократно подчеркивалось Ю.М. Лотманом, минимально необходимым условием ее нормальной работы как семиотического механизма. Современная культура автономизирует более отдельные знаки чем знаковые системы, но как для узнавания знаков, так и для их понимания необходима возможность их проекции на разные системы.

Вербальное и визуальное по-разному преломляются друг в друге. Язык может присутствовать в изобразительном искусстве в следующих видах: 1) название картины, так или иначе связанное с изображением; 2) имя автора, косвенно, предварительно информирующее нас о его репутации, времени создания картины; 3) слово в названии, которое благодаря своим коннотациям в сочетании с картиной направляет восприятие в нужном русле; 4) часть картины, воспринимаемая как письменный текст, не имеющая прямого значения; 5) часть картины, воспринимаемая как письменный текст, несущая определенное значение. Как вербальный компонент может рассматриваться и история, запечатленная на картине, сюжет которой хорошо известен и может

быть передан линейными средствами (языковыми). Вербальный компонент картины можно трактовать и более широко, включая весь языковой контекст произведения искусства – посвященные ему тексты, обзоры, критический анализ и т.п. Однако самым характерным и неизбежно сопутствующим вербальным компонентом картины является ее название, посредством которого автор вступает в коммуникацию с публикой и тем или иным способом, варьируя элементы названия, направляет восприятие и интерпретацию картины в нужном русле. Однако О. Заславский указывает еще на один тип взаимодействия дискретного и непрерывного в живописи, а именно, когда язык может играть роль подтекста, причем художественно активной становится фонетическая структура слова – вплоть до создания анаграмм. В результате картины приобретают свойства, характерные для литературных произведений, главным образом, поэтических. [1, с. 168-181].

Что касается противоположного процесса, а именно вербального представления визуального изображения (собственно явление экфрасиса), то в разные периоды техника трансформации поэтом художественного объекта не оставалась неизменной. Задача передачи поэзией предметов изобразительных искусств в свое время привела к формированию изобразительной поэтики, которая использовала для достижения этой цели методы и приемы изобразительных искусств. Это выражалось во введении сложных рифм, усиливающих вертикальную структуру стиха (в частности, форма сонета отождествлялась с твердым и неподатливым материалом скульптора или с рамой, очерчивающей пределы картины), использовании обратной и периферийной перспектив, цветовых эпитетов, пластических метафор; оксюморон и антитеза уподоблялись эффекту светотени; большое количество назывных предложений, преобладание существительных и прилагательных при почти полном отсутствии глаголов приближали стихотворение к статичности пластических предметов.

Например, *эффект светотени*:

W. Shakespeare «The Rape of Lucrece»:

...a thousand lamentable objects here
In scorn of nature, art gave *lifeless life*...

«The Taming of the Shrew»:

...As if some mermaid did their ears entice
Some *high*, some *low*, the painter was so nice...

Herman Melville «Formely a slave»:

...Her *dusky* face is *lit* with sober *light*...

- перемена перспективы:

О. Мандельштам «На площадь выбежав...»

На площадь выбежав, свободен

Стал колоннады полукруг,

И распластался храм Господень,

Как легкий крестовик-паук...

Здесь угол зрения меняется трижды уже в первой строфе: за движением по горизонтали («на площадь выбежав») следует движение по вертикали («встал колоннады полукруг»), а затем дан даже вид храма сверху («распластался храм Господень»).

- пластические метафоры:

R. Browning «The Statue and the Bust»:

... That men may admire, when future suns

Shall touch the eyes to a purpose soft,

While the mouth and the brow stay brave in bronze...

- цветочные эпитеты:

R. Browning «The Statue and the Bust»:

... And, leaning out of a bright blue space,

As a ghost might lean from a chink of sky,

The passionate pale lady's face ...

- назывные предложения:

David Ferry. On Thomas Eakins "Cowboy in Dakota Territory":

His hat, his gun, his gloves, his chair, his place

In the sun. He sits with his feet in a dried-up pool

Of sunlight. His face is the face of a hero

Who has read nothing at all, about heroes.

и т.п.

Таким образом, «иконографические тексты» (термин заимствован из византийской историографии) при транспонировке скульптуры или живописного полотна усиливают некоторые черты пластических искусств, воссоздают формы, композицию и колорит художественного предмета через тщательное словесное описание. Однако наряду с этим выделяются так называемые «иконоборческие тексты», которые стремятся к трансформации, а не к имитации объекта изображения, перенося внимание с художественной формы на ее интерпретацию (это может включать, например, интерпретацию символического, духовного, теологического, эмоционального или социального значения произведения искусства). Подобные тексты трансформируют объектив-

ный денотат, заменяя его предметом, созданным в воображении писателя, при этом нередко происходит разрушение эстетической дистанции между означаемой и означающей составляющими знака путем их слияния, происходит смешение границ между мертвой и живой материей, неподвижностью и движением, молчанием и речью, что было характерно для античного экфрасиса. Таким образом, литературное повествование перестает быть миметичным, не стремится к правдивой транспонировке пластического объекта, пытаясь вместо этого создать новую, альтернативную реальность.

Так, у А.С. Пушкина в «Каменном госте», «Медном всаднике», «Сказке о золотом петушке» статуя, понимаемая как чисто внешняя репрезентация, становится воплощением какого-либо духа или демона. Покойник воплощается в статуе – командор в своем памятнике, Петр - в медном всаднике, звездочет - в золотом петушке, чтобы отомстить отчаянному бунтарю. Статуи покидают свой условный хронотоп и начинают участвовать в событиях наряду с остальными героями. При этом литературное произведение перестает быть миметичным. Подобное олицетворение статуи мы находим у Л. Джонсона «By the Statue of King Charles at Charing Cross»:

...Comely and come, he rides
Hard by his own Whitehall:
Only the night wind glides:
No crowds, nor yet rebels, brawl...

...Alone he rides, alone,
The fair and fatal king:
Dark night is all his own,
That strange and solemn thing...

Таким образом, между литературой и изобразительным искусством постоянно происходит обмен средствами художественной выразительности. Человеку свойственно с легкостью преодолевать дистанцию между словом и образом. Мы невольно превращаем любую предстающую нашему взору картину в словесное высказывание, пытаясь найти для передачи визуальных впечатлений наиболее адекватные выражения. И наоборот, при вербализации своих мыслей мы неизбежно прибегаем к конкретной, зримой образности, переводя абстрактные умозаключения на язык цвета и формы. Экфрасис в этом плане предстает как случай дискурсии, осуществляемой в рамках межсемиотического процесса, как кодовое преобразование, представляющее собой знаковый процесс, в ходе которого происходит переход от разных систем прообразов к единому образу, схваченному языковым знаком.

Однако главная проблема состоит в том, что брать за основу при рассмотрении связи между словом и картиной – примарность вербального мышления и вербальные модели познания или «визуальное» мышление особого типа.

Список литературы

1. Заславский О. Образно-языковой анализ тоталитаризма в двух «ленинских» картинах С. Дали// Тр. по знаковым системам. – Тарту, 1999.
2. Рубинс М. Пластическая радость красоты. Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. - СПб., 2003.
3. Фарыно Н. Семиотические аспекты поэзии в живописи//Russian literature. – М.: Высшая школа, 1979.
4. Heffernan James A.W. Museum of words. The poetics of ekphrasis from homer to Ashbery. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1993.
5. Jacobson R. On linguistic aspects of translation// Theories of translation.- Chicago, 1992.
6. Sarapik V. The problem of titles in painting//Тр. по знаковым системам. – Тарту, 1999.

В.Ф. Ульянов

Кафедра немецкой филологии КГУ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Как известно, литературное произведение представляет собой нечто большее, чем написанный художником слова текст. На мой взгляд, литературное произведение – это результат творческой деятельности, воображения его автора, воссоздавшего с помощью языкового материала в виде письменного текста реальную действительность, оформившего её как реальность художественную. Это подобие реального мира заключает в себе в соответствии с замыслом создателя эстетический смысл, эстетическую концепцию действительности, своего рода эстетическую информацию, которую читатель (адресат), опираясь на свой интеллектуальный потенциал, воспринимает и пытается «расшифровать» (декодировать, понять).

Через посредство разноуровневых образов в рамках произведения как особой системы, которую мы воспринимаем с помощью языковых средств, писатель (поэт) создаёт своего рода модель, картину мира. И хотя пока ещё нет какого – либо единого принципа организации литературного произведения в целостный образ мира, всё же можно

говорить об определенной общей структуре художественного произведения, которая, по мнению ученых [1, с. 21], дает возможность разобраться в основных принципах формирования различных образов мира.

Литературное произведение можно рассматривать как систему, которая состоит из трех взаимосвязанных структурных уровней с их составляющими:

1. Концептуального уровня (смыслового, содержательного) с его составляющими: тематикой, проблематикой, конфликтом, идейным пафосом. Иначе, это уровень идейно – эстетический, связанный с замыслом автора.

2. Уровня «внутренней формы» (художественного мира) с его составляющими: субъектной и пространственно – временной организацией художественного мира.

3. Уровня «внешней формы» с его составляющими: речевой и ритмо – мелодической организацией текста. То есть это – языковой уровень текста.

Итак, художественный мир (внутренний мир) литературного произведения располагает двумя главными категориями: художественным временем и пространством. Как в реальном мире, так и в мире художественного произведения время и пространство «спаяны» (связаны водно). Друг без друга они немислимы. В центре этих главнейших параметров как Вселенной, так и художественного мира литературного произведения стоит человек, который воспринимает окружающий его мир и осознает себя в нем во времени и пространстве.

И все же реальное время и реальное пространство отличаются от их художественных «близнецов». Как само художественное произведение, так и его пространство и время уникальны и фикциональны (условны), их выдумал творец – автор. Фикциональны также и повествователь, и само повествование. Автор своей волей (субъективно) располагает персонажей в придуманном им месте и определяет временные рамки развития действия (сюжета).

В литературоведении «слияние» («спаянность») художественного времени и пространства называют «хронотопом» (время – пространство) от греч. *chronos* – время, *topos* – место. В лингвистике же текста для обозначения вышеназванного «сплава» пространства и времени употребляют термин «континуум» (т.е. нерасчлененный поток движения во времени и пространстве).

Термин «хронотоп», как известно, ввел и эту проблему обстоятельно разработал М.М. Бахтин (1895 – 1975). По его определению хронотоп – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 55].

Время в литературе – художественном хронотопе, по словам М.М.

Бахтина, «сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [2, с. 56].

Хронотоп, как уже упоминалось, находится вокруг человека, показывает его связи с миром; через него могут также преломляться духовные переживания героя, через него «просвечивает» авторское понимание и оценка. У хронотопа есть и своя структура; в нем, как верно заметил М.М. Бахтин, завязываются и развязываются сюжетные узлы [2, с. 57]. Например, сюжетобразующие мотивы разлуки, встречи, решений, прозрений, кризисов. Можно выделить на основе пространственно – временных «спаек» (связей) и такие образы, как, например, у Г. Канта в книге «Актовый зал» – актовый зал, комнату, где живут во время учебы герои, площадь и сам городок.

Остановимся на одной из хронотопных составляющих – художественном пространстве. Наряду с нашим бытийным, повседневным, традиционным представлением о пространстве (т. е. как о мире, где живут люди, нашей Вселенной, космосе), существует научное объяснение этой категории. Пространство осмысливается с двух позиций: по Ньютону и по Лейбницу. «Ньютон, – как полагает Е.С. Кубрякова, – говорит о геометрическом пространстве именно как о физическом, тогда как Лейбниц считает пространство феноменом познающего мир человека, притом «хорошо обоснованным» феноменом духа ... Таким образом, здесь речь идет о разных типах пространств – одном физическом, а другом – ментальном, феноменальном» [3, с. 95].

С учетом самой простой концептуальной структуры пространства (вверх – вниз, впереди – сзади, справа – слева), т. е. при осмотре человеком окружающего его мира во всех направлениях исследователи выделяют [3, с. 95] следующие важнейшие характеристики пространства:

1. Антропоцентричность – связь с мыслящим субъектом, воспринимающим окружающую среду и осознающим пространство, и с его точкой зрения.

2. Отчуждаемость от человека, осмысление его как вместилища, вне которого находится человек.

3. Предметность – т.е. заполненность пространства вещами, предметами (в широком смысле слова).

4. Круговая форма организации пространства, в центре которого находится человек.

5. Непрерывность и протяженность пространства: близкое и далекое пространство.

6. Ограниченность пространства: закрытое – открытое.

7. Направленность пространства – горизонтальная и вертикальная его ориентация.

8. Трехмерность: верх – низ, спереди – сзади, слева – справа.

9. Включенность пространства во временное движение.

Из вышеизложенного следует, что художественное пространство литературного произведения может представляться замкнутым, ограниченным телом субъекта (микрокосм) или ближайшими границами (дом, комната и т. п.), а может быть открытым, протяженным, панорамным (макрокосм), кроме того, «сжатым, суженным и расширенным, увеличенным» [3, с. 97]. В новейших работах по этой проблеме [3, с. 97-102] выделяются:

1. Психологическое (замкнутое в субъекте) пространство; при воссоздании его наблюдается погруженность во внутренний мир субъекта; точка зрения при этом может быть как жесткой, зафиксированной, статичной, так и подвижной, передающей динамику внутреннего мира субъекта.

Локализаторами при этом обычно выступают номинации органов чувств: сердце, душа и т. п.

2. Близкое к реальному географическое пространство, в том числе это может быть конкретное место, обжитая среда; т. е. городская, деревенская, природная. Точка зрения может быть как жесткой, закреплённой, так и движущейся. Это – плоскостное линейное пространство, которое может быть направленным и ненаправленным, горизонтально ограниченным и открытым, близким и далеким ...

3. Точечное, внутренне ограниченное пространство: дом, комната, палата и т. п. Это пространство какого-либо определенного места, имеющего обозримые границы, наблюдаемое пространство. Оптическая точка зрения при этом может быть как статичной, так и динамичной.

4. Фантастическое пространство наполнено нереальными с научной точки зрения и с точки зрения обыденного сознания существами и событиями. Оно может иметь как горизонтальную, так и вертикальную линейную организацию. Это чужое для человека пространство.

5. Космическое пространство, которое характеризуется вертикальной ориентацией, является далеким для человека пространством, наполненным свободными и независимыми от человека телами (солнце, луна, звезды и т.п.).

6. Социальное пространство субъекта – деятеля, субъекта – преобразователя. Это свое для человека, освоенное им пространство, в котором в основном протекает его сознательная жизнь, совершаются события, имеющие социально – общественную обусловленность. Модальность изображения подобного пространства может быть различной: от пафосной, оптимистической до сниженной иронической.

Вышеперечисленные типы литературно–художественного пространства могут в художественном произведении сосуществовать, взаимодействовать.

В тексте художественного произведения выделяется пространство рассказчика (повествователя) и пространство персонажей; пространственные позиции повествователя и персонажа могут как совпадать, так и расходиться (не совпадать). Для поэтического текста характерно, по мнению Б.А. Успенского, [3, с. 103], полное совпадение пространственной позиции автора и персонажа; автор как бы проникает в персонажа, выражая его психологию и идеологию.

Пространственные отношения в художественном тексте могут выражаться различными языковыми средствами: глаголами, которые указывают на нахождение в пространстве, глаголами движения, бытия, существования; наречиями места, топонимами; предложно–падежными формами с локальным значением и др.

Интересны в плане анализа пространственных отношений, на наш взгляд, стихи классика австрийской литературы, третьего по значению после Д. Г. Байрона (1788 – 1824) и Джакомо Леопарди (1798 – 1837) поэта «всемирной скорби» Николауса Ленау (1802 – 1850). Его творческим методом был романтизм. В отличие от немецких поэтов и писателей австрийским художникам слова романтической направленности были чужды чрезмерно мистические тона. К особенностям австрийского романтизма следует отнести наряду с другими присутствие в произведениях сюжетов, образов, мотивов народной поэзии славянского и венгерского происхождения. Н. Ленау начинает писать в 20–е годы 19 века; в это время появляются его первые стихи – пейзажная и бытовая лирика (образы из сельской жизни Венгрии). Первый его сборник (1832) называется «Стихи» и среди них «Песни в тростниках», «Трое цыган», «Корчма в степи» и др. Кроме названных, Н. Ленау создал такие известные произведения, как поэмы «Фауст» (1836), «Сованарола» (1837), «Альбигойцы» (1842), «Дон Жуан» (вышла после смерти в 1851 г.). Его герой то плывет по течению, то протестует, то бунтует, он одинок, его разрывают противоречия, он мечется, не находя места в окружающем его мире. Остановимся на лирическом цикле «Песни в тростниках»

Schilflieder

Drüben geht die Sonne scheiden,

Und der müde Tag entschlief.

Niederhangen hier die Weiden

In den Teich so still, so tief.

Und ich muss mein Liebstes meiden:

Quill, o Träne, quill hervor!

Traurig säuseln hier die Weiden,
Und im Winde bebt das Rohr.
In mein stilles, tiefes Leiden
Strahlst du, Ferne! Hell und mild,
Wie durch Binsen hier und Weiden
Strahlt des Abendsternes Bild.

ПЕСНИ В ТРОСТНИКАХ

Вечер бурный и дождливый
Гаснет; все молчит кругом;
Только грустно шепчут ивы,
Наклоняясь над прудом.

Я покинул край счастливый ...
Слезы жгучие тоски,
Лейтесь, лейтесь! Плачут ивы,
Ветер клонит тростники.

Ты одна сквозь мрак тоскливый
Светишь, друг, мне иногда,
Как сквозь плачущие ивы
Светит вечером звезда.

Как известно, в центре художественной концепции романтизма – внутренний мир личности в его отношении с природой, поэтому стихи Н. Ленау в высшей степени субъективны (вспомним И.Г. Фихте и его тезис «объективная реальность – функция субъективного сознания»). Поэзия для Н. Ленау – это его самовыражение, его внутреннее «я» (это он сам). Его настроение, переживания, страдания (т.е. смерть матери, разочарования в любви, атмосфера насилия, реакции в стране) как бы передаются явлениям природы, объектам деревенского ландшафта. В этих невеселых стихах чувствуешь трагическое одиночество лирического героя (вспомним о конфликте идеала и действительности у романтиков, их обращение к миру искусства, к природе).

В вышеприведенном стихотворении из цикла «Песни в тростниках» ощущается духовный кризис лирического героя – разлад с бывшей любимой (несложившаяся личная жизнь Ленау), обществом (имплицитно); показаны его переживания (чувство тоски, муки).

Проявляется этот кризис через мотивы разлуки, тоски, страданий, одиночества.

Эти мотивы раскрываются и развиваются с помощью системы художественных средств. Например, через противопоставления: «край счастливый» - «мрак тоскливый» (намек на беспросветность жизни в обществе), «гаснет» - «светишь»; через повторы в обращении к своей душе: «слезы ... лейтесь, лейтесь!»; группу слов с семантикой страдания: «грустно», «слезы жгучие тоски», «плачут» и снова: «тоскливый» - «плачущие ивы».

Следует отметить (принимая точку зрения Б.А. Успенского), что пространственные позиции автора и персонажа (лирического субъекта) полностью совпадают: автор находится в той же пространственной точке, что и лирический герой, он как бы следует за ним. Ленау и его лирическое «Я» - одно целое, настроение Ленау – лирического субъекта передается и окружающей его природе: «все молчит кругом», «грустно шепчут ивы», «плачут ивы», «мрак тоскливый».

В стихотворении взаимодействуют следующие точки зрения Ленау – лирического субъекта:

1. Оптическая (зрительная), она имеет динамический характер: видит дождь, пруд, ивы, склоняющиеся к воде тростники; в воображении – родной край, образ далекой бывшей любимой как звезды на вечернем небе.

2. Сенсорная, которая отражает слуховые ощущения («все молчит»; «шепчут», «плачут»).

3. Оценочная (грустно шепчут, край счастливый, слезы жгучие тоски, мрак тоскливый, светишь, плачущие ивы).

4. Психологическая (одиночество, тоска героя, противоречия в душе, неприятие общества = мрака, тоска по идеалу).

Что касается пространственных характеристик произведения (место действия, перемещение персонажа, тип пространства), то уже в заглавии цикла указывается на определенное место в окружающей природе («Песни в тростниках»), место действия - берег пруда, кроме того, указываются место и время, когда лирический субъект был счастлив («край счастливый») (ретроспекция, то есть временному смещению соответствует пространственное смещение, изменение пространственной позиции в воображении лирического героя); через темпоральное наречие «иногда» и глагол «светить» показывается повторяемость редких счастливых минут лирического героя при мыслях об образе бывшей возлюбленной. Развернутое сравнение подчеркивает одиночество героя («светить ... как светит вечером звезда»).

Пространство здесь антропоцентрично («я покинул...»). Есть упоминание о пространстве из прошлого, вне которого сейчас лирический герой (воображаемое пространство – «... покинул край счастливый»). Пространство вокруг героя заполнено объектами ландшафта;

это пространство открытое, направленное как по горизонтали, так и по вертикали (видит пруд, а также небо, дождь); пространство включено в движение времени («сейчас», «иногда», «покинул» ...).

Тип пространства: описание внутреннего состояния, страдания души (слезы, тоска) указывают на то, что доминирующим является психологическое пространство, сливающееся с пространством географическим, которое в свою очередь одушевляется через одушевленные объекты ландшафта, как бы превращаясь в психологическое («ивы плачут», «шепчут грустно»).

Космическое пространство воссоздается в образной форме и имеет символическое значение (оно в воображении героя – бывшая любимая недосыгаема как звезда), подчеркивает одиночество лирического субъекта.

Образ пруда, заросшего камышом, заданный в цикле «Песни в тростниках», - главный пространственный образ. Здесь лирический герой пытается найти покой, умиротворение, но не находит его, душа его неспокойна, он в критическом состоянии.

Это состояние его метущейся души отражается в противопоставлении реальных пространственных образов и образов воображаемых: с одной стороны, образы дождя (т.е. символического образа «плачущей»), страдающей природы, окружающей героя, иначе говоря, плачущей души поэта), ивы, которая «шепчет», «плачет», склоненного ветром к воде «тростника», т.е. «склоненного» от невзгод жизни героя; мрака – вечерней тьмы, заполнившей пространство вокруг пруда, т.е. в переносном значении ненавистной поэту действительности, с другой стороны, образ счастливого края, светящейся звезды, бывшей возлюбленной, воплощающей для него былое счастье.

Нет сомнений в том, что все пространственные образы объединены в один – образ природы, природы одушевленной, выражающий состояние души поэта – лирического субъекта.

Воспроизведение пространства в стихах Н. Ленау из цикла «Песни в тростниках» обусловлено как литературным направлением, так и авторским воплощением мира.

В заключение хотелось бы отметить, что немецкоязычная лирика использовала и использует и приемы, и средства, и мотивы произведений романтиков, внося то новое, что характерно для ее теперешнего состояния. Об этом свидетельствуют произведения как известных авторов (Ингеборг Бахман, Мария Луиза Кашниц, Сара Кириш и др.), так и пока малоизвестных поэтов.

Достаточно известны стихи молодых авторов объединенной Германии Герхарда Фалкнера, Дурса Грюневальда, Рауля Шротта, Курта Драверта, кстати, получившего премию Николауса Ленау; а также по-

чти неизвестных лирических дарований: Освальда Эггера, Рафаэля Урвайдера, Лутца Зайлера, Силке Шойерманн и др.

Список литературы

1. Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Введение в литературоведение: Учебно- методическое пособие. - Екатеринбург, 1991. – 60 с.

2. Введение в литературоведение: Хрестоматия. - М.: Высш.шк., 1997. – 350 с.

3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 496 с.

4. Auswahl deutscher Gedichte. Verlag: Bielefeld, Leipzig, Berlin, 1909. – 484 S.

Н.Н. Цыцаркина

Кафедра английской филологии КГУ

КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ, ОПИСЫВАЕМЫЕ ГЛАГОЛАМИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (группа generic states)

Глаголы *социальных отношений*, или социальной активности, относятся к одной из подгрупп глаголов обобщающего состояния (generic states по З. Вендлеру) [1]. Они представляют собой особую группу глаголов поведения, обозначающих определенную деятельность субъекта, и характеризуются повышенным уровнем абстрактности, так как являются обобщением конкретных проявлений этой деятельности. Вследствие своей абстрактности, такие глаголы не могут выступать в перформативной функции.

Глаголы *социальных отношений* отражают в своем значении определенные виды коммуникативных ситуаций. Выделяются несколько видов коммуникативных ситуаций: статусно-маркированные, т.е. такие ситуации, когда взаимодействие участников общения обусловлено связывающим их неравенством, и статусно-нейтральные ситуации с равноправными участниками общения [2, с. 143]. В свою очередь, статусно-маркированные ситуации делятся на ситуации социального неравенства, ситуации ситуативного неравенства (статусные отношения зависят от ситуации общения) и ситуации социально-ситуативного неравенства, в которых ситуативное неравенство совпадает с закрепленным социальным неравенством.

Глаголы *социальных отношений*, как показал анализ, моделируют в своем значении в основном статусно-маркированные ситуации социального и ситуативного неравенства. Среди этих глаголов есть также небольшая группа, моделирующая статусно-нейтральные ситуации.

К глаголам *социальных отношений*, описывающим ситуации социального неравенства, относятся глаголы со значением управления (rule, direct). Ингерентным признаком глаголов управления является признак социального статуса человека. В соответствии с дифференциальными признаками в группе глаголов управления, принадлежащих к generic states, выделяются следующие глаголы:

1. Глаголы, уточняющие официальный статус субъекта руководства:

а) глаголы с фиксированным статусом субъекта руководства (**rule, govern, reign, command**):

King Charles **ruled** Britain for 11 years without a parliament [Hornby].

An Emperor is a monarch who **rules** over an Empire [Hornby].

In Great Britain, the King **reigns** but does not **govern** [Hornby].

A colonel is an officer who **commands** a regiment [Hornby].

Воздействующий субъект у таких глаголов уточняется в таких словарных дефинициях, как монарх, государственный деятель, деловой руководитель, военная власть. Субъект руководства в данных примерах - король, император, военный.

б) глаголы с нефиксированным статусом субъекта руководства (**head, lead**):

...U.S.-trained Col. John Garang **led** a mutiny at the army garrison at Bor [Chicago Tribune, May 31, 1994].

The most likely victim would have been the Socialist Party **headed** by Rocard, a former premier [Chicago Tribune, May 31, 1994].

Глаголы head и lead указывают лишь на то, что субъект управления имеет статус лидера, стоит во главе какого-либо объединения. У одного и того же глагола этой группы субъектом управления может быть как деловой руководитель, так и политический деятель или высший офицерский чин.

2. Глаголы, дающие отрицательную оценку способу управления (**manipulate, domineer, dominate, oppress**):

A clever politician knows how **to manipulate** his supporters [Hornby].

A great man can **dominate** others by force of character [Hornby].

Big boys sometimes **domineer** over their younger brothers and sisters [Hornby].

Отрицательно характеризуется в данном случае умение приспособ-

собрать к своим нуждам управляемый объект. Manipulate означает “управлять человеком, используя нечестные методы”, domineer – “управлять силой, использовать власть грубо, неправильно”, oppress – “править несправедливо и жестоко”.

3. Глаголы, характеризующие способ управления в целом (**run, manage, direct, administer, regulate, control, supervise, superintend**):

Who is **directing** the work? [Hornby].

United Engineers is **controlled** by Prime Minister Mahathir Mohamad’s ruling party [International Herald Tribune, February 17-18, 1990].

When John O’Neill was **managing** a gaggle of rough and ready pubs in the middle of Birmingham he never imagined that he would end up **running** a casino for a tribe of native Americans in the middle of the Arizona desert [Times, September 6, 2003].

Под способом управления подразумевается выработка общего направления ведения дел, умение вникнуть во все детали. Однако точное указание на способ управления отсутствует ввиду абстрактности понятий, передаваемых такими глаголами. В словарных дефинициях глаголов *социальных отношений* не уточняется также причина воздействия, характеристика субъекта, на которого воздействуют.

Глаголы управления являются статусными глаголами нисходящего вектора, так как первый актанта таких глаголов по статусу выше второго.

Главным партнером статусно-маркированной ситуации, описываемой глаголами *социальных отношений*, является агенс, действие которого направлено на других одушевленных участников ситуации. Второй участник коммуникативной ситуации - пациенс, одушевленный партнер целенаправленных усилий агенса, лишенный своего волеизъявления.

Ситуации ситуативного неравенства и статусно-нейтральные ситуации описываются глаголами *социальных отношений* со значением организации деятельности субъекта (support, fight, strengthen). Особенностью данных глаголов является полное отсутствие квалификативных сем в их значении.

Глаголы организации деятельности подразделяются на следующие группы:

1. Глаголы содействия деятельности субъекта:

a) глаголы поддержки деятельности субъекта (**support, help, assist, aid, back, defend, protect, co-operate, campaign**):

We need to **support** the social workers who fear to press for more detailed information in case they are deemed culturally insensitive [Times, September 6, 2003].

«They (US forces) can’t even **protect** themselves, how should we

expect them to **protect** us?» Sheikh al-Azari added [Times, September 6, 2003].

She is **co-operating** with the authorities in Britain [Times, September 6, 2003].

Some social problems have escalated, such as drinking and drug abuse... We can **help** each other overcome these problems [Times, September 6, 2003].

б) глаголы модификации деятельности субъекта (**stabilize, strengthen, mobilize, consolidate, centralize, normalize, activate, coordinate, modernize, intensify**):

They say that the national executive «seems desperate to **centralise** the party to **consolidate** power in the hands of the Parliamentary Labour party [Guardian, January 17, 1991].

In exchange, the Latin presidents essentially agreed to continue and **strengthen** anti-drug efforts [International Herald Tribune, February 17-18, 1990].

в) глаголы со значением становления деятельности субъекта (**organize, establish, build, arrange, promote**):

In order to **establish** a reputation, he became a skinhead while teenager and then took up martial arts and began **promoting** kick-boxing shows [Times, September 6, 2003].

Before going to America he **arranged** his business affairs [Hornby].

Глаголы данной группы описывают коммуникативные ситуации ситуативного неравенства, в которых статусы участников зависят от ситуации общения. Изначально не являясь статусными глаголами, они приобретают статусное значение в контексте. Первым участником такой ситуации, также как и в ситуациях социального неравенства, является агенс, вторым - пациенс. Пациенс может быть не выражен на поверхностном уровне, но при этом легко прочитывается. Ситуацию, описываемую глаголами данной группы, можно назвать ситуацией кооперации.

2. Глаголы противодействия деятельности субъекта (**fight, oppose, battle, protest, counter, counteract, confront, sabotage, struggle**):

England **fought** with (=against) Germany in the war of 1914-1918 [Hornby].

In Lebanon and Israel, Islam **confronts** non-Muslim communities, one Christian, one Jewish, clinging to the edge of the Islamic world at the Mediterranean [International Herald Tribune, February 17-18, 1990].

Ситуации, описываемые данными глаголами, являются статусно-нейтральными. Их особенность заключается в том, что степень свободы второго участника ситуации является такой же, как и первого, т.е. агенса (England, Islam – здесь «последователи ислама»). Второй участ-

ник выступает в качестве контрагенса (Germany, non-Muslim communities). Ситуацию такого рода можно назвать ситуацией конфронтации.

Поскольку общественные отношения подразумевают наличие различных статусов у субъектов общественного процесса, глаголы *социальных отношений* либо изначально являются статусными (глаголы управления), либо приобретают статусное значение в контексте (глаголы кооперации). Наличие небольшой группы глаголов с одинаковым статусом актантов (глаголы конфронтации) лишь подтверждает это правило.

Список литературы

1. Цыцаркина Н.Н. Предикаты обобщающего состояния в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.- СПб., 1992.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.: Гнозис, 2002.
3. Hornby A.S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English.- М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Т.Е. Гайшина

Кафедра иностранных языков

естественнонаучных специальностей КГУ

ОБУЧЕНИЕ «ДЕЛОВОМУ АНГЛИЙСКОМУ» В ВУЗЕ

В последнее время обучение «деловому английскому» становится все более распространенным и популярным на многих этапах учебного процесса: в старших классах средней школы, гимназий, лицеев, на всевозможных курсах английского языка, в неязыковых средних и языковых высших учебных заведениях.

Однако, не смотря на возросший интерес к данной проблеме, у исследователей нет единого мнения по поводу того, что такое Business English. Часто им называют особый подъязык, разновидность языка для специальных целей (English for Specific Purposes), относящийся к какой-то сфере экономической деятельности. Такое понимание языка вполне оправданно для специалистов – лингвистов, занимающихся выборкой и анализом корпуса лексических единиц и терминов, составляющих ту или иную сферу, связанную с экономической деятельностью.

Для методистов и преподавателей решение вопроса о том, что входит в понятие делового английского, является основополагающим, так как направляет их усилия на организацию языкового и речевого материала и его лингвистическую и методическую обработку в той необходимой интерпретации, которая позволяет говорить об эффективном владении учащимися «деловым английским».

Несомненно, «деловой английский» должен рассматриваться в общем контексте подъязыков для специальных целей, поскольку к нему можно отнести те же самые организационные моменты, что и к другим подъязыкам, а именно: анализ потребностей, разработка курса, подбор соответствующего материала, выделение специфического корпуса лексики.

Однако при определении «делового английского» нельзя игнорировать того факта, что данный язык используется в определенных типах деловой коммуникации, в специальных контекстах или ситуациях, ориентированных на бизнес – коммуникацию с целью осуществления какого-либо бизнес – намерения. «Деловой английский», находясь в

общем ряду с другими специальными подязыками, имеет такую ярко выраженную черту, как сочетание специфического контекста (specific context), связанного с определенной экономической ситуацией или контекстом, и общего контекста (general context), относящегося к способности осуществлять коммуникацию целенаправленно и эффективно.

Ведущие специалисты по Business English, имеющие целый ряд учебных пособий, Рик Бригер и Дж. Кам-форт, рассматривая проблемы делового английского, относят к нему:

- языковые знания (Language knowledge);
- коммуникативные умения и навыки (Communication skills);
- профессиональный контекст (Professional context);
- управленческие навыки (Management skills);
- культурный аспект (Cultural awareness).

Именно эти аспекты составляют понятие бизнес – контекста, связанного с осуществлением бизнес – интенции. Непонимание того, что предмет делового английского – это совокупность целого ряда факторов, часто приводит к их недооценке, отсюда такие проблемы, как невозможность осуществить коммуникацию эффективно даже при достаточно прилежном усвоении большого корпуса специальной терминологии и знаний базового английского языка.

Рассматривая преподавание делового английского в вузе, можно выделить следующие предпосылки эффективности обучения студентов:

1. Относительно свободное владение основами английского языка, такими как навыки аудирования, чтения, перевода, письма, умения вести беседу на английском языке.

2. Мотивированность обучения, так как рыночная экономика, которая постепенно становится все более ощутимой во всех сферах экономической, социальной и общественной жизни, требует знаний по бизнесу.

3. Относительная доступность и разнообразие методических материалов, а также информационных справочных пособий, которые потенциально можно использовать при обучении деловому английскому.

Главной целью обучения деловому английскому языку студентов является развитие у них языковой и коммуникативной компетенции в бизнесе и творческого потенциала.

На занятиях делового английского должны ставиться и решаться следующие задачи:

- совершенствование общего и языкового образования;
- совершенствование общих и специальных умений;
- расширение словарного запаса;

- побуждение применять полученные умения, знания делового общения в конкретных ситуациях, что, в свою очередь, является эффективным стимулом речевого общения;
- обучение культуре письменной деловой речи (официальные письма, запросы, договоры);
- овладение речевым этикетом делового общения;
- формирование и развитие коммуникативной культуры студентов.

Т.Р. Голендухина

Кафедра иностранных языков технических специальностей КГУ

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

На современном этапе развития нашего общества, когда повсеместно возникают многочисленные культурологические связи, неизбежно происходит перераспределение ценностных ориентиров и мотиваций в системе образования. Универсальным подходом к системе образования становится обучение межкультурной коммуникации.

В самом понятии межкультурной коммуникации заложено равноправное культурное взаимодействие представителей различных лингвокультурных общностей с учетом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого на основе сравнения иноязычной и собственной культур. Возьмем в качестве примера западную традиционную **культуру официально-делового общения**, от соблюдения которой в значительной степени зависит эффективность контактов с представителями академических и деловых кругов. Для наиболее плодотворного диалога с коллегами из северных стран очень важным представляется знание особенностей их характера, которые обусловлены происхождением, историей страны, системой образования, моральными устоями, бытом, лингвистической политикой, не говоря уже о требовательности любой западной фирмы к оформлению деловой документации, к тактике ведения деловых переговоров и т.д.

Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики и характеризующих исторически достигнутому ступень в развитии общества. В более узком смысле принято гово-

речь о материальной и духовной культуре. Культура – это явление историческое, развивающееся в зависимости от смены общественно-экономических формаций. Будучи зависимой, духовная культура не изменяется автоматически вслед за своей материальной основой, а характеризуется относительной самостоятельностью (преемственность в развитии, взаимовлияние культур различных народов и так далее).

Само понятие культуры состоит из двух частей – объективной и субъективной. Объективная культура включает всевозможные институты, такие как экономическая система, социальные обычаи, политические структуры и процессы, а также литература, виды искусства и ремесла. Субъективная культура – это психологические черты культуры, включающие ценности и образцы мышления (ментальность). Вот эта субъективная культура и представляет, по мнению многих исследователей, огромную трудность для понимания.

На сегодняшний день в системе образования основные приоритеты отданы исследованию специфики межкультурного диалога и социально-го взаимодействия. Следует отметить, что языковое многообразие и межкультурная коммуникация являются основой будущего демократического мира; теория диалога и межкультурной коммуникации признается одним из инструментов решения межнациональных, межкультурных и межэтнических проблем; разработка принципов стратегии управления конфликтами на основе межкультурной коммуникации и внедрение их в учебный процесс становятся глобальной задачей в системе образования.

На рубеже третьего столетия становится очевидным, что проблемы культуры должны быть представлены во всех обучающих системах. Отсюда возникает идея междисциплинарных связей в университетских программах.

К примеру, иностранный язык – с одной стороны, история, география, литература и другие гуманитарные предметы – с другой.

В области преподавания иностранного языка происходит довольно быстрое переключение интереса с преимущественно структурных сторон на прагматические аспекты (прагмалингвистику). Появляется новый взгляд на язык как на средство обретения социальной коммуникации (социалингвистика). Иными словами, возникает вторичная цель при изучении иностранного языка – обучение культуре страны изучаемого языка, а это означает – научить узнавать, понимать, оценивать коммуникантов, постигать другие народы посредством языка, при этом мы начинаем лучше познавать себя. К примеру, во всех культурах присутствует стремление к установлению хороших отношений между ее носителями. И особенно важно, что хорошие отношения – это несомненно культурная ценность. Но разные культуры по-разному понимают и эту цель, и пути к ней.

В английской культуре поощряется и ценится эмпатия, уважение к другому человеку, сдержанность и такт. Это следует из богатства способов выражения взаимной учтивости (извинения, сожаления, благодарности и так далее).

У американцев чрезвычайно развито дружелюбие ко всем, хотя оно и необязательно может быть направлено на конкретного человека.

Для русской культуры характерна теплота и сердечность, адресованные конкретному лицу (сравните употребление русских ласкательных имен).

Таким образом, проблема межличностных отношений непременно находит отражение в языке. А любой язык, в свою очередь, несет отпечаток культуры и менталитета, которые отражаются в «этнографии речевого этикета».

На наш взгляд, изучение речевого этикета в рамках теории лингвистической вежливости и языкового планирования должно стать составной частью университетской программы по обучению межкультурной коммуникации.

Е.А. Кожокина

Кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей КГУ

ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ТЕКСТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Язык как унифицированное средство человеческого общения охватывает все коммуникации в обществе и является таким феноменом, структура которого представляет собой единое целое, состоящее из отдельных единиц (фонем, слов, лексем, грамматических категорий), объединяющихся в процессе речевой деятельности в бесчисленном количестве вариантов. Однако ни одна из единиц системы языка в отдельности не может выступать в качестве средства передачи информации в коммуникативном акте. Минимальной единицей, интегрирующей в себе соответствующие языковые элементы для процесса коммуникации, является такой речевой акт, в котором осуществляется именно общение, а не просто передача безадресной информации. Данным свойством коммуникативного акта обладает текст, который относится уже не к системным единицам языка, а к речевым единицам, реализующимся в двусторонней направленности речевого акта. Следовательно

но, системные единицы языка, функционируя лишь как отдельные структурные элементы коммуникативного акта, образуют конечную единицу речевого общения, т.е. текст.

С.К. Фоломкина признаёт текст основной коммуникативной единицей, которую человек использует в своей речевой деятельности. Ведь в естественных языковых условиях текст является результатом продуктивных (при говорении и письме) и рецептивных (при аудировании и чтении) видов речевой деятельности, т.е. основным показателем осуществления речевой деятельности, который позволяет конкретизировать цели обучения иностранному языку, считается понимание или создание текста.

Как коммуникативная единица текст характеризуется наличием коммуникативного задания, целостностью, смысловой завершенностью и социальной обусловленностью, проявляющейся в выборе языковых средств, которыми оформляется речевое поведение коммуниканта.

В связи с этим при обучении студентов чтению специальной литературы мы учитываем, что тексты должны формировать основные речевые навыки и удовлетворять познавательной потребности студентов. Между коммуникативной и познавательной деятельностью должна существовать тесная связь, которая реализуется в процессе учебной деятельности.

В познавательной деятельности принято различать две стороны: мотивационную и процессуальную. Первая определяет стремление обучающихся к познанию, вторая обуславливает их умение познавать. Стремление студентов к познавательной деятельности может быть обусловлено:

- 1) положительным отношением к изучаемому материалу;
- 2) положительным отношением к предлагаемым способам учебной деятельности;
- 3) осознанием возможных способов применения знаний в собственной практической деятельности.

Профессиональная направленность является одним из путей повышения мотивации изучения иностранного языка в неязыковом вузе. Учёт профессиональных умений, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, и организация обучения таким образом, чтобы студент овладел иностранным языком в процессе осуществления этой деятельности, представляется наиболее перспективным направлением подготовки специалистов в неязыковом вузе. Совершенствование методики работы с текстами по специальности – это длительный процесс, включающий как разработку теоретических обоснований, так и проверку конкретных рекомендаций в практике обучения.

В данной статье мы ставим целью показать некоторые пути организации и активизации коммуникативно-познавательной деятельности студентов при обучении речевой деятельности на основе текста по специальности. Организация такой работы должна включать следующие этапы:

- введение и первичное закрепление лексико-грамматического материала при одновременном развитии речевых навыков;
- контроль пройденного материала;
- повторение материала в новых ситуациях.

При разработке методики работы с текстами по специальности нужно учитывать, что студенты должны усвоить лексический, грамматический и речевой материал текстов по специальности и научиться читать с адекватным произношением незнакомые оригинальные тексты, тематика и лексико-грамматический материал которых сходны с проработанными текстами, а так же понимать устные сообщения и поддерживать элементарную беседу на соответствующие темы.

Введение и первичное закрепление лексико-грамматического материала при одновременном развитии речевых навыков

Многолетним опытом работы по данной методике было установлено, что для усвоения лексико-грамматического материала вполне достаточно использовать только такие упражнения, которые включают ситуацию общения и отражают содержание изучаемых текстов.

Работу над текстами по специальности преподаватель начинает с отработки звукоартикуляционного образа и значений слов, предъявляемых в виде списка. В список включаются все слова, необходимые для понимания как вопросов, так и письменного варианта текста. Используя транскрипцию, если слово читается не по правилам, студенты тренируются в произношении слов. Значение слов передаётся на русский язык контекстуальным переводом.

До того как студенты приступают к чтению слов, им даётся установка попытаться удержать в оперативной памяти зрительно-звуко-артикуляционный образ читаемых слов и соответствующие им значения. Длительная практика показывает, что установка на запоминание слов способствует тому, что в течение следующих 30-40 минут студенты сохраняют их в оперативной памяти. Такого запоминания достаточно, чтобы понять смысл задаваемых преподавателем вопросов и найти ответ на них в тексте во время его беглого просматривания.

Академик Л.В. Щерба и ряд других учёных придавали и придают огромное значение грамматической стороне речи как важнейшей опоре для понимания текста.

При обучении изучающему чтению очень важно установление

смысловых связей, которое основывается в значительной степени на грамматическом анализе. Его цель – развивать у студента аналитические операции, связанные с умением вычленять в тексте те элементы-опоры, которые помогут преодолеть трудности в понимании. Такому анализу желательно подвергать только непонятные предложения, затрудняющие понимание. При этом важно направлять внимание студента на те грамматические признаки, которые помогают преодолеть возникшие затруднения, чтобы он ощутил пользу от данной работы. Целесообразен при этом перевод – полный или частичный - для точного понимания, а также сопоставление анализируемых явлений с родным языком и внутри иностранного языка.

Выполнение заданий на овладение лексико-грамматическим материалом

Овладение лексико-грамматическим материалом проходит во время вопросно-ответной работы по содержанию текста. Преподаватель задаёт вопросы по содержанию текста. Отвечая на поставленный вопрос, студенты учатся членить предложение на смысловые группы и пытаются запомнить последние, а не всё предложение целиком. Затем один из студентов отвечает на вопрос вслух, используя метод М. Уэста «Прочти, запомни и скажи». При ответе студент, не глядя в текст, проговаривает одну смысловую группу за другой. Если он забыл требуемую смысловую группу, то обращается к тексту вновь, запоминая её и, не глядя в текст, даёт правильный ответ. Строгое соблюдение данного метода в течение длительных тренировок по всем текстам развивает умение быстро ориентироваться в незнакомом тексте. Такая тренировка, проведённая на большом количестве текстов, даёт студентам возможность овладеть не только значением и звукоартикуляционной формой слов и словосочетаний, но и способами их употребления в реальном контексте по различным изученным темам.

Овладение лексико-грамматическим материалом и речевыми образцами осуществляется в процессе выполнения различных упражнений как в аудитории под руководством преподавателя, так и самостоятельно при работе с текстом дома. Студенты выполняют различные упражнения, построенные на материале текста, которые представляют собой лексико-грамматические перефразировки содержания, построение вопросов, составление плана и аннотаций, проведение дискуссий и др.

Контроль пройденного материала

Контроль усвоения материала и приобретённых навыков осуществляется устно или письменно. Студенты отвечают на вопросы, включающие вопросительные слова типа «почему», «зачем» или «с какой

целью»; отвечают на проблемные вопросы, кратко излагают содержание текста, отвечают на вопросы, построенные на лексико-грамматическом материале проработанного текста.

При проведении контроля можно подготовить специальный текст для тестирования. Тест, составленный на основе текста, в отличие от традиционного подхода позволит осуществить контроль за реальным, рецептивным и продуктивным уровнем владения фактическим и лексико-грамматическим материалом по темам, определённым в проекте госстандарта; ситуация, составленная на основе текста, поможет преподавателю организовать контроль за формированием коммуникативных умений.

При подготовке текста для тестирования необходимо, на наш взгляд, учесть ряд требований. Тексты должны быть:

- 1) разных функциональных стилей;
- 2) составленными исходя из методических принципов;
- 3) аутентичными;
- 4) проблемными;
- 5) стандартизированными;
- 6) использованными в режиме S1-S2.

Использование текста в режимах S1-S2 при организации контроля может создать мотивы, побуждающие студента к совершению естественных актов общения, цели, ориентирующие студента на совершенные речевого общения, обстановку, сложившуюся в момент общения, ориентированную программу осуществления цели.

Повторение материала в новых ситуациях

Одновременно с постепенным прохождением новых текстов рекомендуется систематически повторять пройденный ранее материал. Это возможно, если к изучению следующего текста приступают до окончания работы по предыдущему тексту. Так, на одном занятии можно вводить текст № 3, выполнять упражнения по тексту № 2 и проводить контроль по тексту № 1.

Предлагаемая организация занятий будет препятствовать утомлению, которое неизбежно возникает при длительных занятиях по одному и тому же тексту, и обеспечит естественное повторение изучаемого материала.

Приведём пример из практики работы со студентами исторического факультета.

На одном занятии преподаватель представляет студентам текст для ознакомления «История Эрмитажа» и проводит тестирование на понимание этого текста. На лексико-грамматическом материале ранее пройденного текста о Великой Отечественной войне проходит инте-

ресная беседа о близких и далёких родственниках, судьбы которых связаны с войной. А в конце занятия преподаватель проводит контроль по тексту «Двадцать восемь героев».

В целях активизации лексики после изучения ряда текстов, рассматривающих сходные вопросы, мы предлагаем студентам подытожить и обобщить основные данные этих текстов на иностранном языке. Например, после прохождения ряда текстов на тему «Английская живопись 17-19 веков», мы проводим итоговые занятия по данной теме, где студентам предлагаем обобщить данные пройденного материала об английских художниках В. Хогарте, Дж. Рейнольдсе, описать их картины, подготовить сообщения о других художниках.

Задания на подготовку связного высказывания по специальности развивают навыки устной речи студентов и вызывают познавательный интерес к изучению иностранного языка.

В интересной форме можно проводить работу по заданиям к учебнику «Английский язык для историков». Студентов просят прокомментировать один из исторических фактов, изложенных в упражнении, т.е. они должны вспомнить, что знали ранее об этом событии и рассказать об этом на английском языке.

Обучение чтению специальной литературы всегда должно носить познавательный характер, студенты должны уметь вести самостоятельный поиск литературы по специальности в журналах, газетах, специальной литературе, через Интернет. А работу над базовым текстом можно сопровождать чтением дополнительной литературы по данному вопросу.

В нашей практике работы со студентами-историками при прохождении периода Средних Веков мы знакомим студентов с творчеством В. Шекспира. Более подготовленным студентам мы предлагаем прочитать дополнительный материал о К. Марло, королеве Елизавете I, чьи имена тесно переплетаются с биографией В. Шекспира.

Итак, наблюдения за педагогическим процессом, знакомство с методической литературой по работе с текстами по специальности показывают, что коммуникативно-познавательную активность студентов стимулируют такие задания, выполнение которых связано с самостоятельной поисковой деятельностью студентов. Большой познавательный интерес вызывают задания, которые предполагают обобщение, систематизацию сравнения фактов, их комбинирование (с привлечением знаний, полученных в процессе овладения иностранным языком и другими учебными предметами), оценку, а также рассуждение по поводу прочитанного и побуждение к поиску дополнительной информации в связи с прочитанным.

Мы считаем, что начинать чтение специальной литературы нуж-

но уже со 2 семестра 1 курса. При этом для чтения рекомендуются более доступные статьи. Это прививает вкус к чтению научной литературы по специальности, постепенно приучает к чтению оригинальных научных текстов на иностранном языке и вырабатывает совершенно иное, не школьное отношение к изучению иностранного языка. Это учит студентов, делая сообщения о прочитанном, высказывать свои суждения, пусть не очень глубокие.

В результате всей изложенной в данной статье системы работы студентов по иностранному языку на основе текстов по специальности нам представилось возможным в конце 3 курса перейти к новому для нас виду работы со студентами – конференции. Это явилось завершающим этапом обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Е.П. Острянина

Кафедра иностранных языков

естественнонаучных специальностей КГУ

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Интенсивный рост объема научно-технической информации, который удваивается каждые 10 лет, быстрая смена технологий и приоритетное внедрение наукоемких технологий обуславливают необходимость наличия у специалистов способностей быстро осваивать новые технологии, навыков самообразования и обязательное их вовлечение в систему непрерывного образования. Развитие мощных внешних средств программной мыслительной деятельности, автоматизация и увеличение производительности умственного труда привели к росту спроса на специалистов, способных к творчеству, имеющих навыки самостоятельной исследовательской деятельности. Эту проблему можно решить, если с первого года обучения формировать у будущих специалистов высокий уровень познавательной активности (ПА).

Принцип активности в процессе обучения является одним из основных принципов дидактики. Он относится к числу вскрытых и сформулированных. Однако, по мнению Т.И. Шамовой, за ним не признается та важная роль, которую он на самом деле выполняет [3, с. 43].

ПА – качество деятельности личности, которое проявляется в от-

ношении студента к содержанию и процессу деятельности, в стремлении его к эффективному овладению знаниями и способами деятельности за оптимальное время, в мобилизации нравственно – волевых усилий на достижение учебно – познавательной цели [3, с. 49].

Активизацию учения надо рассматривать не как усиление деятельности, а как мобилизацию преподавателем с помощью специальных средств интеллектуальных, нравственно – волевых и физических сил студентов на достижение конкретных целей обучения.

В системе вузовского обучения вопрос формирования ПА студентов стоит очень остро, особенно в отношении технических специальностей. В настоящее время ряд проблем, стоящих перед техническим вузом, может быть решен только с применением новых методов обучения. К этим проблемам относятся: неадекватная структура мотивов студентов в процессе обучения в техническом вузе; отсутствие методов, развивающих личность студента в процессе обучения в вузе; низкий уровень психологической готовности студентов к будущей профессиональной деятельности; недостаточность знаний, умений и навыков самостоятельного умственного труда; недостаточно высокий уровень учебного самосознания.

В настоящее время иностранный язык превращается в профильную дисциплину, стоящую в одном ряду с общетехническими и даже специальными. Ценность выпускника вуза на рынке труда в условиях активного развития международных контактов российских предприятий во многом определяется уровнем языковой подготовки молодого специалиста.

Таким образом, перед преподавателем иностранного языка встают задачи не только совершенствования обучения, но и совершенствования личности студента. Специфической особенностью учебного предмета «иностранный язык» является сформированное к нему негативное отношение как к очень трудному, практически не поддающемуся овладению предмету. Выход может быть найден в изменении самого подхода к обучению иностранному языку. В качестве такого подхода предлагается технология формирования познавательной активности при обучении иностранному языку.

Данная технология основана на самостоятельной аудиторной работе студентов по переработке информации по специальности.

По утверждению Т.И. Шамовой эффективное учение возможно только при условии сформированности у учащихся умений перерабатывать информацию и осуществлять самоуправление процессом познания [3, с. 16]. В качестве информации, которую необходимо переработать, выступают тексты по специальности, содержание которых отличается новизной и способно вызвать познавательный интерес.

Таким образом, основным видом речевой деятельности при формировании ПА при изучении иностранного языка становится чтение. По мнению С.К. Фоломкиной, весь процесс чтения, организованного как практика в деятельности, создает благоприятные условия для непроизвольного запоминания языкового материала [2, с. 99].

Наиболее подходящим видом чтения для развития ПА является реферативное чтение, так как формулирование и фиксация главного содержания прочитанного составляет суть реферирования. Эта особенность реферирования обладает огромным обучающим и контролирующим потенциалом [2, с. 3].

Статус этого вида чтения признается всеми исследователями. А.А. Вейзе считает его подвидом ознакомительного и просмотрового чтения [1, с. 59], хотя его, скорее всего, можно отнести к изучающему, углубленному чтению.

Структурными элементами технологии являются: 1) цели, 2) содержание, 3) интенсивные методы и средства руководства и контроля, 4) интенсивный цикл организационных форм.

Данная технология представляет из себя модульную технологию, основанную на индивидуальном, дифференцированном, контекстном подходах.

Первый элемент технологии – диагностично поставленные цели, выраженные в алгоритмизированных действиях студентов и преподавателя. Студенты знакомятся с алгоритмом составления реферата, реферативного перевода и аннотации.

Каждый студент получает пакет (модуль) с заданиями различной сложности, а также с алгоритмизированными действиями, разделенными на 4 этапа. Преподаватель работает по программе–инструкции по управлению деятельностью студентов.

Второй элемент технологии – это содержание. Оно представлено в виде текстов–информаций. Содержание текстов приобретает исключительно важное значение: их подбор решает, будут ли студенты относиться к чтению на иностранном языке как к способу получения информации. Решающее значение имеет языковая доступность текста, так как это то условие, при котором студент может сосредоточиться на его содержательной стороне. Критерии отбора текстов следующие: новизна содержания, представляющая познавательный интерес для студентов; приближенность к профессии; языковая доступность.

Интенсивные методы и средства руководства и контроля включают методы проблемной постановки заданий, исследовательские методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), виды работы, имитирующие ситуации работы специалистов на иностранном языке. Задание, предлагаемое студентам при чтении, является и способом управления ис-

полнительным компонентом деятельности. Непосредственно управлять мыслительными процессами, происходящими во время чтения, невозможно, поэтому это осуществляется косвенно - через постановку перед читающим определенных задач и оценку получаемого им результата. Перед студентами ставится задача: написать реферат, реферативный перевод, аннотацию текстов по специальности, отзыв на статью, выступить с рефератом перед аудиторией. Преподаватель выступает в роли консультанта.

В цикл организационных форм входят следующие виды занятий: цикл лекций – практические занятия по освоению приемов реферирования и аннотирования – аудиторские самостоятельные занятия – внеаудиторная самостоятельная работа студентов – конференция.

При использовании данной технологии обучение чтению включает как рецептивную, репродуктивную, так и продуктивную, творческую деятельность студентов, а именно такая деятельность формирует мыслительную активность – основу ПА.

Список литературы

1. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1905. – 127 с.
2. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: Учеб. – метод. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – 207 с.
3. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. – М.: Педагогика, 1982. – 208 с.

О.А. Свириденко

Кафедра немецкой филологии КГУ

ЛИНГВИСТИКА И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Прогрессирующее развитие международных контактов и связей в политике, экономике, культуре и других областях обуславливает ориентацию современной методики обучения иностранным языкам на реальные условия коммуникации. Стремление к коммуникативной компетенции как к конечному результату обучения предполагает не только владение соответствующей иноязычной техникой (т.е. языковую компетенцию обучаемых), но и усвоение колоссальной неязыковой информации, необходимой для адекватного обучения и взаимопонимания, потому что последнее недостижимо без относительного равенства основных сведений общающихся об окружающей действительности.

сти. Заметное различие в запасе этих сведений у носителей разных языков в основном определяется различными материальными и духовными условиями существования соответствующих народов и стран, особенностями их истории, культуры, общественно-политического строя и т.п. Таким образом, общепризнанным стал вывод о необходимости глубоко знать специфику страны (стран) изучаемого языка и тем самым о необходимости страноведческого подхода как одного из главных принципов обучения иностранным языкам.

Знакомство с культурой страны изучаемого языка было одной из главных задач еще со времен античности. Преподавание классических языков, как трактовка религиозных текстов, не мыслился без культуроведческого комментария. В преподавании живых языков с конца XIV века на первое место наряду с устной речью выдвигается ознакомление с реалиями страны изучаемого языка. Особенно это было характерно для немецкой лингводидактической школы. В нашей стране различные сведения о том или ином государстве, передаваемые в процессе обучения языку (или в связи с изучением языка), принято называть страноведением, в Германии – культуроведением, в американских учебных заведениях существуют курсы языка и территорий, во французской методической школе бытует понятие «язык и цивилизация», английскими коллегами используется теория «лингвокультурные исследования». Овладение иностранным языком неразрывно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает не только усвоение культуроведческих знаний (фактов культуры), но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны.

Основные особенности русского коммуникативного поведения включают в себя: общительность, искренность, эмоциональность, приоритетность разговора по душам, нелюбовь к светскому общению, тематическое разнообразие, свободу подключения к общению третьих лиц, доминантность, бескомпромиссность в споре, бытовую неуклюжесть и другие.

К общим особенностям немецкого коммуникативного поведения относятся: высокий уровень внешней приветливости, бытовой вежливости, этикетность общения, чиновничество в общении, малолюбопытность, тенденция к анонимности социального общения, подробное планирование, приоритетность тем денег и еды, шумность в компании, предпочтение официального стиля общения и другие.

Английское коммуникативное поведение имеет следующие особенности: немногословие, низкий уровень громкости речи, высокий уровень самоконтроля, развитость светского общения, его тематичес-

кая табуированность, большая роль письменного общения.

Например, в немецкой традиции жест «ударить по рукам» связан с ситуациями приветствия и прощания. В русской культуре данный жест имеет значение «заключить сделку». Жест «щелкать пальцами» в немецкой традиции связан с привлечением внимания, который иногда употребляется и в школе учениками с целью привлечения внимания учителя. В русской традиции значение данного жеста – выражение ошибки и досады.

Обращение к проблеме изучения языка и культуры одновременно не случайно, так как это позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средства коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью. Такой подход к обучению иностранному языку в школе и в вузе во многом обеспечивает не только более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и содержит огромные возможности для стимулирования и дальнейшего поддержания мотивации учения.

Существуют два подхода к изучению культуры в процессе преподавания иностранных языков: обществоведческий и филологический. Первый подход основывается на дисциплине, традиционно связанной с изучением любого иностранного языка. Страноведение понимается как комплексная учебная дисциплина, включающая в себя разнообразные сведения о стране изучаемого языка. В отличие от фундаментальных наук, на которых оно базируется, страноведение включает в себя разнообразные сведения фрагментарного характера и определяется как дисциплина в системе географических наук, занимающаяся комплексным изучением материалов, стран, крупных регионов.

Теории «лингвострановедения» подчеркивают, что это направление сочетает в себе, с одной стороны, обучение языку, а с другой – дает определенные сведения о стране изучаемого языка. Поскольку основным объектом является не страна, а фоновые знания носителей языка, в обобщенном виде их культура, то было бы правильным говорить о «культуроведении». Однако термин «лингвострановедение» уже прочно вошел в практику преподавания иностранных языков. Надо четко представлять разницу между традиционным страноведением и лингвострановедением. Если страноведение является общественной дисциплиной, на каком языке оно бы не преподавалось, то лингвострановедение является филологической дисциплиной.

При филологическом подходе возможна постановка двух разных задач:

1. Извлечение культуроведческой информации из языковой единицы. В этом случае на первый план в качестве основной задачи обу-

чения выдвигается культура.

2. Обучение восприятию или преподаванию языковой единицы на фоне образа, аналогичному тому, что присутствует в сознании носителя языка и культуры.

Образ, на котором строится семантика слова или фразеологизма, создается у изучающего иностранный язык последовательно в процессе работы над значением языковой или речевой единицы и возникает во всей полноте, когда он сталкивается с этой единицей. При таком подходе к работе над семантикой, над национально-культурным компонентом значения на первый план изучения выдвигается не культура, а язык, и лингвострановедческая компетенция призвана обеспечить коммуникативную компетенцию, что предполагает оперирование аналогичными образами в сознании говорящего и слушающего, так как это происходит при общении между собой носителей одного и того же языка, одной и той же культуры.

Итак, главная цель лингвострановедения – обеспечение коммуникативной компетенции в актах международной коммуникации, прежде всего через адекватное восприятие речи собеседника и оригинальных текстов, рассчитанных на носителя языка. Лингвострановедение обеспечивает решение целого ряда проблем, в частности, главной филологической проблемы адекватного понимания текста, поэтому оно выступает в качестве лингвистической основы не только лингводидактики, но и перевода. Чтобы переводить, нужно прежде всего полностью понять иноязычный текст со всеми нюансами значения, включая подтекст, намеки, а уже затем с учетом адресата подбирать соответствующие эквиваленты в языке перевода, их незнание приводит к затруднению в общении на иностранном языке и в конечном счете к снижению коммуникативной компетенции обучаемых.

О.А. Свириденко

Кафедра немецкой филологии КГУ

ПРОЕКТ КАК ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ

Современный этап развития образования в России можно назвать переходным от традиционного, авторитарного к личностно-ориентированному, культуросообразному типу обучения, отражающему концепцию гуманистической педагогики.

Поворот к новому подходу в обучении связан с изменением общественно-экономических условий, которые требуют переориентации

процесса обучения с усвоения готовых знаний на развитие личности обучаемого, его творческих способностей, самостоятельности мышления и чувства личной ответственности. В такой педагогической теории студент становится центральной фигурой, а его деятельность приобретает активный характер.

Одной из самых распространенных современных технологий является проектная методика обучения иностранному языку. Использование проекта позволяет расширить профессиональный инструментарий современного преподавателя продуктивным методом обучения. Именно поэтому обращение к интерактивной методике, в рамках которой можно рассматривать и метод проектов, представляется сегодня достаточно современным.

Понятие проекта предполагает разработку замысла, идеи, детального плана того или иного практического продукта, изделия и т.д. При этом имеется в виду разработка не только главной идеи, но и условий ее реализации (сметы, материалов, условий эксплуатации).

Метод – дидактическая категория; совокупность приемов, операций овладения определенной областью практических или теоретических знаний, той или иной деятельностью; путь познания, способ организации процесса познания [1, с. 6].

Если говорить о методе проектов, то следует понимать способ достижения цели через детальную разработку процесса решения проблемы, который должен завершиться реальным практическим результатом, оформленным тем или иным образом.

В основу метода проектов положены: идея, составляющая суть понятия проект; его прагматическая направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практически значимой проблемы. Этот результат можно увидеть, осмыслить, применить в реальной деятельности. Для этого необходимо научить студентов самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из различных областей, прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения.

Метод проектов предполагает использование различных проблемных, исследовательских, поисковых методов, ориентированных на практический результат и разработку проблемы целостно с учетом различных факторов и условий ее решения.

Выделяют следующие типологические признаки проектов [2, с. 5]:

- доминирующий в проекте метод или вид деятельности: исследовательский, творческий, ролево-игровой, информационный, практико-ориентированный;

- предметно-содержательная область: монопроект (в рамках одной области знания) и межпредметный проект;

- характер координации проекта: с открытой, явной координацией (непосредственной) и со скрытой координацией (неявной, имитирующей участников проекта);
- характер контактов (среди участников одной школы, одного класса, города, региона, одной страны, разных стран мира): внутренний, региональный, международный;
- количество участников проекта: личностный, парный, групповой;
- продолжительность проекта: краткосрочный, средней продолжительности (один-два месяца), долгосрочный (до года).

В соответствии с признаком доминирующего в проекте метода можно обозначить следующие типы проектов: исследовательские, творческие, ролево-игровые, информационные, практико-ориентированные. Рассмотрим каждый из перечисленных проектов подробно.

Исследовательские проекты требуют хорошо продуманной структуры, обозначенных целей, обоснования актуальности предмета исследования для всех участников, обозначения источников информации, продуманных методов, результатов. Такие проекты приближены к научному исследованию. Они содержат аргументацию актуальности принятой для исследования темы, обозначения задач и методов исследования, указание источников информации. При выполнении заданий исследовательских проектов его участники выдвигают различные гипотезы решения обозначенной проблемы, определяют пути ее решения. Итогом исследовательской работы являются обсуждение полученных результатов и их оформление. Содержание проекта, его сложность должны соответствовать уровню языковой подготовки обучающихся.

Творческие проекты предполагают соответствующее оформление результатов. Они, как правило, не имеют детально проработанной структуры совместной деятельности участников. Каждый из задействованных в проекте выполняет ту часть творческого задания, которая соответствует его интересам. Результаты проекта могут быть представлены в написании газеты, сочинения, в драматизации и т.д.

Ролево-игровые проекты. Участники проекта принимают на себя определенные роли, обусловленные характером и содержанием проекта, особенностями решаемой проблемы. Это могут быть литературные персонажи или выдуманные герои, имитирующие социальные или деловые отношения.

Информационные проекты направлены на сбор информации о каком-либо объекте, явлении. Участники проекта изучают найденную информацию, анализируют ее, выделяют факты, которые и являются результатом заданий. Информационные проекты требуют продуман-

ной структуры, которая складывается из цели проекта, предмета информационного поиска, источника информации, представления результата информационного поиска, презентации.

Практико-ориентированные проекты отличаются четко обозначенным результатом деятельности его участников, который ориентирован на их социальные интересы. Результатом проведения таких проектов может стать создание документа на основе полученных результатов исследования по экологии, биологии, географии: сбор справочного материала, составление словаря, создание дизайна дома. Практико-ориентированный проект требует хорошо продуманной структуры, четкого определения деятельности каждого из участников. Важно поэтапное обсуждение и корректировка совместных и индивидуальных усилий в презентации полученных результатов.

Монопроекты, как правило, проводятся в рамках одного учебного предмета с использованием знаний из других областей для решения той или иной проблемы. Подобный проект требует тщательной разработки его структуризации по урокам, а также четкого обозначения целей, задач и тех знаний, умений, которые предположительно ученики должны приобрести в ходе выполнения заданий проекта. Необходимо спланировать логику работы на каждом уроке по группам, форму презентации.

Межпредметные проекты выполняются во внеурочное время. Это могут быть небольшие проекты, затрагивающие два-три предмета, а также достаточно объемные, продолжительные, общешкольные, планирующие решить ту или иную проблему.

Проекты с открытой, явной координацией. Координатор направляет деятельность других участников проекта, организует отдельные его этапы. Например, в обязанности координатора может входить договор о встрече в каком-то официальном учреждении или о проведении анкетирования.

Проекты со скрытой координацией. В данном случае координатор является одним из участников проекта. Например, в проекте, целью которого является проведение исследовательской работы, участвует специалист. Он помогает глубже «проникнуть» в стоящую перед участниками проекта проблему и полнее раскрыть ее.

Внутренние или региональные проекты, организуемые внутри одной школы на уроках по одному или нескольким предметам, или между классами, школами внутри региона.

Международные проекты. Участниками проекта являются представители разных стран.

По количеству участников можно выделить проекты: личностные, проходящие между двумя партнерами из разных школ, регионов, стран;

парные, организуемые между парами участников, и групповые, создаваемые между группами.

По продолжительности проведения проекты могут быть краткосрочными, направленными на решение небольшой проблемы; средней продолжительности, проходящие в течение одного-двух месяцев, и долгосрочные, рассчитанные на проведение в течение года.

В ходе выполнения проектных заданий студенты оказываются вовлеченными в активный творческий познавательный процесс на основе методики сотрудничества. Они погружены в процесс выполнения задания, а вместе с ним и в процесс получения новых и закрепления старых знаний по предмету, в рамках которого проводится проект. Студенты успешно усваивают учебный материал, а также развиваются в интеллектуальном плане. У них формируются такие качества личности, как самостоятельность, доброжелательность по отношению к преподавателю и друг к другу. Умения сопоставлять, анализировать и прогнозировать влияют на формирование их самостоятельности и овладение способами самообразования.

Список литературы

1. Байдурова Л.А., Шапошникова Т.В. Метод проектов при обучении учащихся двум иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2002. - №1. - С. 5-11.
2. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. - 2002. - №2. - С. 3-10.

А.В. Соснин

Кафедра иностранных языков технических специальностей КГУ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Создание глобального экономического, социального и культурного пространства – это объективный процесс начала двадцать первого столетия, вступление человечества в новый этап своего развития, представляющий новое информационное общество, культуру и этику. Специалисты различных отраслей учатся жить, ориентироваться и работать в совершенно новой информационной среде. Опыт использования информационных и компьютерных технологий в образовании доказывает, что наше общество успешно догоняет страны Западной Европы.

Развитие информационных и компьютерных технологий на современном этапе позволяет успешно использовать их в обучении иностранным языкам, в том числе, и на неязыковых факультетах. Следует заметить, что из всего многообразия данных технологий особенно эффективными в процессе обучения иностранным языкам являются мультимедиа-технологии и Internet.

Появление мультимедиа-технологий вывело взаимодействие компьютера, студента и преподавателя на качественно новый уровень. Под мультимедиа-технологиями подразумеваются, прежде всего, использование различных обучающих программ. В работе со студентами неязыковых специальностей широко используются как готовые программы, так и программы, самостоятельно созданные студентами под руководством преподавателя. Применение мультимедиа-технологий должно органически вписываться в работу, дополняя традиционную методику преподавания, т.к. обучающие учебные программы не могут полностью заменить практические занятия при обучении иностранным языкам на неязыковых специальностях.

Учебные программы, доступные в продаже, являются готовыми учебно-методическими комплексами, направленными на достижение определенных целей и имеющих разное содержание. Общим у большинства программ является их структура подачи материала. Как правило, они направлены на овладение лексикой и грамматикой, т. к. практически невозможно в рамках применения компьютерных технологий овладеть языком как средством общения. Ввод нового лексического материала сопровождается наглядностью и возможностью знакомства со звуковым образом слова. Такая подача позволяет наиболее быстро ознакомиться с новой лексикой, а затем перейти к тренировочным упражнениям, направленным на её закрепление. Упражнения позволяют не только закрепить в памяти студента значения новых слов, их графический и звуковой образ, но и использовать данную лексику в простейших ситуациях общения, естественно, учитывая тот факт, что у студента отсутствует полноценный собеседник, и общение осуществляется путем набора с клавиатуры.

Грамматика может вводиться как в готовых конструкциях, так и с предварительным теоретическим ознакомлением с тем или иным грамматическим явлением. Первичное закрепление грамматики осуществляется параллельно с закреплением лексики. Затем студентам предлагаются ряд заданий для контроля овладения новым материалом.

Обучение произношению при использовании мультимедиа-технологий имеет ряд особенностей: во-первых, образец произношения слова преподносится компьютером и студент может прослушать его несколько раз, во-вторых, контроль овладения осуществляется также компьютером, что является не всегда достаточно эффективным. По-

этому работу по овладению фонетическим строем иностранного языка целесообразно осуществлять преподавателю, привлекая компьютер лишь как вспомогательное средство.

Учебные программы, созданные самими студентами, отличаются более узкой направленностью на определённый аспект изучения иностранного языка, это обуславливается тем, что один человек не может заменить коллектив авторов.

Как правило, такие программы имеют похожую структуру: ввод нового грамматического явления, упражнения на закрепление нового материала и итоговые контрольные задания.

Все большее значение при изучении иностранного языка играет Internet. К сожалению, ограниченные возможности по его привлечению на занятиях не позволяют, например, использовать такую возможность, как online-уроки. Тем не менее, преподаватель при подготовке к занятиям может использовать ресурсы Сети в качестве источника дополнительной информации. В качестве примера приведём два основных типа источников:

1. Страноведческие тексты, огромный выбор которых позволяет выбрать наиболее подходящий как по сложности, так и по насыщенности новой информацией. Постоянное обновление информации в Сети, графическое и звуковое оформление может иметь большое значение при повышении мотивации в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Наличие соответствующих аппаратных средств могло бы позволить совершать так называемые Internet-экскурсии по стране изучаемого языка.

2. Специализированные технические тексты. Спецификой изучения иностранных языков на технических специальностях является потребность в оригинальных текстах общенаучного и общетехнического содержания. Учебники не могут успеть за развитием современной техники, поэтому целесообразно использовать дополнительную информацию:

- рекламные проспекты-описания работы, устройства и конструктивных особенностей работы машин и аппаратов;
- инструкции и правила при работе с техникой;
- оригинальные учебники как по общетехническим, так и по специализированным техническим дисциплинам на иностранном языке.

Таким образом, всё вышеизложенное позволяет полагать, что разумное использование новых информационных технологий при обучении иностранным языкам позволяет интенсифицировать процесс обучения и повысить мотивацию студентов неязыковых специальностей, несмотря на недостаточное наличие аппаратных средств, затрудняющих использование, как мультимедиа, так и Internet при изучении иностранных языков.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

В.М. Аврасин РЕКЛАМА И РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ, СТРУКТУРА, СТИЛЬ (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕСС-РЕКЛАМОЙ)	3
Р.П. Бекетова НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)	9
Р.П. Бекетова, Е.Н. Коваль ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАГОЛОВКОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «L'EXPRESS»)	15
Е.В. Баженова О ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ НА ЭТАПЕ ДЕКОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА	18
Р.А. Бутенко АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА ИНТОНАЦИИ	21
Р. А. Бутенко, Л.Е. Бархатова НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФОНОСТИЛИСТИКЕ (АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ)	25
Т.В. Гаверина ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	27
О.Н. Горева, О.В. Сидорова РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	30
Т.В. Горшкова КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА)	32
О.Г. Груздева ГИПЕРТЕКСТ (на материале железнодорожных текстов)	34
Е.Е. Иванова ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	43
Н.С. Казарина ДОПОЛНЕНИЕ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	49
О.А. Казенас ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ	52
О.А. Казенас, Р.П. Бекетова, Л.В. Попова СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ	56

О.А. Мальцева, Н.И. Андриевских ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО	60
Н.Я. Петрова, Т.Н. Николаенко СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ	66
А.П. Подкорытов НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ж. ВЕРНА «2000 ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ»)	73
Е.Р. Ратушина ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	79
О.А. Степаненко НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФЕ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ	85
Е.Г. Таранникова ЯВЛЕНИЕ ЭКФРАСИСА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	88
В.Ф. Ульянин ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	94
Н.Н. Цыцаркина КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ, ОПИСЫВАЕМЫЕ ГЛАГОЛАМИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (группа generic states)	102
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ	
Т.Е. Гайшина ОБУЧЕНИЕ «ДЕЛОВОМУ АНГЛИЙСКОМУ» В ВУЗЕ	107
Т.Р. Голендухина К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ	109
Е.А. Кожокина ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ТЕКСТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ	111
Е.П. Острянина ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	117
О.А. Свириденко ЛИНГВИСТИКА И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	120
О.А. Свириденко ПРОЕКТ КАК ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ..	123
А.В. Соснин ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ	127

Научное издание

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ**

Межкафедральный сборник научных трудов

Редактор Н.Л. Попова

Подписано к печати	Формат 60X84 1/16	Бумага тип. №1
Печать трафаретная	Усл. печ.л 7,75	Уч.изд.л. 7,75
Заказ	Тираж100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г.Курган, ул.Гоголя, 25
Курганский государственный университет.